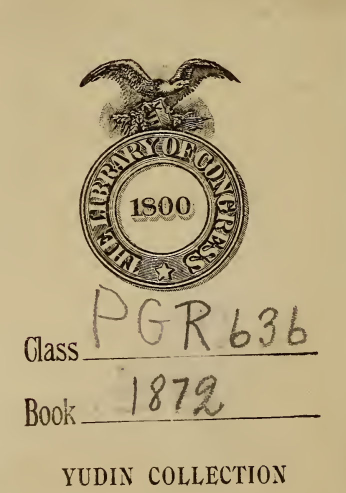

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ

И. С.

БАРКОВА.

1762-1764 г.

СЪ

БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ АВТОРА.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
1872.

СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ

И. С.

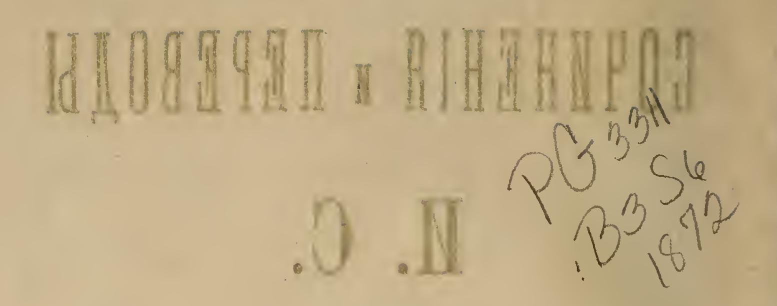
БАРКОВА.

1762-1764 г.

СЪ

БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ АВТОРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1872.

Типографія В. С. Эттингера (быв. Вульфа). Литейная, д. № 60.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Стр

Стр.

ИВАНЪ СЕМЕНОВИЧЪ БАРКОВЪ.

(*Біографическій очеркъ*).

Едва ли найдется въ исторіи литературы примѣръ такого полнаго паденія, нравственнаго и литературнаго, какое представляетъ И. С. Барковъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ современниковъ Ломоносова. Ни Альфредъ де Мюссе, ни Эдгардъ Поэ не могутъ идти въ сравненіи съ нимъ. Его напечатанныя произведенія ни сколько не похожи на произведенія подобнаго рода отъ Марціала до маркиза де Мазада. Въ нихъ нѣтъ ни эротическихъ, возбуждающихъ образовъ, ни закоренѣлой цинической безнравственности, занятой системами разврата и теоріями сладострастія. Въ них нѣтъ ни художественныхъ, ни философскихъ претензій. Это просто кабацкое сквернословіе, сплетенное въ стихи: сквернословіе для сквернословія. Это хвастовство цинизма своей грязью.

Этимъ наиболѣе извѣстенъ Барковъ.

Но у него есть произведенія первой молодости, произведенія вовсе не такого характера. Изъ этихъ произведеній мы узнаемъ, что онъ обладалъ довольно большими

литературными способностями. Ничего не было бы удивительнаго, если бы этотъ способный человѣкъ спился съ кругу: у насъ и теперь гибнетъ много способныхъ людей, а въ прежніе годы почти всѣ, сколько нибудь даровитые люди, какъ будто въ силу какой то тяжелой необходимости, бросались въ этотъ омутъ и нерѣдко погибали въ немъ, не сдѣлавши того, что въ силахъ были сдѣлать. Костровъ и Аблесимовъ тоже спились, но не такъ низко, какъ Барковъ. Не заключаетъ ли причина этого паденія печальнаго, трагическаго элемента?—Кто знаетъ, можетъ быть этотъ человѣкъ, съ несомнѣннымъ дарованіемъ, искалъ себѣ дѣла по способностямъ, такъ же, какъ искали и не находили его много русскихъ людей. Кто знаетъ, можетъ быть, дѣлая переводы по заказу академіи, искажая Несторову лѣтопись по приказу нѣмца—начальника, Барковъ томился жаждою другой дѣятельности. Жажда не было утолена. Разачарованной, убитой, онъ видитъ одинъ исходъ: потопить тоску своего неудовлетвореннаго стремленія въ винѣ. Пьяница чувствуетъ на себѣ презрѣніе общества, понимаетъ, что это общество само не заслуживаетъ ничего кромѣ презрѣнія. Онъ платитъ тою же монетою.—Вы презираете меня за то, что я грязенъ, говоритъ онъ,—посмотрите, я еще грязнѣе, чѣмъ вы думаете; презирайте меня сколько душѣ угодно, я не боюсь васъ. Погибъ, такъ погибъ. Онъ съ болѣзненной злостью начинаетъ самъ преувеличивать свои недостатки, хвалится ими, въ пику ходячимъ правиламъ общественной нравственности и приличій.

На сколько вѣрно это наше предположеніе—библіографическія свѣдѣнія о Барковѣ ничего не отвѣчаютъ намъ. Мы знаемъ только, что литературная дѣятельность

его началась около 1762 года, и что онъ умеръ въ 1778 году. Всѣ его произведенія, не носящія на себѣ того характера, представителемъ котораго служитъ въ нашей литературѣ онъ самъ, были написаны имъ около 1762—63 годовъ. Къэтому времени относятся его переводы съ латинскаго и итальянскаго и нѣсколько оригинальныхъ статей. *Барковщину* онъ началъ писать уже позднѣе. Первоначальнымъ мотивомъ этихъ произведеній по всей вѣроятности, было желаніе подтрунить надъ сумазброднымъ А. П. Сумароковымъ, надъ которымъ было въ модѣ смѣяться въ то время. Чудакъ, какъ въ частной жизни, такъ и въ своей литературной дѣятельности, Сумароковъ не находилъ покоя отъ насмѣшекъ, и поддразниваній, направленныхъ противъ него со всѣхъ сторонъ. Въ частной жизни, приходя вслѣдствіе безпокойнаго своего характера въ столкновенія съ хожалыми онъ, какъ литераторъ, былъ ужасно самолюбивъ, считалъ себя Россійскимъ Расиномъ и съ большею легкостью относился даже о талантѣ самого господина Вольтера. О безобразномъ поведеніи Сумарокова въ частной жизни безпрестанно доходили даже до самой императрицы некрасивыя извѣстія, въ родѣ того, что «Сумароковъ на Москвѣ шалитъ и озарничаетъ чрезвычайно, ходитъ съ дубьемъ около своего дома и бьетъ горшки и другія продажныя вещи, на рынкѣ находящіяся». Въ литературѣ онъ задирался со всѣми, дѣлая самыя странныя придирки не только къ словамъ и фразамъ, но даже къ буквамъ, которые употреблялъ писатель, имѣвшій несчастіе заслужить нерасположеніе Сумарокова. Какъ относились къ его критическимъ пріемамъ его современники, можно судить изъ одного отвѣта Ломоносова на нападки Сума-

рокова по поводу буквы фертъ. «Я фертъ потому употребляю чаще чѣмъ ѳиту, говоритъ Ломаносовъ, что эта буква стоитъ подпершися, а потому бодряе».—Отвѣтъ издѣвоченъ, но не важенъ, отвѣчалъ Сумароковъ. Въ такихъ издѣвочныхъ отвѣтахъ ни кто не считалъ нужнымъ церемонится съ нимъ, а меньше всѣхъ Барковъ.

Его *трагическія бездѣлки* есть довольно мѣткія пародія (перевороты, какъ тогда говорили) на ходульно-торжественныя трагедіи Сумарокова. Въ этихъ трагическихъ бездѣлкахъ герои говорятъ такими же длинными возвышенными стихами, какъ у Сумарокова, о самыхъ непристойныхъ и низкихъ предметахъ.

Нечего и говорить какое впечатлѣніе производили на самолюбиваго и раздражительнаго Сумарокова эти бездѣлки! Тогда водилось, что литераторъ прежде всего читалъ свое произведеніе въ гостиной какого нибудь знатнаго барина, и только перечитавъ свое произведеніе въ нѣсколькихъ домахъ, предавалъ его тисненію. Не рѣдко случалось, что послѣ чтенія ужасающихъ сценъ въ трагедіяхъ Сумарокова, Барковъ вынималъ изъ кармана свою бездѣлку, и, къ великому скандалу Россійскаго Расина, тѣшилъ холостую компанію, своей сквернословной пародіей.

Всѣ эти пародіи до сихъ поръ еще сохранились въ рукописахъ многихъ полуграмотныхъ любителей, заучивающихъ наизусть всѣ произведѣнія подобнаго рода, уже потому одному, что онѣ запрещенныя. Кромѣ пародій у Баркова есть еще множество стихотвореній, пользующихся громадной извѣстностью, каковы: «подай ка Сенька миску», «въ задорной юности моей», «жила

дѣвица Катерина» и проч. Кромѣ того множество пріапическихъ стихотвореніи другихъ авторовъ приписываются Баркову. Самые несообразные анегдоты разсказываются про него. Всѣ они задѣваютъ одну черту характера: дерзкую, порожающую находчивость.

О смерти Баркова преданіе говоритъ, что онъ окончилъ жизнь самоубійствомъ, оставивъ по себѣ записку: «жилъ грѣшно и умеръ смѣшно».

Одинъ анегдотъ объ немъ, за достовѣрность котораго можно сколько нибудь ручаться, показываетъ, что онъ не чуждъ былъ стремленія подшутить довольно дерзкимъ образомъ. Разъ ему академія поручила какой то переводъ, и при этомъ онъ получилъ довольно дорогой экземпляръ того сочиненія, которое слѣдовало перевести. Спустя долгое время и послѣ многихъ напоминаній, Барковъ все увѣрялъ, что книга переводится, и, наконецъ, когда къ нему уже начали приставать довольно серьозно, онъ объяснилъ, что книга дѣйствительно переводится изъ кабака въ кабакъ, что сначала онъ ее заложилъ въ одномъ мѣстѣ, потомъ перевелъ въ другое, и постоянно озабочивается, чтобы она не залеживаласъ по долгу въ одномъ мѣстѣ, а переводилась по возможности чаще изъ одного питейнаго заведенія въ другое.

Больше мы ничего не знаемъ о Барковѣ.

ЖИТІЕ

КНЯЗЯ

АНТІОХА ДМИТРІЕВИЧА

КАНТЕМИРА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1763 Г.

Князь Антіохъ Кантемиръ родился въ Царѣградѣ 10-го сентября 1709 года, отъ князя Димитрія Кантемира и Смарагды Кантакузены, дочери князя Воложскаго, происшедшаго отъ древнихъ Греческихъ Императоровъ сего имени. Фамилія Кантемировъ, какъ въ Оттоманской Исторіи, сочиненной отцемъ князя Антіоха, упоминается, начало свое ведетъ отъ Татаръ. По изустнымъ ихъ преданіямъ, предки Константина Кантемира, перваго князя сего имени, и дѣда нашего князя Антіоха, за 160 лѣтъ переселились изъ Крыму въ Молдавію, и приняли Христіанской законъ; почему и нѣкоторой Крымской мурза, признавая князя Константина себѣ однородцемъ, не только имѣлъ съ нимъ переписку, но и самъ пріѣзжалъ къ нему въ Яссы.

Въ 1710 году Ахметъ третій, Султанъ Турецкій, пожаловалъ князю Димитрію, отцу Антіохову, за оказанныя имъ Оттоманской Портѣ многія важныя услуги, княжество Мултянское, коимъ уже прежде владѣли два князя изъ его фамилій. Князь Димитрій долго отговаривался отъ принятія сей милости; но порта, вѣдая сколь полезенъ ей быть можетъ сей разумный и достойный мужъ, представляла ему, надѣясь тѣмъ его убѣдить, что онъ изъ Христіанъ одинъ, который въ состояніи охранять ея пользу и интересъ въразсужденіи помянутаго княжества, особливо при угрожаемомъ отъ Россіи нападеніи. Притомъ она уволила его отъ платежа Визирю и другимъ придворнымъ тѣхъ вели-

кихъ денежныхъ суммъ, которыя они съ новопоставляемыхъ князей брать обыкли. Сіе побудило наконецъ князя Димитрія, принять оное достоинство, коего сіяніемъ онъ однако ни мало не ослѣпился; ибо главное его удовольствіе всегда составляли науки.

Едва успѣлъ онъ пріѣхать въ Яссы, какъ отъ верховнаго Визиря, Балтаджи Могомета, получилъ весьма строгое повелѣніе о поднесеніи Портѣ обыкновенныхъ подарковъ; при чемъ предложены ему были требованія совсѣмъ противныя его обязательствамъ. Такая невѣрность Оттоманской Порты, и свирѣпство турковъ къ Мултянскому народу, вдохнули ему мысль, какъ бы освободить свое княжество отъ тиранства, и избавить Христіанъ, своихъ подданныхъ, отъ тяжкаго ига невѣрныхъ.

Пришествіе Петра Великаго съ арміею, и учиненныя отъ сего Государя предложенія, казались ему весьма благовременнымъ случаемъ къ произведенію въ дѣйство своего намѣренія. Онъ заключилъ съ Петромъ Великимъ договоръ, котораго пункты въ іюнѣ мѣсяцѣ 1711 года въ Яссахъ утверждены были присягою; но противное щастіе Россійскаго оружія при Прутѣ пресѣкло всѣ сіи намѣренія. Такимъ образомъ помощь, которую Дмитрій Кантемиръ надѣялся получить къ вѣчному обладанію своимъ княжествомъ, едва могла спасти собственную его персону и фамилію. Петръ Великій, не пріобыкши жертвовать своихъ союзниковъ собственному интересу, лучше желалъ уступить туркамъ знатную часть земли, которую при случаѣ паки возвратить могъ, нежели отдать имъ въ руки князя, которой изъ одной любви къ нему оставилъ свое княженіе. И такъ сей правосудный Монархъ великодушно отказалъ Портѣ въ ея требованіи, которое составляло первый пунктъ заключаемаго между обѣими арміями перемирія.

По заключеніи мира, Мултянской князь слѣдовалъ за Петромъ Великимъ въ Россію. Сей Монархъ объявилъ его, въ награжденіе за потерянное имъ владѣніе, княземъ Россійской Имперіи, съ

такимъ преимуществомъ, чтобъ ни отъ кого, кромѣ самаго государя не зависѣть, и оставилъ ему право живота и смерти надъ 1000 человѣками Мултянцовъ, которые съ нимъ вышли въ Россію. Сверхъ того пожаловалъ ему немалыя деревни въ Украйнѣ, сохраняя къ нему по смерть его всякую довѣренность, и пользуясь его совѣтами, какъ во время мира, такъ и во время войны.

Антіохъ, которому тогда было только два года отъ роду, посланъ былъ для воспитанія сперва въ Харьковъ, потомъ въ Москву, а напослѣдокъ въ Сенктпетербургъ. Отецъ его будучи самъ человѣкъ весьма ученой, и усмотря въ младомъ своемъ сынѣ особливую способность къ наукамъ, не преминулъ искать для него искуснѣйшихъ учителей. Первый, которому препоручилъ онъ его въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, былъ грекъ, именемъ Кондоиди, бывшій потомъ Архіереемъ въ Россіи; однако князь Димитрій не забывая должности, которою натуральной законъ родителей обязываетъ, вознамѣрился самъ присматривать надъ воспитаніемъ своего сына, а что бы не спустить его съ глазъ своихъ, взялъ его съ собою въ походъ, слѣдуя за Петромъ Великимъ къ Дербенту въ 1722 году..

Во время сего похода ученіе младаго Антіоха непрерывно продолжаемо было. Сверхъ безпрестаннаго чтенія, самыя земли, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ, служили ему вмѣсто отверстой книги, представляющей обычаи народовъ, нравы, коммерцію и земные произращенія; что все отецъ его старался изъяснить ему своими разсужденіями. Возвратившись изъ Персидскаго похода, князь Дмитріи впалъ въ жестокую болѣзнь, въ 1723 году, и предъ кончиною своею просилъ Петра Великаго опредѣлить наслѣдникомъ его имѣнія того изъ его сыновъ, который рачѣніемъ своимъ къ наукамъ окажетъ себя способнѣйшимъ къ государственной службѣ. Сіе прошеніе подтвердилъ онъ духовною, объявляя о меньшемъ своемъ сынѣ, что признаетъ въ немъ больше способности, нежели въ большихъ и потому почитаетъ

его за достойнѣйшаго себѣ наслѣдника, если онъ впредь противною поступкою не испровергнетъ его добрыя надежды. Князь Дмитрій послѣ сего скоро умеръ въ Сѣвскихъ своихъ деревняхъ.

Склонность, которую князь Антіохъ оказывалъ къ наукамъ, нимало не уменьшилась со смертію отца его. Учрежденная въ 1724 году С. Петербургская Императорская академія наукъ возбудила въ немъ еще большую ревность къ ученію. Въ началѣ предпринялъ онъ въ оной академіи выслушать у искуснѣйшихъ профессоровъ, выписанныхъ по повелѣнію Императора Петра Перваго, порядочный курсъ вышнихъ наукъ, въ коихъ оказалъ чрезвычайные успѣхи. Математикѣ учился онъ у славнаго Бернувлія, Физикѣ у Билфингера, Исторіи у Бейера, а нравоучительной философіи у Гросса. Сію послѣднюю науку предпочелъ онъ всѣмъ другимъ, говоря, что оная человѣку необходимо нужна, поколику научаетъ насъ познавать самого себя, поступать честно и сдѣлаться полезнымъ обществу. Съ разными своими ученіями соединялъ онъ и чтеніе священнаго писанія, къ которому сколь великое имѣлъ почтеніе доказывается сочиненная имъ и на россійскомъ языкѣ напечатанная симфонія. Вѣдая притомъ, что въ Россіи всякому надлежитъ быть либо въ штатской, либо въ военной службѣ, упражнялся онъ не меньше и въ военныхъ экзерциціяхъ; и записавшись въ Преображенскій полкъ, дослужился тутъ до оберъ-офицера. Между тѣмъ ни домашніе, ни прочіе дѣла, къ которымъ употребленъ былъ тогда князь Антіохъ, не могли отвратить его отъ ученыхъ его упражненій. Стараясь оные учинить полезными сколько себѣ, столько и своимъ согражданамъ, сочинилъ онъ первую сатиру, неимѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду; къ чему подало ему матерію упорство, которое оказывали нѣкоторые противъ учрежденій Петра Великаго. Ревность къ распространенію наукъ не дозволяла ему быть нечувствительнымъ при затвердѣлыхъ ложныхъ мнѣніяхъ своего народа. Обращая оныхъ въ посмѣяніе, что стыдъ можетъ быть

то произведетъ, что отъ размышленія тщетно ожидать надлежало. Разумные люди, незнающіе сочинителя, съ удовольствіемъ приняли сію первую сатиру, наполненную роптаніями невѣждъ противъ ученія. Ѳеофанъ, архіепископъ Новгородскій, которой былъ тогда изъ первыхъ ученыхъ людей въ Россіи, особливо поощрилъ безъимяннаго сочинителя стихами, а Ѳеофилъ Кроликъ, архимандритъ Новоспасскій, сочинилъ Латинскіе стихи въ его похвалу. Похвала Ѳеофана тѣмъ меньше подозрительна, что въ сатирѣ князя Антіоха Кантемира много такихъ мѣстъ, въ коихъ писано и противъ невѣжества духовныхъ. Князь Антіохъ, для засвидѣтельствованія благодарности своей архіепископу Новгородскому, приписалъ ему третью сатиру. Послѣ первой скоро вышла и вторая, которая не меньшій успѣхъ имѣла. Содержащіяся въ обѣихъ изрядныя наставленія подали причину, что многія его стихи вошли въ пословицу. Первой знакъ благодарности, которой оказала Императрица Анна Іоанновна князю Антіоху за вѣрныя его службы, состояло въ пожалованіи ему тысячи душъ крестьянъ, ибо въ отцовскихъ его деревняхъ наслѣдникомъ былъ учиненъ большій братъ его, Константинъ. Притомъ она назначила его Россійскимъ министромъ къ Великобританскому двору, для возстановленія добраго согласія между обѣими державами. Такимъ образомъ, онъ, не имѣя еще двадцати трехъ лѣтъ, отправился изъ Москвы, 1-го генваря 1732 года, черезъ Нѣмецкую землю и Голландію и, сколько время ему дозволяло, ничего на пути не упустилъ, что могло достойно быть столь наблюдательнаго ока. Въ Голландіи, вопервыхъ, старался онъ запастись хорошими книгами. Въ тоже время поручилъ онъ книгопродавцу въ Гагѣ издать въ печать описаніе Оттоманской Имперіи, сочиненное отцемъ его. Слава о ученомъ человѣкѣ еще до прибытія его въ Лондонъ распространилась. По пріѣздѣ его въ упомянутой городъ скоро узнали всѣ, что онъ и великой политикъ. Начало его негоціаціи было весьма благопо-

лучно, потому что онъ въ краткое время привелъ дѣла въ такое состояніе, какъ оба двора того желали. Въ слѣдствіе сего Милордъ Форбесъ назначенъ былъ въ Петербургъ полномочнымъ министромъ отъ Его Великобританскаго Величества; напротивъ чего Россійская Императрица князя Кантемира опредѣлила тѣмъ же характеромъ въ Лондонѣ. Время, которое оставалось ему отъ министерскихъ дѣлъ, неприминулъ онъ употребить на просвѣщеніе своего разума въ такой землѣ, которая сдѣлалась отечествомъ наукъ и художествъ. Домъ его былъ сборищемъ ученыхъ людей, которые привлекаемы были какъ его славою, такъ и пріятнымъ обхожденіемъ. Англію почиталъ онъ центромъ всѣхъ наукъ и утверждалъ сіе части въ своихъ разговорахъ. Дружество, которое имѣлъ онъ со многими итальянцами, возбудило въ немъ охоту научиться и ихъ языку, въ которомъ столь много преуспѣлъ, что по италіански говорилъ и писалъ, какъ природный италіянецъ. Англинскій дворъ, зная его искуство въ отправленіи политическихъ дѣлъ, оказывалъ ему и о прочихъ его избранныхъ качествахъ достойныя засвидѣтельствованія; наипаче королева Каролина, ясно знающая отличать людей, удостоила его особливой своей милостью; и въ угодность ей велѣлъ онъ перевесть и напечатать на англійскомъ языкѣ Оттоманскую исторію, о которой выше упомянуто.

Князь Кантеміръ, помышляя всегда о распространеніи наукъ въ своемъ отечествѣ, не хотѣлъ оставить предпринятаго своего намѣренія, не взирая на множество и трудность политическихъ своихъ упражненій. Первые его три сатиры произвели уже изрядные дѣйствія и потому побужденъ онъ былъ въ 1731 году сочинить еще четвертую къ музѣ своей, въ чемъ подражалъ славной сатирѣ Боалло Депрео къ Разуму, которая начинается слѣдуюимъ стихамъ: *я тебѣ, Разумъ мой, намѣренъ писать.*

Всѣхъ его сатиръ восемъ. Онъ началъ было и девятую, но по несчастію болѣзнь его оныя совершить не допустила. Не имѣя

намѣренія издать ихъ въ печать, послалъ онъ списокъ оныхъ къ Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которой приписалъ онъ ихъ по вступленіи ея на престолъ. Надлежало бы теперь упомянуть о преимуществахъ и недостаткахъ сихъ сатиръ; но издавая ихъ въ свѣтъ,, оставляемъ читателю самому объ нихъ разсужденіи. Довольно, что намѣреніе князя Кантемира въ томъ состояло, дабы чрезъ осмѣяніе истребить въ народѣ грубыя и застарѣлыя мнѣнія, къ чему силы здраваго разума бываютъ иногда недостаточны. Самъ онъ признавалъ, что разумныя и нравоучительныя сатиры легко могутъ вдохнуть склонность къ добрымъ дѣламъ и вѣрить пристойныя мнѣнія о справедливости, чести и правосудіи.

Что касается до сложенія его стиховъ, то послѣдовалъ въ томъ древнему въ Россіи употребленію. Бывшіе прежде его стихотворцы, какъ Симеонъ Полоцкій, который въ 1680 году псалтиръ преложилъ стихами, и Максимовичъ, издавшій по алфавиту житія Святыхъ, о которомъ Сатирикъ въ сатирѣ четвертой подъ стихомъ 143-мъ упоминаетъ, и другіе наблюдали токмо извѣстное число слоговъ съ нѣкоторымъ сѣченіемъ, раздѣляющимъ каждой стихъ на два полустишія, оканчивая согласнымъ паденіемъ слоговъ или риѳмою; по чему оныя ихъ стихи были безстопные, какими и сатиры князя Кантемира писаны. При изрядномъ расположеніи мыслей, старался онъ, сколько возможно было, избѣгать словъ иностранныхъ, которыя другіе въ свой языкъ часто мѣшать обыкли. Онъ же первой въ переводѣ своемъ Анакреона и Гораціевыхъ писемъ, ввелъ стихи безъ риѳмъ съ такимъ добрымъ успѣхомъ, что труды его по справедливости могутъ почесться за наилучшія сочиненія въ стихахъ тогдашняго времени.

Такое непрестанное его упражненіе въ наукахъ умножило у него истеченіе мокроты изъ глазъ, которое причинилось ему отъ оспы еще въ младенчествѣ. Тщетно употреблялъ онъ до

сего времени всякія средства къ исцѣленію оной болѣзни. Наконецъ великая слава господина Жандрина, бывшаго лейб-медикомъ при французскомъ Регентѣ, побудила его въ 1736 году ѣхать въ Парижъ. Отъ лѣкарства сего искуснаго доктора глаза его пришли въ гораздо лучшее состояніе, а два года спустя послѣ того, пріѣхавъ онъ министромъ въ Парижъ, стараніемъ упомянутаго доктора совершенно вылѣчился.

Но возвратимся паки къ министерскимъ дѣламъ князя Антіоха. Франція съ неудовольствіемъ взирала на союзъ, заключенный въ 1734 году между Россіей и Римскимъ Императоромъ противъ Оттоманской порты; а еще больше завидавала благополучнымъ успѣхамъ Россійскаго оружія въ Турецкихъ областяхъ, подъ предводительствомъ фельдмаршала графа Миниха. Но какъ Россійскій Императоръ, не имѣя счастія въ сей войнѣ, чрезъ ея посредство сдѣлалъ съ портою особый миръ, то и Россійской дворъ не хотѣлъ далѣе распространить свои завоеванія, и склонять на учиненныя ему предложенія вступилъ также въ негоціацію.

Въ то время Французское министерство имѣло въ Лондонѣ переговоры съ княземъ Кантемиромъ, который довелъ дѣло до того, что Французскій дворъ вознамѣрился послать министра въ Сенктпетербургъ, напротивъ чего онъ самъ, въ 1738 году, назначенъ былъ во Францію въ характерѣ полномочнаго министра и отъ государыни Императрицы Анны Іоанновны пожалованъ при семъ случаѣ камергеромъ. Пріѣхавъ въ Парижъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ помянутаго года, исходатайствовалъ онъ себѣ, противъ обыкновеннаго французкаго церемоніала, непосредственную у короля аудіенцію, и наконецъ имѣлъ щастіе привесть къ благополучному оканчанію негоціацію о мирѣ съ турками, при которомъ Франція была посредницею. Во время продолженія сей негоціаціи, король Французскій принялъ намѣреніе отправить въ Россію полномочнаго посла; чего ради Императрица Анна Іоанновна князя Кантемира также опредѣлила чрезвычай-

нымъ посломъ при французскомъ дворѣ, въ которомъ достоинствѣ допущенъ онъ былъ на аудіенцію въ концѣ декабря мѣсяца тогожъ года, по отправленіи Маркиза-де-ла Шетарди посломъ въ Россію.

Дѣла, происходившія по кончинѣ Государыни Императрицы Аннѣ Іоанновны, привели князя Кантемира, какъ министра отдаленнаго отъ своего двора, въ нѣкоторое затрудненіе, однако при всѣхъ бывшихъ тогда перемѣнахъ, оказалъ онъ себя столь искуснымъ политикомъ, и поступалъ столъ благоразумно, что въ равно милости содержанъ былъ, какъ у Императрицы Анны Іоановны и принцесы правительницы, такъ и у Государыни Императрицы Елисаветы Петровны. Всѣ оказывали къ нему разныя знаки своего благоволенія. Перьвая пожалавала его камергеромъ, съ жалованьемъ не въ образецъ прочимъ посломъ, а вторая Тайнымъ Совѣтникомъ, въ которомъ достоинствѣ Государыня Императрица Елизавета Петровна его подтвердила, обѣщая ему впредь еще вящія награжденія.

Въ Парижѣ первое стараніе князя Антіоха было познакомиться съ учеными людьми, ибо при всѣхъ различныхъ его упраженіяхъ мысль его была всегда столь спокойна, что онъ въ состояніи былъ опредѣлить нѣкоторую часть своего времени на науки. Цвѣтущіе его лѣта, коимъ бы надлежало быть склоннымъ къ тамошнимъ непрестаннымъ забавамъ и увеселеніямъ, препровождалъ онъ по большей части какъ философъ, или лучше сказать пустынническимъ образомъ. Чрезъ долгое время имѣлъ онъ обхожденіе съ малымъ числомъ пріятелей, да и съ тѣми не всякой день видѣлся. Наука, къ которой онъ по прибытіи своемъ во Францію больше всего прилѣпился, была алгебра. Цѣлые почти два года онъ непрестанно въ ней упражнялся, и наконецъ такъ предъуспѣлъ въ сей наукѣ, что сочинилъ самъ руководство къ оной на Россійскомъ языкѣ, которое осталось въ рукописи. Слыша разсужденія его либо о дѣлахъ политиче-

скихъ, либо о наукахъ и художествахъ, не можно было не удостовѣрить себя, какъ о превосходныхъ его знаніяхъ, такъ и объ основательности его разума. Всегда начиналъ онъ съ самыхъ простыхъ основаній, а изъ оныхъ выводилъ слѣдствіе и напослѣдокъ прямо доходилъ до истины. Онъ былъ строгой наблюдатель христіанскаго закона, и для сего читалъ наилучшія книги, касающіяся до вѣры и благочестія, признавая что философія приводитъ человѣка къ добродѣтели только словами, а христіанскій законъ самымъ дѣломъ путь къ ней показываетъ.

Политика по его мнѣнію состоять должна наипаче въ томъ, чтобъ способствовать благополучію народному, а имя Государя долженствуетъ въ себѣ заключать знаменованіе Отца народа. Пользѣ, какъ Государя, такъ и народныя, всегда надлежитъ клониться къ одному намѣренію, и когда государи доставляютъ себѣ покой и безопасность кровію подданныхъ, то они нарушаютъ законы натуры и правленія, почитая оныя за средство къ удовлетворенію ихъ честолюбія. На сихъ правилахъ князь Кантемиръ утверждалъ свою политику. Благополучны бы были народы, еслибы сіи правила были наблюдаемы во всѣхъ государскихъ совѣтахъ!

Князь Кантемиръ подверженъ былъ человѣческихъ слабостямъ, какъ и другіе люди. Онъ чувствовалъ то самъ, яко человѣкъ, и имѣлъ нещастіе искуситься въ скорби, свойственной человѣческому роду. 1740 году почувствовалъ онъ внутреннюю болѣзнь, которая отчасу умножалась, и хотя онъ въ пищѣ былъ очень воздерженъ, однако желудокъ его почти уже варить не могъ. Въ 1741 году, по совѣту доктора Жандрина, ѣздилъ онъ къ Акенскимъ цѣлительнымъ водамъ, и отъ нихъ на нѣсколько времени въ болѣзни своей получилъ облегченіе, такъ какъ и отъ лекарства дѣвицы Стифенсъ, которое употреблялъ онъ по егожъ совѣту. Въ 1743 году, лѣтомъ, поѣхалъ онъ къ Пламбіэрскимъ цѣлительнымъ водамъ; но будучи не въ состоя-

ніи оными пользоваться, возвратился въ Парижъ въ гораздо худшемъ состояніи. Потомъ, при умножающейся своей болѣзни, искалъ онъ помощи у разныхъ докторовъ, которые привели его до такой крайности, что въ концѣ помянутаго года немогъ уже никуда выходить. По то время болѣзнь его состояла въ великой слабости желудка, въ жестокомъ рѣзѣ въ почкахъ, и въ непрестанной безсонницѣ. Послѣ того приключилась ему посредственная лихорадка, а напослѣдокъ небольшой кашель. Доктоѣры хотя увѣряли его, что оные припадки неопасны; однако одинъ изъ его пріятелей, признавая противное, совѣтывалъ ему перемѣнить воздухъ, какъ наилучшее средство, которое употребить онъ можетъ, и предложилъ ему ѣхать въ Италію. Кантемиръ принявъ за благо сей совѣтъ, просилъ позволенія отъ своего двора, чтобъ ему зиму препроводить въ Неаполѣ. Но прежде, нежели онъ получить оное могъ, прошло нѣсколько недѣлъ, а тогда уже не былъ онъ въ состояніи въ путь отправиться, какъ для худой погоды, такъ и для умножавшейся болѣзни, о которой больше не сомнѣвались, чтобъ не была у него въ груди. Господинъ де-Мулень началъ употреблять лекарства для пользованія легкаго; но когда болѣзнь весьма уже усилилась, то онъ мало имѣлъ надежды, хотя и скрывалъ мнѣніе свое отъ больнаго. Употребленіе козьяго молока имѣло изрядное дѣйствіе, однако, не на долгое время.

Болѣзнь князя Антіохова продолжалась близь полугода. Притомъ, безсонницу прогонялъ онъ чтеніемъ книгъ; а когда ему представляли, что сіе упражненіе вредно его здоровью, то онъ отвѣтствовалъ, что тогда только не чувствуетъ болѣзни, когда въ трудахъ находится. Охоту къ чтенію потерялъ онъ не прежде, какъ за три или за четыре дня до своей кончины; и сіе самое совершенно удостовѣрило его о наступившей крайней опасности его жизни.

Нѣкоторой его пріятель, находившійся при немъ во всю его

болѣзнь, видя приближеніе его кончины, и читая нѣкогда съ нимъ Цицероново разсужденіе о дружествѣ, гдѣ между прочимъ упоминается о взаимныхъ должностяхъ, которыхъ сія добродѣтель требуетъ, открылъ ему опасность, въ коей онъ его видитъ, и представилъ ему, что пришло время привесть въ упадокъ домашнія дѣла и очистить свою совѣсть. Князь Кантемиръ принялъ сіе напоминаніе съ искреннимъ сочувствованіемъ благодарности, отвѣтствуя своему пріятелю, что онъ сію услугу, которую онъ ему оказываетъ, пріемлетъ за явное доказательство нелицемѣрной его дружбы, и проситъ его, чтобъ оную продолжалъ къ нему до самой смерти.

Послѣдніе дни его жизни употреблены были имъ на отправленіе христіанской должности. Послѣ обыкновенной исповѣди, слушалъ онъ въ день святыя Пасхи божественную литургію въ домовой своей церкви, и пріобщился святыхъ Таинъ. На другой день также былъ у обѣдни; но на третій не въ состояніи былъ приказать нести себя въ церковь. Стараясь между тѣмъ о приведеніи въ порядокъ домашнихъ своихъ дѣлъ, сочинилъ онъ духовную, въ которой приказалъ, чтобъ тѣло его, по вскрытіи, было бальзамировано и отвезено въ Россію, для погребенія въ томъ же монастырѣ, гдѣ и отецъ его.

Онъ въ совершенномъ былъ разумѣ до послѣдняго своего издыханія. Въ субботу на святой недѣлѣ, а именно 11 числа апрѣля, въ исходѣ шестаго часа ввечеру, почувствовалъ онъ приближающуюся свою кончину, и призывая имя Божіе крестнымъ знаменіемъ, скончался 34-хъ лѣтъ и 7 мѣсяцевъ.

По вскрытіи тѣла уже усмотрѣно, что въ груди у него была водяная болѣзнь. Россія сожалѣла о немъ, какъ о ревностномъ распространителѣ учрежденій Государя Императора Петра Великаго; Дворъ сожалѣлъ какъ о разумномъ и просвѣщенномъ министрѣ; Ученые, какъ о знаменитомъ своемъ согражданинѣ, а всѣ честные люди, какъ о достойномъ пріятелѣ. Князь Антіохъ,

сверхъ другихъ природныхъ дарованій, имѣлъ столь острый и просвѣщенный разумъ, что глубокимъ своимъ разсужденіемъ предусматривалъ успѣхъ почти всякаго предпріятія, какъ скоро планъ его узнавалъ, и конецъ по большей части соотвѣтствовалъ его догадкамъ. Въ отправленіи политическихъ дѣлъ поступалъ онъ праводушно и искренно, почитая лукавство за недостойное своего разума, и всегда достигалъ до намѣренія своего прямою дорогою, не оставляя однако потребнаго въ случаѣ благоразумія.

Съ перваго взгляду казался онъ непривѣтливъ; но сіе нечувствительно исчезало, чѣмъ болѣе находилъ онъ такихъ людей, которыхъ обхожденіе ему пріятно было. Меланхолическаго его нраву причиною были долговременныя его болѣзни, однако, онъ не только веселился со своими пріятелями, но и за удовольствіе почиталъ имъ оказывать дѣйствительныя услуги. Часто говаривалъ онъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ употреблять знатность и силу свою на благотвореніе ближнему. Разговоры свои, въ коихъ находилось болѣе основательности, нежели живности, умѣлъ онъ прикрашивать пріятными шутками, когда случай дозволялъ употреблять оныя къ стати. Пріятное его обхожденіе способствовало къ наставленію другихъ, но безъ всякаго тщеславія и гордости. Политика его была совсѣмъ непринужденная, и утверждалась на здравомъ разсужденіи, а противную сему политику онъ крайне ненавидѣлъ. Любилъ сатиры, но такія, которыя производили смѣхъ въ разумныхъ и добродѣтельныхъ людяхъ; былъ купно и философіи экономъ искусный; наблюдалъ порядокъ въ своемъ домѣ, и никогда не признавалъ, чтобы долги были знакомъ благородства и высокаго достоинства. Онъ былъ нѣжнаго сложенія, и хотя не пригожъ лицемъ, однако имѣлъ разумную и въ любовь къ себѣ привлекающую физіономію.

Россійскимъ, мултянскимъ, латинскимъ, итальянскимъ, французскимъ и нынѣшнимъ греческимъ языками говорилъ изрядно, а притомъ разумѣлъ по эллински, по гишпански и по аглински.

Изъ многихъ сочиненій на россійскомъ языкѣ, первое: симфонія на псалмы, которую издалъ онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, какъ о томъ выше упомянуто. Стихи свои, содержащіе сатиры, нѣсколько басенъ, одъ и проч. приписалъ онъ блаженной памяти Государынѣ Императрицы Елизаветѣ Петровнѣ. Петреиду, Героическую поэму, въ похвалу Государя Императора Петра Великаго, недоконченную оставилъ. Также имѣлъ онъ собраніе самыхъ лучшихъ книгъ какъ на Французскомъ, такъ и на Итальянскомъ, Аглинскомъ, Латинскомъ и Греческомъ языкахъ. Сверхъ руководства его къ Алгебрѣ, есть письменныя его разсужденія о Просодіи. Любовныя пѣсни, сочиненныя имъ въ молодыхъ лѣтахъ, извѣстны толь по тому, что самъ авторъ съ сожалѣніемъ объ нихъ въ сатирахъ своихъ упоминаетъ. Переводы его съ иностранныхъ языковъ суть слѣдующія:

1) Фонтенелевы разговоры о Множествѣ Міровъ, съ примѣчаніями; напечатаны въ С.-Петербургѣ.

2) Юстинова Исторія.

3) Гораціевы письма, переложенныя Россійскими стихами безъ риѳмъ.

4) Анакреоновы Оды, преложенныя стихами безъ риѳмъ же.

5) Корнелій Непотъ.

6) Кевита таблица.

7) Письма Персидскія.

8) Епиктитово нравоученіе.

9) Италіянскіе разговоры господина Алгаротти о Свѣтѣ.

Мы не упоминаемъ здѣсь о тѣхъ его сочиненіяхъ, которыя бы безъ сомнѣнія большаго почтенія удостоились, естьли бы на свѣтъ изданы были, то есть Министерскія его разсужденія и реляціи, касающіяся до дѣлъ и интересовъ знатнѣйшихъ Дворовъ въ Европѣ.

МИРЪ ГЕРОЕВЪ.

ДРАММА НА МУЗЫКѢ,

представленная во время торжества благополучно заключеннаго мира между его императорскимъ величествомъ Петромъ третьимъ, самодержцемъ всероссійскимъ и его величествомъ Фридерикомъ третьимъ, королемъ прусскимъ, курфирстомъ Бранденбургскимъ.

и прочая, и прочая, и прочая.

Іюня дня 1762 года.

Италіанское сочиненіе г. доктора Лудовика Лазарони Венеціанина;

музыка придворнаго капельмейстера МАНФРЕДИНИ;

ПРЕЛОЖЕНІЕ РОССІЙСКИМИ СТИХАМИ

переводчика ИВАНА БАРКОВА.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МИРЪ . . .	Дѣвица Маріа Мане.
ДОБРОДѢТЕЛЬ	Дѣвица Нунціата Гарани.
ЗАСЛУГА . .	Г. Варфоломей Путтини.
МУЖЕСТВО .	Г. Іосифъ Милино.
ЮПИТЕРЪ .	Г. Гаврила Массіери.
МЕРКУРІЙ. .	Г. Доль.

Всѣ въ службѣ Его Императорскаго Величества.

Театръ представляетъ отверстое поле съ растущими въ разныхъ мѣстахъ деревами.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вдали видно пространное поле съ растущими въ разныхъ мѣстахъ деревами, изъ которыхъ на одномъ повѣшено блистающіе оружіе.

Хоръ пастуховъ.

Сердца покойтесь миролюбны,
Крѣпи союзъ, небесный даръ!
Да не мятутъ насъ гласы трубны,
Да пройдетъ браней звукъ и жаръ.
Да соберемъ во дни веселы,
Отъ хищныхъ безопасны рукъ,
На нивахъ нашихъ класы спѣлы,
И намъ да будетъ жатва въ тукъ.
Сердца покойтесь миролюбны,
Крѣпи союзъ, небесный даръ!

Добродѣтель и Мужество.

Добродѣтель: Неустрашимый взоръ, о Мужество, простри,
И на ужасное оружіе воззри,
Которо мнѣ Вулканъ далъ, чтобъ твоей рукою
Доставить оное прехраброму герою.
Монарху русскому достойно то вручить,
Что непріятелей возможетъ устрашить.
Смятуться ратную враги увидѣвъ сбрую;
Обыкше-жь войско зрѣть на смерть безъ страха злую,
И славны торжества съ побѣдами считать,
Несносные труды готово побѣждать.
Подай десницу мнѣ въ знакъ дружбы и любови;
Прими шлемъ, латы, мечь очищенный отъ крови.

Мужество: Толику крѣпость зрю оружія сего,
Что лучшаго Вулканъ не дѣлалъ ничего.
Такое нашему герою и пристало,
Какъ съ храбрымъ воинствомъ сражатся надлежало.
Се нынѣ память тѣхъ возставилась временъ,
Въ которы Гекторъ брань велъ у Троянскихъ стѣнъ,
При многихъ тысячахъ вооруженныхъ къ бою,
Гдѣ онъ и Ахиллесъ сражались межь собою.
О семъ оружіи предвижу я давно,
Что большія дѣла произведетъ оно.

Добродѣтель: Герой, кой масличной миръ вѣтвію являетъ
Главу свою вѣнцемъ лавровымъ увѣнчаетъ,
И непріятелей заставитъ трепетать;
Но кто противъ него дерзнетъ воздвигнуть рать,
Довольно зная, что въ немъ храбрость несравненна,
И что ему всегда побѣда несомнѣнна?
Крѣпится сердце въ немъ вооруженно мной;
Ты дѣйствуешь его въ сраженіяхъ рукой.

Возможно ль статься, чтобъ того какая сила
Побѣды, жестоко противяся, лишила,
Кто добродѣтелью и мужествомъ своимъ
Искусно на войнахъ бываетъ предводимъ?
Тотъ бѣдства всякія безъ страха презираетъ,
Кто въ мужествѣ свою надежду полагаетъ,
И добродѣтель гдѣ показываетъ слѣдъ,
Туда свой правитъ путь съ надеждою побѣдъ.
Чью душу Мужество и Честность подкрѣпляетъ,
На самой смерти видъ нетрепетно взираетъ,
Возможно ль статься и проч.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Мужество и Меркурій.

Мужество: И такъ пложу напрасно рѣчи,
Коль дѣла больше нѣтъ мнѣ здѣсь;
Пойду отсюда, вздѣвъ на плечи
И взявъ снарядъ воинскій весь.

Меркурій: Постой! хочу сказать я слово,
Чтобъ знала волю ты Боговъ,
Возставившихъ спокойство ново
Межь двухъ Монарховъ и друговъ.
Раздоръ, чудовище ужасно,
Противный плевелъ всѣялъ въ міръ;
Ему казалося опасно,
Чтобъ обоихъ героевъ сихъ
Сердца, талантовъ рѣдкихъ полны,
Пришедъ въ согласіе опять
И миръ возставивъ добровольной,
Во вѣкъ не стали распри знать.
Ихъ намѣреніе злое
Съ враждою ревность ихъ смѣшатъ,
Чтобъ не были отнюдь въ покоѣ,
Но тщились бы другъ друга гнать.
Ему нужна была выгода,
Чтобъ взялъ велику силу онъ
Чрезъ раззореніе народа,
Могъ свѣту предписать законъ.

Мужество: О дѣлѣ славномъ и великомъ,
Сколь мнѣ пріятно слышать вѣсть!
Въ союзы ПЕТРЪ со ФРИДЕРИКОМЪ;
Оставя ненависть и месть,

Въ знакъ дружбы, что изчезла злоба,
Другъ другу руки подаютъ.
Въ мечтѣль, иль явно зрю, что оба
Отъ ссоръ, Меркурій, престаютъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Миръ и тѣже.

Миръ: Виждь, о Мужество во онно,
Миръ желанный предъ тобой.
Отъ боговъ мнѣ повелѣнно
Разлученныя войной
Двухъ сердца героевъ славныхъ
Во едино сопрячи,
Чтобъ временъ союзы давныхъ
Чтили мирно живучи;
И какъ солнце намъ лучами
Освѣщая грѣетъ кругъ,
Были бъ такъ Они дѣлами
Славны и полезны вдругъ.
Тамъ оружію остаться
Должно нынѣ и всегда;
Не дерзай никто касаться
Для раздора и вреда.
Свобожденна отъ напасти
Ты, Европа, возставай;
Въ отдаленны свѣта части
Мирны вѣтви простирай.
Се златый намъ возвращаешь,
Тишина любезна, вѣкъ;
Радость нашу обновляешь,
Кою рокъ войны пресѣкъ.

Послѣ скорби и печали
Зримъ отраду мы отъ бѣдъ;
Мысли всѣхъ спокойны стали
Послѣ многихъ толь суетъ.
Се златый намъ и проч.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Заслуга и тѣже.

Заслуга: Скажи, любезный Миръ, мнѣ въ истину объ ономъ,
Привелъ ли твердымъ ты согласія закономъ
Героевъ двухъ сердца противныя въ совѣтъ,
Которыхъ свѣтъ дѣламъ чудясь высоко чтетъ?
Чудится, хвалитъ, Имъ желаетъ поклонятся.
Услышавъ лишь теперь ту вѣсть, хочу дознаться,
Прямая ль правда то, иль разглашенный слухъ,
Что сердце въ Нихъ одно, единъ Геройскій духъ?

Миръ: Сомнѣнія въ томъ нѣтъ; тебѣ то мнится странно,
Что награжденіе въ отрадѣ всѣхъ желанно
Въ Монархѣ Прусскомъ ты находишъ и покой,
Который далъ тебѣ великій нашъ Герой.

Заслуга: Что странно кажется мнѣ оное, не дивно:
Я окончаніе во всѣхъ дѣлахъ противно
Желанью моему въ семъ свѣтѣ нахожу;
Споспѣшествую всѣмъ охотно, и служу,
Но должное едва имѣю награжденье.
Прости, любезный Миръ, за тщетно мнѣ сомнѣнье.

Меркурій: Неосновательно сомнѣнье то, повѣрь;
Отъ Юпитера я съ небесъ сошелъ теперь,
Сказать въ концахъ земли, что боги такъ судили,
Чтобъ два Великіе Монарха въ дружбѣ жили.
Я къ Юпитеру самъ стократно припадалъ,

Чтобъ въ мирѣ семъ успѣхъ благополучный далъ!
Я теплыя къ нему молитвы возсылая,
Просилъ, чтобъ минула скоряй судьбина злая
Для щастья общаго и пользы твоея.

Заслуга: Возможноль, чтобъ сему могла повѣрить я?

Меркурій: Не думай, что тебѣ неправду объявляю.

Заслуга: Никакъ; я въ томъ тебя сама не обвиняю,
Но вѣдаю особъ придворныхъ хитрый нравъ.
За примирителей державныхъ чтутся Главъ,
А въ самомъ дѣлѣ миръ нарушить тщатся тайно.
Ласкательство тогда придворнымъ обычайно:
Ты знаешь вѣть и самъ, Меркурій, свойство ихъ,
Что въ обѣщаньяхъ словъ не держатся своихъ.

Меркурій: Не слѣдуя другихъ обманчивому нраву;
Но въ сердце искренность храню и совѣсть праву.

Заслуга: Пусть праведно, но мнѣ не вѣрно то.

Миръ: Хоть лживъ, хоть справедливъ Меркурій, все ничто:
Какъ сильный Государь въ твою защиту станетъ,
То ненависть въ конецъ изчезнетъ и увянетъ.
Презрѣніе ея тебѣ не будетъ въ вредъ,
Но славу возвышать должна твою впередъ.
Великодушіе и внутренне спокойство
Научитъ и враговъ твое чтить вѣрно свойство.
Благополучіемъ твоимъ ты столь красна,
Что превышаешь царствъ земныхъ красу одна.

Заслуга: Я будучи собой довольна и безстрастна,
Привыкла къ торжествамъ, хотябъ была несчастна;
Хулы мнѣ не вредятъ, не требую похвалъ,
Лишь только бъ **ПЕТРЪ** мой духъ и **ФРИДРИХЪ** возвышалъ,
Отъ коихъ дружества веселье ощущаю,

Хоть равно и сама серца ихъ управляю.
Лавровые вѣнцы кладу на ихъ главахъ,
Толикій въ недругахъ производящихъ страхъ,
Колика къ Нимъ любовь пріятелей съ почтеньемъ.
Сколь многи тьмы людей, и съ каковымъ радѣньемъ
Готовы обоимъ героямъ симъ служить,
Кровь проливать, для нихъ на свѣтѣ только жить!
Усердствуетъ Имъ все земное въ мірѣ племя;
Взираетъ съ трепетомъ на нихъ въ военно время,
Дщерь добродѣтели и храбрыя души!

Миръ: Спѣши въ объятія мои, скоряй спѣши,
Заслуга, малое бывъ время отлученна.
Ты обще нашими Героями почтенна,
Вдругъ окружаешъ два сіяніемъ вѣнца
Монарховъ, коихъ я совокупилъ сердца.
Когда сіянье то со мной соединится,
То далѣе еще твой свѣтъ распространится.
Ужь слава вознеслась твоя превыше звѣздъ;
Остались предъ Царемъ смирится горнихъ мѣстъ,
И въ жертву должное принесть уничиженье.

Меркурій: Зри Юпитера къ намъ поспѣшно приближенье.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Юпитеръ, препровождаемый Мужествомъ, Добродѣтелію, и собраніемъ боговъ, снисходитъ съ неба.

Хоръ.

Всѣ: *Промчитесь радостные клики*
Въ пространный долъ небесъ!
Руками восплещите лики!
Миръ радость всѣмъ принесъ.

Юпитеръ: *Яви твое лице пріятно,*
Миръ сладкій, на земли;
Прославленъ мужествомъ стократно,
Ты всѣхъ возвесели.

Всѣ: *Руками восплещите лики!*
Миръ радость всѣмъ принесъ.

Меркурій: *Прошла военна непогода,*
Бѣдъ минула гроза;
Союзъ обоего народа
Крѣпите небеса.

Всѣ: *Руками восплещите лики!*
Миръ радость всѣмъ принесъ.

Заслуга: *Вселенну веселишь тобою,*
Отраду, Миръ, дая.

Мужество: *Достигло послѣ бѣдъ къ покою*
Желанному и я.

Миръ: *Въ сей день, о боги милосерды!*
По вашему суду,
Союзы возставляю тверды
Героямъ въ честь и мзду.

Всѣ: *Промчитесь радостные клики!*
Въ *пространный долъ небесъ;*
Руками восплещите лики!
Миръ торжествуя днесъ.

Юпитеръ: Всѣ населяющіи небо и землю да знаютъ отнынѣ:
Мною пресѣклась война, и конецъ положенъ злой судьбинѣ.
Въ сей день великіе два и прехрабрые въ свѣтѣ героя
Кончатъ любовію брань, благоденство всеобщее строя.
Чудище! скрой безобразно лице, и скоряй удалися;
Прочь, говорю, несогласіе, и межъ фурій вселися.
Мучится должны съ тобой поглощены подземною бездной,
Кои отчаянной жизни конецъ получили безчестной.

Множь ихъ мученье, стеня и терзая въ царствѣ Плутона;
Съ пѣной смѣшавшись твоей кровь кипитъ тамъ вкругъ адскаго трона.
Должно исполнить мое повелѣнье ты непремѣнно.
Выжь, Добродѣтель, Заслуга и Мужество, непреткновенно
Слѣдуя мирнымъ путемъ къ утѣшенію вѣчному свѣта,
Все наградите огнемъ и мечемъ раззоренное въ прошлыя лѣта
Сколь оскорбляла война и нещастіе въ видѣ суровомъ,
Столь миръ пріятенъ всѣмъ будь, и являйся въ сіяніи новомъ.

Заслуга: Великій Юпитеръ! доселѣ никогда
Столь праведнаго я неслышала суда.
И такъ ты воздалъ долгъ Заслугѣ правотою,
Прославилъ мужество пріятной тишиною,
И добродѣтель вновь славою вѣнчалъ,
Что двумъ народамъ вдругъ жизнь мирну даровалъ.
Сколь нѣжнымъ чувствомъ и пріятнымъ
Мою ты наполняешь грудь!
Такимъ весельемъ непонятнымъ
Не наслаждалась я отнюдь.
Ты утѣшенія виною,
Миръ вождельнный! мною.
Кто преданъ всей тебѣ душою,
Тому милѣй нѣтъ ничего.
Сколь нѣжнымъ чувствомъ и проч.

Миръ: Но не смотря на то, что радость несравненна,
Котора мнѣ судьбой въ сей день опредѣленна,
Заразой внутренней смущается духъ мой.

Юпитеръ: Скажи какое зло тревожитъ твой покой?

Миръ: Обманъ: сносить мнѣ болѣе его не можно,
Что имя онъ мое употребляетъ ложно.
Сколь часто принужденъ презрѣніе терпѣть,
Не знаемъ, изгнанъ быть, и сослезами зрѣть,
Какъ въ видѣ онъ моемъ ругаясь надо мною,
Великій Юпитеръ! Ты знаешъ то и самъ,
Какую отъ него терплю печаль и срамъ.
Отмсти, коль ты правдивъ, врагу сему за дерзость
И гнѣвомъ истреби твоимъ Обмана мерзость,
Ужасной молніей исторгнувъ корень зла,
Чтобъ хитрость онаго вредить мнѣ не могла.
Громовы стрѣлы поразите
Тирана лютаго скорѣй,
И отъ мученья свободите,
Чтобы нетомилъ меня злодѣй.
Обмана ты непостоянство,
Правитель неба! истреби,
И ненасытное тиранство
Мечемъ отмщая погуби.
Громовы стрѣлы, и проч.

Юпитеръ: Сіяй месть смертныхъ ввѣкъ, рожденіе небесно!
Все здѣлаю тебѣ, что нравно и полезно;
Но знай, что строгая судьба хранитъ предѣлъ,
И вѣчный царствуетъ законъ въ семъ свѣтѣ цѣлъ,
Зло въ обществѣ затѣмъ неможетъ истребиться,
Что связь безъ онаго натуры раззорится.
Сколь добродѣтель есть похвальна, познаемъ,
Когда пороки съ ней въ сравненіе беремъ;
Зря мерской злобы видъ прочь честность отбѣгаетъ,
И предъ пороками себя тѣмъ возвышаетъ.
Когда же истребить не можно зла въ конецъ,
То отъ притворства какъ удержится хитрецъ,

Подъ видомъ дружбы злость скрывающій во многомъ?
Довсленъ будь. когда въ томъ я тебѣ залогомъ,
Что слово данное Петръ столь хранить обыкъ,
Сколь вѣрность наблюдать умѣетъ Фридерикъ.
Я все по твоему желанью обѣщаю,
Кой небомъ и землей по волѣ управляю,
Что вѣчнымъ Миромъ ты пребудешъ въ Обоихъ,
И добродѣтели, соединивши ихъ,
Союзомъ утвердишъ любовь въ нихъ непревратну.

Заслуга: Ты царствуй межь людьми, принявъ столь почесть знатну,
Котору Юпитеръ достойно воздаетъ.

Меркурій: Признайся, что въ моихъ словахъ неправды нѣтъ.

Миръ: Сомнѣнія о томъ я неимѣю болѣ.

Меркурій: И такъ ты вѣришь мнѣ?

Миръ: Монарховы вѣрю волѣ.
И Юпитеровымъ не ложнымъ словесамъ.
Геройскимъ лишь однимъ прилично то сердцамъ,
Чтобъ вѣру съ вѣрностью хранить и клятву свято.
Се ваше щастіе, судьбиною отъято,
Благополучные народы двухъ державъ!
Вручаю паки вамъ, раздоръ и брань прогнавъ.
Стараясь размножать Художество, Науки,
Къ торгамъ прострите вы и земледѣльству руки.
Въ чемъ я желанный вамъ готовъ подать успѣхъ.
А вашъ, Великіе Герои, къ пользѣ всѣхъ,
Вѣкъ здраво да течетъ, со славой лѣта многи;
Да щастье въ тишинѣ умножатъ Ваше Боги;
Да будетъ горесть вся вконецъ истреблена,
Чтобъ не могли ея плодится сѣмена;
Да царствуетъ покой въ народахъ обоюду,
Кой правосудіемъ самъ подкрѣплять я буду.

Добродѣтель: Смирившіясь сердца Героевъ обоихъ,
Владѣя ими, всѣхъ исполнила благихъ.

Мужество: Сердца и руки ихъ я ополчить готово.

Юпитеръ: Исполнить должны вы мое послѣдне слово,
И миру пѣснь воспѣть похвальну наконецъ,
Которымъ укрѣпилъ союзъ я двухъ сердецъ.

Всѣ: *Ликуйте свѣтло, Росски чада!*
Любезный, торжествуй, днесь миръ!
Народовъ подданныхъ отрада,
И царскихъ красота порфиръ!

Добродѣтель: *Огнемъ не дышетъ Марсъ кровавый;*
Военный пламень вдругъ погасъ.

Мужество: *Твое достойно имя славы,*
Которымъ утѣшаешь насъ.

Всѣ: *Народовъ подданныхъ отрада,*
И царскихъ красота порфиръ!

Заслуга: *Ты безъ сомнѣнія отнынѣ*
Пребудешь вѣкъ благословенъ,
Кто лучше свѣдомъ о судьбинѣ
Грядущихъ можетъ быть временъ?

Миръ: *Я чувствую, что время злое*
На радость премѣнилось вдругъ,
И утѣшеніе драгое
Мой слабый ободряетъ духъ.

Всѣ: *Герои столь великодушны*
И добродѣтельны во всемъ
Въ путь мира насъ ведутъ нескушный;
Съ весельемъ вслѣдъ ихъ потечемъ.

САТИРЫ

ГОРАЦІЯ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ

Ивана Семеновича

БАРКОВА.

1763.

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА

САТИРЫ

или

БЕСѢДЫ

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ,

СЪ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА

преложенныя

РОССІЙСКИМИ СТИХАМИ

АКАДЕМІИ НАУКЪ ПЕРЕВОДЧИКОМЪ

Иваномъ БАРКОВЫМЪ.

Во С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

При Императорской Академіи Наукъ.

1763.

Его Сіятельству, графу Григорію Григорьевичу Орлову, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютанту, дѣйствительному камергеру, канцеляріи опекунства иностранныхъ дѣлъ президенту, и орденовъ святаго Александра и святыя Анны кавалеру, милостивому государю нижайшее приношеніе.

Не пользу сатиръ я хвалами возношу,
Но милостиво трудъ принять въ покровъ прошу,
Когда нѣтъ ничего на свѣтѣ толь худова,
Въ чѣмъ къ пользѣ не было бъ служащаго ни слова.
Находитъ нужное во всячинѣ пчела,
Чтобъ для себя и всѣхъ составить медъ могла:
Иному польза, смѣхъ милѣй другому хлѣба;
Двояка въ сатирахъ содержится потреба,
Злыхъ обличенiе въ злонравiи, и смѣхъ,
Въ которомъ правда вся, безъ страха, безъ помѣхъ,
Какъ въ зеркалѣ, чиста представлена народу.
Даютъ ту Сатирамъ всѣ частную свободу,
У коихъ все лицо наружѣ, пятенъ нѣтъ;
Злонравной лишь одинъ то дерзостью зоветъ.
Когда любезные стихи увеселяютъ,
Что въ нѣжныя сердца соблазны вкореняютъ,
Не могутъ черезъ то противны людямъ быть,
Но каждый похвалу тѣмъ тщится заслужить,
Что двадцать разъ въ стихахъ напишетъ вздохи, слезы,
Не зная, что одни сто разъ твердятся грезы,
Лишь только видѣнъ въ нихъ прiятныхъ словъ приборъ.
Хоть щеткою бы кто, хоть вѣникомъ мелъ соръ,
Но всякой бы сказалъ, что съ полу соръ сметаетъ;
Такъ точно и слова любовникъ размножаетъ,
А сила въ множествѣ содержится одна.
Сатирику отъ музъ свобода та дана,

3*

Чтобъ племя исправлялъ чрезъ умный смѣхъ развратно,
Лишь тщетно бъ объ одномъ не говорилъ стократно.
Лишила вольности политика въ нашъ вѣкъ,
Чтобъ не былъ укоренъ на имя человѣкъ,
Какъ въ древни времена то дѣлали Піиты,
Чрезъ коихъ всякаго пороки въявь открыты.
Не только жъ въ книгахъ злыхъ значатся имена,
Но и поступка ихъ народу знать дана,
Затѣмъ, что дѣйствомъ ихъ пороки представлялись,
Дабы охотнѣе отъ оныхъ возбуждались.
Бумашка ничего не сдѣлаетъ у насъ,
Хотя бы страсти въ ней описывать сто разъ,
Лишь видя въ ней себя порочной, какъ въ зерцалѣ,
Вдругъ броситъ, побѣжитъ онъ самъ смѣяся далѣ.
Когда и строгостью нельзя глупца унять,
То можетъ ли такой стыдъ съ совѣстію знать?
Примѣромъ могутъ имъ служить такія лица,
Которыхъ къ честности вела Творца десница,
Изящностію всѣхъ украсила добротъ,
И добродѣтелью прославила ихъ родъ;
А милость нашея З а щ и т н и ц ы и сила
Въ сердцахъ ихъ оную сугубо утвердила,
И въ безопасный взявъ Россію всю покровъ,
Хранитъ и милуетъ, законы вводитъ вновь.
Вы жъ, исполнители премудрыхъ повелѣній,
Даете образъ, какъ избѣгнуть преступленій
И добродѣтельно на свѣтѣ людямъ жить,
Чтобъ общей Матери могли угодны быть.
Щастливѣй для меня тѣмъ будутъ и сатиры,
Когда не презришь ты Гораціевой лиры.

Иванъ Барковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Почти всѣ ученые согласно признаютъ, что нѣтъ въ свѣтѣ ни единаго произведенія человѣческаго разума такого, въ коемъ бы ничего полезнаго не заключалось. Горацій подтверждаетъ оное собственнымъ своимъ искусствомъ, что и смѣхомъ правду писать можно. Много такихъ сочиненій, кои только на правду похожи; однако строгое разсужденіе о содержаніи оныхъ покажетъ всякому, что въ нихъ хотя мало, однако все что нибудь полезное находится. Что касается до намѣренія сатиръ, то въ оныхъ единственно описываются разные пороки по различію страстей человѣческихъ. Но поелику люди, въ разсужденіи нравовъ, весьма различны; то и особливые каждаго пороки могутъ быть пріятны тѣмъ, которыя имѣютъ подобныя качества по пословицѣ: «подобный подобнаго ищетъ». А хотя нравоучительная философія и весьма ясно представляетъ намъ пороки и добродѣтели, но не столь она сильна перемѣнить склонности людей и привесть ихъ къ воздержанію, какъ сатиры. Сатиръ, изображающій оныя живо, скорѣе можетъ возбудить въ сердцахъ человѣческихъ отвращеніе отъ злонравія или паче омерзеніе къ порокамъ. Горацій присуждаетъ каждому, какъ въ добрыхъ, такъ и въ злыхъ своихъ дѣлахъ знать себя лучше, нежели оныя на театрахъ представляются. Сатиры его, писанныя разговоромъ, заключаютъ въ себѣ одно только нравоученіе, такъ какъ и письма, которыя не меньшей похвалы достойны; но я лучше разсудилъ за благо оныхъ не переводить,

нежели подать о себѣ такое мнѣніе, будто бы чрезъ то хотѣлъ я унизить честь и славу князя Антіоха Дмитріевича Кантеміра, которыя имъ уже переведены и при Академіи напечатаны. Можетъ быть благосклонный читатель найдетъ въ сихъ переведенныхъ мною сатирахъ что нибудь неисправное; но я желаю, чтобъ худое благополучно исправя, вспомнилъ слѣдующій Гораціевъ стихъ:

Verum ubi plura nitent in carmine, non ego paucis
Offendor maculis.

то есть:

Когда въ стихахъ красы и силы больше есть,
То малыя готовъ погрѣшности я снесть.

Естьли же сей мой трудъ не исправенъ покажется, то я стараться буду въ угодность любителей наукъ показать большіе въ подобныхъ упражненіяхъ успѣхи, сколько возможность и силы разума дозволятъ.

ЖИТІЕ КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА.

Квинтъ Горацій Флаккъ родился въ Венузіѣ, пограничномъ городѣ въ Апуліи и Луканіи. Отецъ его былъ рабъ, пущенной на волю, какъ объ немъ самъ сатирикъ во многихъ мѣстахъ упоминаетъ. Незнатность рода, которую многіе изъ римскихъ вельможъ въ укоризну ему вмѣняли, была Горація почти главною причиною писать сатиры, въ коихъ онъ наиболѣе всего доказываетъ, что прямое благородство состоитъ не въ знатности и древности предковъ и не въ великомъ достоинствѣ, но единственно въ добродѣтели, которой знатные римскіе вельможи для безмѣрной роскоши весьма мало послѣдовали. Изъявляя ихъ пороки, приписываетъ онъ особливыя похвалы благодѣтелю своему

Меценату, который по Виргиліеву и Варіеву старанію содержалъ Горація въ отмѣнной любви и милости, какъ пишетъ въ сатирѣ:

Мнѣ не фортуна въ томъ свою явила службу,
Что въ милость Меценатъ меня пріялъ и дружбу;
Виргилій съ Варіемъ къ тому открыли слѣдъ,
И кто я, все о мнѣ сказали напередъ.

Посредственной достатокъ отца его, которой онъ получалъ отъ збору за продаваемыя съ молотка вещи денегъ, былъ нѣкоторымъ побужденіемъ къ тому, что не хотѣлъ онъ бѣднаго своего состоянія сдѣлать участникомъ и преемникомъ по себѣ Горація, но съ молодыхъ лѣтъ отвелъ его въ Римъ для наукъ, гдѣ онъ весьма малымъ иждивеніемъ обучившись недостатокъ отца своего наградилъ разумомъ. Философіи учился въ Аѳинахъ, и между послѣдователями Епикуровыми первымъ почитался, коихъ ученіе потомъ пренебрегъ. Вскорѣ послѣ того пришелъ онъ въ милость у Брута, при которомъ во время происходившей въ Римѣ войны служилъ трибуномъ воинскимъ, а будучи взятъ въ плѣнъ Цесаремъ Августомъ по полученіи побѣды для Меценатова предстательства свобожденъ. За сіе благодѣяніе Горацій въ стихотворныхъ своихъ сочиненіяхъ весьма чувствительно изъявляетъ благодарность и почтеніе свое Меценату и Августу, коимъ онъ для дружества Меценатова напослѣдокъ также любимъ былъ.

Хотя былъ росту малаго, но дебѣлъ тѣломъ, и при томъ подслѣпъ, какимъ самъ себя въ сатирѣ описываетъ. Невоздержаніе его въ сластолюбіи довольно познать можно изъ сочиненныхъ имъ къ разнымъ любовницамъ своимъ пѣсенъ. Нравомъ былъ гнѣвливъ и непостояненъ, какъ оное видно изъ сатиры седьмой, книги второй, въ коей слуга обличаетъ легкомысленные поступки своего господина; ибо Горацій иное оказывалъ дѣломъ, нежели что говорилъ словами. Изъ разныхъ его стихотвореній за

наилучшіе почесть можно сатиры или бесѣды и письма, въ коихъ по большей части строгое философское нравоученіе заключается, а особливо тамъ, гдѣ онъ хотя язвительнымъ и забавнымъ слогомъ, но впрочемъ сильными доводами и примѣрами Стоиковъ и Епикурово ученіе опровергаетъ. Послѣднія изъ сихъ, т. е. письма Гораціевы, преложены на Россійской языкъ образомъ древняго стихосложенія княземъ Антіохомъ Дмитріевичемъ Кантеміромъ, кои въ 1744 году напечатаны. Письмо о стихотворной наукѣ къ Пизонамъ, переведенное покойнымъ профессоромъ Николаемъ Поповскимъ, изъяснивъ оное примѣчаніями, присовокупилъ я при концѣ сихъ сатиръ для того, чтобъ толь достойный трудъ не лишенъ былъ должной похвалы и отъ потомства. Умеръ пятидесяти-девяти лѣтъ, и погребенъ въ Эквилахъ, возлѣ Меценатова гроба.

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА

САТИРЪ КНИГА ПЕРВАЯ.

САТИРА I.

Танталъ.

Въ сей сатирѣ стихотворецъ обличаетъ сребролюбцевъ, доказывая, что непостоянство и легкомысліе удобнѣе сносить можно, нежели оный порокъ. Приписалъ онъ сію сатиру Меценату, своему благодѣтелю, и весьма знаменитому мужу въ римской республикѣ, производившему родъ свой отъ древнихъ Этрусскихъ царей, въ томъ разсужденіи, что какъ вельможи управляя гражданами должны воздерживать ихъ отъ злыхъ нравовъ, такъ и сами отъ пороковъ всячески удалятся долженствуютъ.

Скажи мнѣ, Меценатъ, что въ мірѣ ропщетъ всякой,
Что жребій каждаго и чинъ неодинакой,

И хвалитъ званія различныя людей,
Доволенъ не хотя быть долею своей?
Разслабленъ древностью и изнуренъ трудами,
Блаженны, говоритъ солдатъ, купцы торгами. [1])
Купцу, когда корабль терзаетъ буря зла,
Воинска служба тѣмъ быть кажется мила,
Что скорый на бояхъ конецъ приходитъ дѣлу,
Иль смерть или животъ. Приказныхъ жизнь веселу
Крестьянинъ хвалитъ, что предъ утренней зарей, [2])
Тьма челобитчиковъ толчется у дверей:
Онъ въ городъ вытащенъ, и давъ порукъ неволей, [3])
О коль счастливы тѣ, кричитъ, своею долей,
Которы въ городахъ живутъ безъ всѣхъ суетъ!
Толико сихъ людей наполненъ цѣлый свѣтъ,
Что могутъ Фабія жужжаніемъ замучить. [4])
Послушай, чтобъ тебѣ медленьемъ не наскучить,

---

[1]) Сочинитель обличаетъ во-первыхъ непостоянство людей, которые и малаго несчастія великодушно и безъ роптанія сносить не могутъ.

[2]) Хотя жизнь приказныхъ для многихъ безпокойствъ и опасностей, особливо въ судныхъ и вотчинныхъ приказахъ, веселить не можетъ; но самыя безпокойства отъ челобитчиковъ для непозволенныхъ прибытковъ онымъ весьма пріятны бываютъ.

[3]) Крестьянъ по большей части таскаютъ въ приказы за неплатежъ податей или подушныхъ денегъ, гдѣ онымъ предписываютъ срокъ платежа, и берутъ съ нихъ порукъ, чтобъ неотмѣнно въ тотъ срокъ въ платежѣ исправны были.

[4]) Можетъ быть, что сей Фабій былъ сварливой и несговорчивый стряпчій, или ябедникъ, которой за многихъ входилъ въ тяжбы; ибо нерѣдко судьи для крику и безпокойства такихъ сварливыхъ людей принуждены бываютъ поспѣшать къ произведенію суда, или немедля рѣшить самое дѣло. Нѣкоторые говорятъ, что сей Фабій держался стороны Помпеевой, и съ Гораціемъ имѣлъ великой споръ о Стоическомъ ученіи. Написалъ также нѣсколько книгъ о Стоической философіи.

Къ чему здѣсь идетъ рѣчь? Вотъ тайна словъ моихъ:
Когда бы богъ какой по удовольству ихъ
Сказалъ: се вашей я споспѣшествую волѣ,
Купцомъ будь, воиномъ кто слыть не хочетъ болѣ;
Что землю108 дралъ сохой, судьей съ сего будь дня,
И съ тѣмъ останься всякъ, свой жребій премѣня.
Чтожь медлите? Вдругъ всѣмъ блаженство станетъ скучно,
Хоть воля есть вести житье благополучно.
Не долженъ ли на нихъ сей богъ разгнѣванъ быть,
И можетъ ли мольбы впредь милостью внушить?
Не должно жъ мнѣ мѣшать прямое смѣхомъ дѣло;
Да что препоной смѣхъ писать и правду смѣло?
Какъ дѣтямъ пряники учители сперьва
Даютъ, чтобъ азбучны твердили тѣ слова,
Безъ шутокъ пойдемъ въ цѣль дорогою прямою.
На новыхъ нивахъ кой бразды ведетъ сохою [1])
И поспѣшающій въ далекій путь пловецъ,
Чтобъ море изъ конца перебѣжать въ конецъ,
И воинъ, и корчмарь все обще подтверждаютъ,
Что въ томъ намѣреньи трудъ всякій принимаютъ,
Чтобъ въ старости безъ бѣдъ спокойну жизнь вести,
Когда удастся хлѣбъ свободный припасти.
Какъ малый муравей, что можетъ, отовсюду,
Дая примѣръ трудовъ, въ одну все сноситъ груду,
И нужду будущу предвидя впредь пасетъ:
Какъ въ водный изъ овна знакъ солнце перейдетъ,
Тогда питается готовымъ всѣмъ съ покоемъ;

---

[1]) Кто упражняется въ земледѣліи. Доселѣ авторъ говорилъ о непостоянствѣ; теперь о сребролюбіи рѣчь начинаетъ.

А ты не можешь быть удержанъ солнца зноемъ, [1])
Ни лютою зимой, огнемъ, водой, мечемъ,
Чтобъ не хотѣлъ искать своихъ прибытковъ въ чемъ.
Пускай тебѣ въ алчбѣ несытой нѣтъ препятства,
Чтобъ больше всѣхъ другихъ ты пріобрѣлъ богатства,
Чтожь пользы принесетъ несмѣтная казна,
Зарыта будучи въ землѣ тобой она?
Въ остаткѣ будетъ грошъ: по малу убавляя. [2])
Не прахъ ли безъ того и груда золотая?
Хотябъ сто тысячъ мѣръ ты хлѣба съ пашенъ сжалъ,
Не больше бъ моего желудку дани далъ.
Межь продающихся слугъ кошь носи съ снопами,
Другой съ пустыми пусть таскается руками,
Не больше за тебя цѣны дадутъ того,
Кто на плечахъ своихъ не носитъ ничего.
Предѣлы кто хранитъ естественныхъ законовъ [3])
Сто-ль выпашетъ земли, иль тысячу загоновъ,
Такому нужды нѣтъ отнюдь то разбирать;
Тебѣ лишь изъ большой пріятно кучи брать.
Когда изъ малой я расходъ имѣю равный, [4])

---

[1]) Разумѣется всякой сребролюбецъ, которой всѣ препятствія и безпокойства презираетъ для пріобрѣтенія богатства.

[2]) Стихотворецъ въ лицѣ сребролюбиваго самъ себѣ отвѣтствуетъ на предъидущій вопросъ, разумѣя въ сихъ словахъ безмѣрную алчбу къ деньгамъ сребролюбивыхъ людей, которые и гроша жалѣютъ употребить на необходимую свою нужду.

[3]) Тотъ живетъ по правиламъ натуральныхъ законовъ, кто малымъ доволенъ, и о стяжаніи великаго богатства не печется. Когда человѣкъ имѣетъ пропитаніе и къ содержанію жизни потребное, натуральный законъ излишняго искать, наипаче лихоимствомъ и неправдою, не дозволяетъ.

[4]) Разумный столько же малымъ довольствоваться можетъ, сколько скупой большимъ, потому что тотъ съ умѣренностію ведетъ свои рас-

Чтожь больше житницы сусѣковъ нашихъ нравны?
Такъ если нужда вся въ ведрѣ воды твоя,
То могъ бы почерпнуть ты столько изъ ручья;
Однако на рѣку бѣжимъ, оставя лужу,
Гдѣ можешь потопить завистливую душу,
Какъ быстра невзначай рѣка, подмывъ песокъ,
Покажетъ, сколь ея отъ верху низъ глубокъ.
Лишенный суеты излишной и безпутной
Не тонетъ, и воды не почерпаетъ мутной;
А коихъ вредная излишность веселитъ,
Обыкновенно тѣхъ родъ скорый такъ губитъ.
Влекома больша часть людей желаньемъ тщетнымъ,
Имѣньемъ не хотятъ довольны быть несмѣтнымъ; [1])
Резонъ тому, что всякъ по деньгамъ цѣнитъ честь.
Возможноль въ здравой умъ глупца сего привесть?
Оставь, чтобъ нищету сносилъ онъ, коль угодно, [2])
Когда обычаю его нищенство сродно.
Въ Аѳинахъ, говорятъ, подобный былъ кремлякъ,
Жилъ гадко, презиралъ молву народну такъ:
Что хочешь обо мнѣ бредь Ѳомка да Ерема,
Какъ съ деньгами сундукъ открою, веселъ дома.
Томимый жаждою поймать ртомъ Танталъ мнитъ

ходы, а сей при великомъ имѣніи себя изнуряетъ, что въ слѣдующихъ стихахъ авторъ примѣрно изъясняетъ, опровергая онымъ предложеніе скупаго, что ему изъ большой кучи брать пріятнѣе, нежели изъ малой.

[1]) Многія говорятъ, что надлежитъ копить деньги для пріобрѣтенія почтенія отъ людей, въ какомъ разумѣніи толковать должно обыкновенную народную пословицу: *по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ*, т. е. въ богатомъ платьѣ и купца съ честію пріемлютъ, а если радушенъ, да убогъ, такого скорѣе проводить стараются.

[2]) Подлинно сребролюбцы съ великимъ богатствомъ добровольно нищету претерпѣваютъ.

Ту воду, что отъ губъ запекшихся бѣжитъ [1])
Чему смѣешься? знать здѣсь имя не дается,
А пѣсня о тебѣ, то премѣня, поется.
Карпишь надъ деньгами, ни спя ни день ни ночь,
И отступить отъ нихъ на часъ не хочешь прочь;
Летаютъ по мѣшкамъ не дремлющіе взоры,
Которые вокругъ себя обклалъ, какъ горы,
И будто святость чтить ты въ деньгахъ принужденъ,
Боишься, какъ грѣха, быть къ нимъ прикосновенъ;
Иль какъ на живопись зря не отводишь ока,
Но пользы въ нихъ прямой не знаешь самъ и прока.
За деньги достаемъ хлѣбъ, брашно и питье, [2])
И все то, смертныхъ чемъ содержится житье.
Или по твоему всякъ часъ не знать покою,
Боятся злыхъ воровъ днемъ и ночной порою,
Пожаровъ и рабовъ невѣрныхъ трепетать,
Чтобъ, обокравъ тебя, не вздумали бѣжатъ?
Я лучше бы желалъ во вѣки быть убогимъ,

---

1) Танталъ. Коринѳскій, или какъ Евсевій объясняетъ, Фригійскій царь, по баснословію стихотворцевъ, за невоздержный языкъ наказанъ такъ, что онъ стоя въ адской рѣкѣ Эриданѣ по самое горло непрестанною жаждою томился. Сію басню Горацій толкуетъ здѣсь о сребролюбивыхъ, коихъ безмѣрную оную жадность къ деньгамъ Овидій уподобляетъ водяной болѣзни такимъ образомъ:

Qua plus potantur, plus fitiunturaquae.

т. е.

Чѣмъ болѣе страждущіе водяною белѣзнію пьютъ воды, тѣмъ болѣе жажда въ нихъ умножается.

2) Сатирикъ исчисляетъ здѣсь тѣ нужныя вещи, на покупку которыхъ деньги необходимо потребны, и безъ коихъ человѣческая натура пробыть не можетъ.

Какъ беспокойну жизнь имѣть съ богатствомъ многимъ.
Когда бъ ты водяной болѣзнью захворалъ,
Или другимъ какимъ недугомъ болѣнъ сталъ,
То ты имѣя, ктобъ присматривалъ въ болѣзни,
Не сыщешь ни кого, хотя совсѣмъ исчезни. 1)
Не будетъ о тебѣ никто просить врача,
Чтобъ здраваго съ одра возставилъ излѣча.
Не хочетъ ни жена, ни сынъ, чтобъ былъ ты здравый,
И ненавистны всѣмъ твои сосѣдамъ нравы;
Гнушаяся тобой, знакомцы отстаютъ,
Ребята отъ тебя и дѣвки прочь бѣгутъ.
А ты, кой деньгами, какъ нимфою, плѣнился,
Дивишься, что постылъ всѣмъ ставъ, любви лишился.
Да что, хотя бы ты отъ кровныхъ дружбы ждалъ,
Которыхъ долгъ къ тому натуры обязалъ?
Терялъ бы трудъ, ища въ свою склонить ихъ волю,
Какъ учитъ кто осла взнуздавъ бѣжать по полю. 2)
Ужъ время положить конецъ твоей алчбѣ,
И чѣмъ ты болѣе богатствъ скопилъ себѣ,
Тѣмъ меньше отъ грозы убожества да стонешь;
Или коль по уши въ нажитыхъ деньгахъ тонешь,
Старайся окончать твой неусыпный трудъ,
И таковымъ, каковъ Нумидій былъ, не будь.
Коротка баснь: богачь ссыпаетъ деньги мѣрой,
А гнусной на плеча жупанъ вздѣваетъ сѣрой,
И лучшихъ, какъ слуга, неноситъ онъ украсъ,

---

1) Потому что всякому ненавистенъ для безмѣрнаго сребролюбія, на всѣхъ подозрѣваетъ и всѣхъ чуждается.

2) Извѣстно, что оселъ такой лѣнивой скотъ, котораго ни какъ къ скорому бѣжанію понудить нельзя; а кто гнать его старается, тотъ напрасно трудъ свой теряетъ.

Боясь, чтобъ не постигъ отъ глада смертный часъ. [1])
Чтожъ мнѣ совѣтуешь, жить скупо иль роскошно? [2])
А двухъ противныхъ свойствъ въ одно привесть не можно.
Никакъ; когда твой глазъ за скупость я колю,
Быть мотомъ черезъ то и плутомъ не велю.
Имѣютъ разнь скопецъ и килой отягченный.
Всѣ вещи точными предѣлы огражденны;
Кто не дойдетъ, или преступитъ ихъ, грѣшитъ.
Рѣчь къ прежнему моя источнику спѣшитъ:
Никто такъ, какъ скупой, себя не выхваляетъ, [3])
Но паче разны всякъ затѣи вымышляетъ;
Никто не сохнетъ такъ съ досады, какъ скупецъ,
Зря у чужой овцы млекомъ полняй сосецъ. [4])
Гнушаясь быть причтенъ къ нищетскому собору,
Чтобъ всѣхъ богатѣй быть, ползетъ съ горы на гору;
И такъ чѣмъ выше мнитъ подняться для богатствъ,

---

[1]) Гнусной богачъ для того украшаться не хочетъ, или по крайней мѣрѣ порядочно и пристойно содержать себя въ разсужденіи одежды, что онъ думаетъ будто такимъ образомъ съ голоду умереть принужденъ будетъ. Таковъ былъ Нумидій, о которомъ стихотворецъ выше въ сей сатирѣ упоминаетъ.

[2]) Сей вопросъ скупаго къ Горацію.

[3]) Сребролюбивый, на деньги смотря, веселится, и самъ собою любуется; напротивъ того прочіе, будучи состояніемъ своимъ недовольны, одинъ другому всегда завидуютъ.

[4]) Подобно сему говоритъ Овидій:

Fertilior feges eft alieuo femper in argo,
Vicinumque pecus grandius vber habet.

т. е.

Обильнѣй на чужомъ и хлѣбъ родится полѣ,
И у сосѣда скотъ сосцы имѣетъ болѣ.

Тѣмъ болѣе въ алчбѣ находитъ онъ препятствъ, [1])
Крушась, что у другихъ зритъ болѣе достатокъ,
Подобно какъ ѣздокъ вскачь гонитъ безъ оглядокъ,
Стараясь упредить тѣхъ, кои впереди,
И остающимся смѣяся позади,
Затѣмъ что рѣдко кто себя довольнымъ скажетъ,
И рѣдко кто во гробъ, проживъ спокойно, ляжетъ; [2])
И сыщется ль еще на свѣтѣ человѣкъ,
Кой съ удовольствіемъ такимъ скончалъ бы вѣкъ,
Какъ послѣ честный гость прохладнаго обѣда
Встаетъ изъ за стола доволенъ у сосѣда.
Умолкну, и къ перу не приложу руки;
Криспиновы обкралъ ты, скажутъ, сундуки. [3])

САТИРА II.

Купіенній.

Горацій сочинилъ сію сатиру въ томъ намѣреніи, чтобъ молодыхъ и сластолюбныхъ людей чрезъ обличеніе ихъ злонравія привесть къ воздержанію, наипаче отъ прелюбодѣйства, въ чемъ они не только великой трудъ полагаютъ, но не меньшій убытокъ и бѣдствіе терпятъ, доказывая, что такія непотребныя ихъ желанія безъ нещастія исполниться не могутъ.

---

1) Скупой хотя впрочемъ собою доволенъ, однако отъ безмѣрнаго сребролюбія чувствуетъ то мученіе, что другаго, кого достаточнѣе себя видитъ, богатствомъ превозмочь не можетъ, что изъясняетъ стихотворецъ въ слѣдующихъ по семъ стихахъ примѣромъ ѣздока, который въ запуски съ другими скачетъ.

2) Скупые и завистливые не только во всю свою жизнь о пріобрѣтеніи богатствъ пекутся, но и при самой смерти жадность къ сребролюбію въ нихъ не исчезаетъ.

3) Стихотворецъ заключаетъ забавнымъ осмѣяніемъ нѣкотораго стоическаго философа, который чрезмѣрно плодовитъ былъ въ рѣчахъ.

Поносныхъ тварей сонмъ, ханжи и лицемѣры, [1])
Обманщики, льстецы, безстыдныя химеры, [2])
И весь подобной симъ печалится причетъ,
Что щедраго пѣвца въ живыхъ Тигелла нѣтъ. [3])
Сей напротивъ того, хотя бы другъ убогій [4])
Былъ голоденъ и нагъ, не хочетъ дать подмоги,
Боясь людской молвы, чтобъ мотомъ не прослыть:
Другой, когдабъ его кто вздумалъ вопросить,
Почто имѣніе отца его и дѣда
Безпутно тратитъ онъ для пышнаго обѣда,
О ростѣ и долгахъ великихъ не тужа;
Отвѣтствуетъ, что въ немъ не подлая душа,
И что не хочетъ онъ паршивцомъ жить негоднымъ:
И мотомъ по сему слыветъ и благороднымъ.
Фузидій пашнями и деньгами богатъ, [5])

---

1) Подъ симъ стихомъ разумѣются всѣ тѣ, кои шутками, ласкательствомъ, ложью, обманами, отъ всякаго слѣда добродѣтели и честности совсѣмъ удалились, каковы суть ханжи, скоморохи, плясальщики и имъ подобные.

2) Разумѣются непотребныя женщины, которыя молодыхъ людей безстыдными своими посупками въ соблазнъ приводятъ.

3) Маркъ Тигеллій Гермогенъ въ музыкѣ былъ весьма искусенъ, притомъ имѣлъ нѣжной голосъ, за что Іулій Цесарь будучи диктаторомъ принялъ его въ милость, а послѣ того и Клеопатрою весьма любимъ былъ, также и у Августа Цесаря пріятнымъ пѣніемъ и забавными шутками снискалъ дружество.

4) Стихотворецъ представляетъ здѣсь двухъ людей противнаго свойства, т. е. расточительнаго и скупаго, и соотвѣтствующія мѣстоимѣнія *сей* и потомъ *другой*, первое касается до сребролюбца, а послѣднее до роскошнаго.

5) Въ лицѣ Фузидія Горацій представляетъ въ примѣръ какого ни есть преподлаго Римлянина, который безмѣрно скупъ для того, чтобъ не почли его за расточительнаго и мота, такъ какъ Тигеллій былъ для всякаго тороватъ, чтобы его щедрымъ почитали. Сей всякаго даритъ, а тотъ дастъ въ ростъ деньги.

Кой тысящны давать въ ростъ суммы торовать,
Но со ста по пяти процентовъ въ мѣсяцъ лупитъ,
Боясь, что естьли въ томъ не строго онъ поступитъ,
И буде мало въ чемъ послабитъ должникамъ,
Причтется къ вѣтренымъ вертушкамъ и плутамъ.
И такъ чемъ болѣе изъ нихъ мотать кто любитъ,
Тѣмъ живѣе даетъ въ ростъ, и долги сугубитъ,
Ища лѣтъ мужескихъ достигшихъ молодцовъ,
Которымъ воли нѣтъ отъ суровыхъ отцовъ [1]).
Не удивиться ль всякъ, взмахнувъ руками розно,
Какъ скажутъ, что деретъ проценты столь несносно?
Иль развѣ то о немъ подумаетъ народъ,
Что держитъ онъ великъ по прибыли расходъ;
Однакъ едва тому повѣрить льзя удобно,
Какъ изнуряетъ онъ себя и мучитъ злобно.
Не меньше подлинно крушится сей скупецъ,
Какъ сына съ глазъ согнавъ Терентіевъ отецъ [2]).
Спроси же кто, о чемъ здѣсь дѣло? тотъ узнаетъ.
Харибды кто бѣжитъ, на Сциллу попадаетъ [3]).

---

1) Въ римскомъ сенатѣ узаконено было, чтобы молодымъ людямъ, кои живутъ еще подъ присмотромъ отцевъ своихъ, въ долгъ денегъ не давать, дабы они отцовскихъ имѣній не расточали, но Фузидій для того ихъ слушалъ, чтобы болѣе взять съ нихъ росту.

2) Т. е., Фузидій не меньше себя мучитъ и изнуряетъ бѣдностію, скупостію и сребролюбіемъ, какъ въ комедіи Терентіевой Менедемъ, который самъ себя клянетъ и осуждаетъ за то, что чрезмѣрною строгостію отлучилъ отъ себя сына.

3) Сіе значитъ: изъ одной бѣды бѣжитъ въ другую, или, какъ мы просто говоримъ, *отъ огня да въ воду*. Впрочемъ Харибдою называлась безмѣрной глубины пучина на Сицилійскомъ морѣ, а Сцилла, по баснословію стихотворцевъ, была дочь Форціева, превращенная въ морской камень плавающимъ весьма опасной, которой издали казался въ

Когда стараются порока избѣжать, [1])
Въ противной дураки обыкли попадать.
Иной привыкъ ходить раздувшись долгополымъ;
Хоть скачетъ фертикомъ другой, но равенъ съ голымъ;
Тотъ нѣженъ черезъчуръ, а сей щеголеватъ,
Мастьми душистъ Руфиллъ, козлу Горгоній братъ, [2])
Благопріятная жъ посредственность забвенна
У тѣхъ, которыхъ мысль сластямъ порабощенна.
Бываетъ въ склонности одной не безъ отмѣнъ;
Есть, коихъ веселитъ любовь замужнихъ женъ,
Друже жъ тѣмъ себя отъ оныхъ отмѣняютъ,
Что страсти тамъ предѣлъ, гдѣ должно, полагаютъ.
Увидѣвъ юношу не подлаго Катонъ, [3])
Что изъ безчестнаго выходитъ дому онъ,
Изрядно дѣлаешь, дружокъ, сказалъ безъ брани;
Въ чужія не садись никто отважны сани,
Но лучше на простой наемной клячѣ сѣсть

видѣ женщины, а ударяющіе въ него волны издавали волчій вой и лаяніе псовъ. Какъ та, такъ и другая значитъ опасныя на морѣ мѣста, находящіяся между Италіею и Сициліею.

[1]) Сія есть сила всей сатиры, чтобы показать безуміе людей, которые по любви къ самимъ себѣ думаютъ, что они только разумны, хотя большая часть изъ нихъ, оставляя одно дурачество, за другое принимается.

[2]) Т. е. хотя люди въ прихотяхъ между собою не сходствуютъ, но какъ того, такъ и другаго обычаи порочны. Тоже почти изъясняетъ наша пословица: *Горшокъ котлу насмѣхается, а оба черны.*

[3]) Маркъ Порцій Катонъ, римской сенаторъ, увидѣвъ честнаго человѣка, когда онъ выходилъ изъ непотребнаго дому, похвалилъ его, съ тѣмъ разсужденіемъ, что надлежитъ обуздывать сластолюбіе, но въ вину того ставить не должно; а какъ послѣ того примѣтилъ, что сей юноша часто изъ того же дому выходитъ, сказалъ: мальчикъ! я тебя похвалилъ за то, что временемъ сюда приходишь, а не за то, что здѣсь живешь.

Тому, въ комъ сильная къ ѣздѣ охота есть.
Подобной похвалы Купеній не желаетъ [1]),
Кой правилу сему противно поступаетъ.
Послушайте, каковъ прелюбодѣйства плодъ,
Которымъ мерзокъ есть сластолюбивыхъ родъ,
Сколь полны горести бываютъ, бѣдствъ и плача
Утѣха краткая и рѣдкая удача.
Тотъ съ кровли полумертвъ скочилъ, иль изъ окна,
Другому до костей изсѣчена спина;
Иной, бѣжа съ двора, несчетны видѣлъ страхи,
И на воровъ напавъ облупленъ до рубахи;
Тотъ деньгами едва отсыпатся возмогъ,
Другой обруганъ весь отъ головы до ногъ.
Нерѣдко дорога и тѣмъ любовь приходитъ,
Что послѣ жизнь иной скопцемъ по смерть проводитъ.
Всякъ праведнымъ такой о сихъ чтитъ приговоръ,
Лишь Галба, имъ дружа, въ противный идетъ споръ. [2])
Гораздо менѣе подверженъ тотъ несчастью,
Кто сею зараженъ къ отпущеницамъ страстью, [3])

---

[1]) Купеній Либонъ, родомъ Куманецъ, знатенъ потому, что Августомъ любимъ былъ. Впротчемъ великую охоту имѣлъ нѣжить свое тѣло, и къ любви замужнихъ женъ весьма былъ склоненъ.

[2]) Сія язвительная укоризна касается здѣсь до Сервія Галбы, который якобы отвѣтствуетъ за прелюбодѣевъ, что съ ними несправедливо толь жестоко поступаютъ, потому что по древнему римскому узаконенію за прелюбодѣйство только денежный штрафъ положенъ былъ. Сей Галба былъ стряпчимъ, и весьма склоненъ къ женскому полу.

[3]) *Отпущеница* называется раба пущенная на волю, или такая, которая родилась отъ уволеннаго раба. Между тѣмъ знать должно, что по римскимъ законамъ съ тою только отпущеницею прелюбодѣйство ни во что вмѣнялось, которая не хотѣла быть невольницею своего опекуна; напротивъ того есть ли такая отпущенница была его наложницею, то почиталось прелюбодѣйство въ вину, потому что оная имени честной жены не лишалась. См. у Папініана въ книгѣ 16, А. I.

Не меньше коими Саллустій Криспъ плѣненъ [1]),
Какъ тотъ, кто женъ чужихъ любовью ослѣпленъ.
Когда бы здраваго разсудка онъ держался,
И щедрымъ быть при томъ не свыше силъ старался,
Но по пристойности расходы бы держалъ
Безчестья бъ лишняго и траты избѣжалъ.
Но тѣмъ любуется и хвалится собою,
Что не волочится онъ за чужей женою:
Какъ нѣкогда Марсей любовію жегомъ
Оригѣ подарилъ отцовъ съ помѣстьемъ домъ, [2])
И также говорилъ: не лакомлюсь чужбинкой.
Но лакомымъ живешь до щедрыхъ сестръ дѣтинкой [3]),
И былибъ для тебя здоровы лишь они;
Не толькожь тутъ добро и деньги изъ мошни,
Но купно доброе теряетъ имя честной.
Когда ты не бѣжишь всего, въ чемъ вредъ извѣстной,
Довольно ли того быть воздержанья мнишь,
Что только честныхъ женъ касаться не радишь?

---

[1]) Саллустій Кристъ, писатель римской исторіи, такою неистовою страстью зараженъ былъ къ отпущенницамъ, какою прелюбодѣй къ чужимъ женамъ плѣненъ бываетъ; и когда за то ему въ сенатѣ выговариваемо было, то отвѣтствовалъ, что онъ не чужихъ и честныхъ женъ, но отпущенницъ любовію довольствуется; за что изъ сената выгнанъ, какъ о томъ самъ въ письмѣ о войнѣ Катилининой упоминаетъ.

[2]) Въ Римѣ были три славныя, но безчестныя красавицы, а именно Орига, Ликорида и Арбускулла. Первая изъ сихъ была любовница Марсеева, въ которую онъ положилъ все отцовское наслѣдство.

[3]) Горацій показалъ сперва разныя опасности и бѣдствія, отъ любви замужнихъ женъ приключающіяся, потомъ учитъ примѣромъ Марсеевымъ беречься отъ великаго раззоренія, наконецъ говоритъ и о потеряніи добраго имени чрезъ обхожденіе съ непотребными женами, которое выше всякаго богатства почитать должно.

Худое о себѣ вперить въ народѣ мнѣнье,
И мотовствомъ прожить отцовское имѣнье,
Во всякомъ случаѣ достойно есть хулы,
Съ какимъ бы ни свершилъ лицемъ твой помыслъ злый,
Честная ль та жена, служанка ль, иль блудница.
На знатныя особъ прельщаться женскихъ лица,
Сколь бѣдственно, примѣръ намъ Виллій показалъ,
Кой въ Фавсту, Силлы дочь, влюбясь въ несчастье впалъ, [1])
И потерпѣлъ за то жестокій бой и раны,
Что выбралъ для ѣзды не по себѣ онъ сани;
Потомъ съ безчестіемъ несчастной изгнанъ вонъ,
За тѣмъ что дома былъ супругъ ея Милонъ.
Когда бъ въ такой бѣдѣ сказалъ ему духъ страстный:
Почто ты въ случаи вдаешься толь опасны,
И требую ль, когда бываю распаленъ,
Чтобъ благородныхъ ты искалъ супружныхъ женъ?
Отвѣтствовалъ бы: родъ ведетъ отъ крови знатной.
Натура къ лучшему путь кажетъ не воспятной [2])
И въ нуждахъ каждому пособствовать скора,
Лишь различай умомъ худое отъ добра,
И въ предпріятіяхъ разсматривай искусно,
Пристойно что тебѣ, что скаредно и гнусно,
Въ чемъ есть свобода, въ чемъ опасность и боязнь.

---

[1]) Силла былъ въ Римѣ диктаторомъ, которое достоинство во время междоусобной войны силою себѣ присвоилъ: наконецъ сложа оное жилъ приватнымъ до самой смерти.

[2]) Натура въ нуждахъ велитъ намъ избирать безопаснѣйшія и пристойнѣйшія средства, и что человѣку необходимо, оное все безъ дальнаго труда достается; а что излишне и ненужно, и чего мы нетерпѣливо желаемъ, то съ великимъ трудомъ и нерѣдко съ опасностію получается.

Коль есть межь прихотью и недостаткомъ разнь,
Старанья о чужихъ женахъ оставь лукавы,
Въ чемъ болѣе бѣды бываетъ, какъ забавы.
Когда же пышной ихъ нарядъ прельщаетъ взоръ,
И камней дорогихъ блистающій приборъ;
То знай, что красоты не множитъ то природной,
Чтобъ тѣла стройностью ихъ станъ былъ превосходной,
Чтобъ лядвея нѣжняй, прямѣй былъ икра:
Нежь тѣми какова податлива сестра,
Которая прикрасъ излишнихъ не имѣетъ,
Въявь кажетъ всю красу, тѣмъ хвастать не умѣетъ,
Что есть прелестное и лучшее у ней:
Ниже, въ чемъ есть порокъ, скрываетъ отъ людей.
Богатые весьма разумно поступаютъ,
Что лошадей всегда открытыхъ покупаютъ,
Прилѣжно кажду часть высматривая въ нихъ,
Чтобъ мимо глазъ примѣтъ не пропустить худыхъ,
И чтобъ не учинить въ покупкѣ той ошибки,
Когда лишь съ виду конь пригожъ, а ноги хлипки,
У коего дебелъ задъ, шея высока,
И голова при томъ крута и коротка.
Въ восторгѣ съ перваго любовникъ взгляду хвалитъ:
О грудь! о лядвея! Но похвалы вдругъ малитъ,
Когда разсмотритъ онъ, что равенъ задъ съ спиной,
Что дологъ носъ, что бокъ съ пядень величиной.
У честной ничего, кромѣ лица, не видно:
Не кажетъ протчаго, какъ Кація, безстыдно. [1])

---

[3]) Кація для показанія прелестныхъ ногъ своихъ короткую одежду носила, или нарочно ихъ обнажала, чтобы красавицею казаться могла. Она была столь безстыдна, что въ капищѣ Ѳеатинской Венеры при Помпеевомъ театрѣ съ Валеріемъ, трибуномъ народнымъ, закрывшись ширмами, прелюбодѣйство учинила.

И кроя долгою одеждой всѣ мѣста,
Препятствуетъ зрѣтъ, чѣмъ порочна иль чиста.
Коль станешь простирать далече ты желанья,
Препятствія вездѣ найдутъ твои старанья,
И глупость будетъ тутъ твоя обнажена,
Персона жъ честная кругомъ ограждена.
Премноги случаи зрѣть не допустятъ ясно,
Что въ сей красавицѣ прелестно и прекрасно:
Глубоки чресла, тѣ, которы кудри вьютъ,
Прислужницы, рабы тѣ, кои стерегутъ,
И шлафоръ по пятамъ распущенный съ фатою.
Другая жъ вся почти является нагою, [1])
Изъ Койскаго нося одежду полотна,
Сквозь кое стройность вся частей ея видна,
Сколь ноги бѣлы, сколь статна брюшкомъ и задомъ.
Бока и грудь однимъ измѣрять можешь взглядомъ.
Или обманутымъ желаешь лучше быть,
И цѣну, не видавъ товару, заплатить?
Подобна, скажешь ты, любовь моя охотѣ:
Охотникъ бѣгать радъ за зайцами весь въ потѣ,
И кои у него почти ужъ подъ рукой,
Не ловитъ, за—диво не ставя ловъ такой;
Но свистомъ съ мѣста ихъ на мѣсто выгоняетъ,
И чемь трудняе ловъ, миляе тѣмъ бываетъ.
Такъ на готовый кладъ охотно не мечусь;
Лишь тѣмъ, кой безъ труда не достается, льщусь.

---

[1]) Т. е. непотребная женщина или блудница, которая для прельщенія молодыхъ людей весьма прозрачную одежду носитъ, такъ что можно ее какъ нагую сквозь оную видѣть. Такое прозрачное и весьма тонкое полотно дѣлается на островѣ Ко.

Но думаешь ли ты [1]), кой вмѣсто свисту стонешь,
Что хоть несклонну тѣмъ любовницу не тронешь,
Однако облегчишь мученіе и страсть?
Не лучше ль предану натурѣ быть во власть,
Хранить ея уставъ, въ желаньяхъ знать подробно,
Что можетъ снесть она отъятое удобно,
Чего жъ лишенная должна прискорбна стать?
Не лучше ль отъ тщеты въ томъ пользу отдѣлять?
Когда томи́тъ тебя несносна жажда съ жару,
Потребуешь ли ты тогда златую чару;
Или какъ съ голоду колотишь зубъ о зубъ,
Потребуешь ли, чтобъ былъ деликатной супъ,
И станешь ли, кромѣ индѣйки, всѣмъ гнушаться?
Такъ есть ли будетъ страсть жестоко волноваться,
То станешь ли тогда ты много разбирать,
И случай упустивъ другаго ожидать?
Гораздо отъ сего обычай мой отмѣненъ;
Готовый я люблю товаръ, не многоцѣненъ; [2])
Безъ догововоръ торгъ и безъ хлопотъ веду:
А кои говорятъ, помѣшкавши приду,
Какъ мужъ сойдетъ; пришлабъ, когда бъ цѣны прибавилъ,
Тѣхъ жаркимъ Филодемъ любовникамъ оставилъ, [3])
А для себя однихъ дешевыхъ выбиралъ,
Которыя бъ къ нему не мѣшкавъ шли, какъ звалъ,

---

[1]) Слова Гораціевы, коими увѣщаетъ прелюбодѣя слѣдовать предписаннымъ отъ натуры законамъ.

[2]) Т. е. для утоленія моей страсти не ищу благородныхъ и знатныхъ лицъ, но въ нетерпѣливости довольствуюсь готовымъ увеселеніемъ.

[3]) Филодемъ былъ стихотворецъ, послѣдователь Епикурова ученія. Написалъ на греческомъ языкѣ многія эпиграммы.

И коихъ чистъ бы видъ былъ безъ прикрасъ и статенъ,
Ростъ не притворной, станъ безъ горба, и безъ пятенъ.
Когда такая мнѣ явитъ свою любовь, [1])
Венерою назвать и Нимфою готовъ,
И всяко имя ей одной мню быть пристойно.
Въ забавахъ съ нею дни я провожу спокойно,
Не опасаясь въ томъ нечаянныхъ помѣхъ,
Что изъ деревни мужъ на сей пріѣдетъ грѣхъ,
Дверь выломитъ въ сердцахъ, поднимутъ тутъ лай велій,
Встревожится весь домъ, жена въ дрожи съ постели
Соскочитъ бѣдная, боясь кары злой,
Въ отчаяньи раба тутъ будетъ клясть рокъ свой;
Что сгонятъ со двора меня, отрѣзавъ полу,
И придетъ гоголемъ бѣжатъ мнѣ срамну, голу.
Таковъ то плодъ любви, когда застанетъ кто;
Спроси хоть Фабія, и онъ докажетъ то. [2])

САТИРА III.

Тигеллій.

Въ сей сатирѣ обличаетъ стихотворецъ Стоиковъ, которые не видя своихъ великихъ пороковъ, другихъ людей и самыхъ пріятелей своихъ малыя погрѣшности весьма уважали, будучи въ томъ мнѣніи, что за всякія преступленія равно наказывать должно, и что они одни премудры. Чего ради представляетъ себя Стоикомъ, дабы тѣмъ удобнѣе ихъ обличать могъ, совѣтуя другъ друга пороки сноситъ терпѣливо, или всѣхъ преступниковъ нака-

---

[2]) Слова Гораціевы.

[3]) Весьма язвительно пятнаетъ стряпчаго Фабія, которой нѣкогда въ прелюбодѣйствѣ пойманъ былъ.

зывать, но однихъ жесточаѣ, нежели другихъ: потому что естьли бы за самыя малыя проступки весьма тяжкія истязанія чинить надлежало, тобъ за великія злодѣянія или со всѣмъ карать не должно было, или новыя казни изобрѣтать потребовалось.

Обычный тотъ порокъ пѣвцы въ себѣ имѣютъ;
Когда ихъ просять въ честь въ бесѣдѣ пѣть, нѣмѣютъ;
А гдѣ имъ не хотятъ со всѣмъ о томъ скучать,
Тамъ сами ни на часъ не терпятъ, чтобъ молчать.
Таковъ Тигеллій былъ преслушный и упорный, [1])
Который Цесарю являлся не покорный, [2])
Когда не силой онъ, но лаской убѣждалъ,
Чтобъ пѣніемъ его для дружбы услаждалъ.
Когда же въ немъ была своя охота къ реву,
Тогда не затворялъ широкаго онъ зѣву;
Межъ тѣмъ, какъ Бахуса онъ въ пѣсняхъ возносилъ,
То возвышался вверхъ, то съ верху нисходилъ,
И приводилъ напѣвъ съ музыкою согласно;
Но равенства ни въ чемъ не наблюдалъ всечасно. [3])
Иль бѣгалъ, какъ бы гналъ по немъ свирѣпый врагъ,
Иль тихой поступью свой узко мѣрялъ шагъ,
Какъ дары кто несетъ Юнонѣ посвященны. [4])
Двумя онъ стами слугъ былъ часто окруженный,

---

[1]) См. о немъ прим. 3, къ сатир. II.

[3]) Разумѣется Цесарь Августъ, который Юліемъ Цесаремъ вмѣсто сына воспитанъ былъ, и послѣ побѣды полученной надъ Антоніемъ принялъ правительство въ Римѣ, содержалъ сего Тигеллія въ отмѣнной милости для его веселаго нрава.

[3]) Былъ въ намѣреніяхъ и дѣлахъ своихъ весьма непостояненъ.

[2]) Дѣвицы, которыя на головахъ своихъ въ кошницахъ жертву Юнонину носили, тихо и медленно ступали, и у Аѳинянъ *конифорами*, т. е. *носящими кошницы* именовались. Симъ именемъ назывались обыкновенно жрицы Церерины или Палладины.

А иногда имѣлъ десятерыхъ людей;
Порой разсказывалъ про принцевъ и царей, [1])
Другою говорилъ: вѣкъ проживу безъ горя,
Какъ хлѣба есть сухарь, горшокъ щей, лошка соли;
Пусть буду на плечахъ своихъ сѣрякъ имѣть,
Лишь только бъ мнѣ въ морозъ отъ стужи не колѣть.
Сему скупому, [2]) кой желалъ одной краюшки,
Дай сто рублевъ, въ пять дней не будетъ ни полушки.
Онъ съ вечера всю ночь безъ сна до утра бдѣлъ,
А днемъ лежа въ пуху тянулся и храпѣлъ.
Бывалъ ли кто другой столь шатокъ и розвратенъ?
Теперь пусть скажетъ кто: Ты развѣ самъ безъ пятенъ,
И развѣ никакихъ въ тебѣ пороковъ нѣтъ?
Не меньше, можетъ быть, другихъ въ самомъ живетъ.
Какъ Меній Новіевъ осмѣивалъ нравъ грубый, [3])
То нѣкто кстати рекъ: Дружокъ мой, стисни зубы,
Знать прямо самъ себя не знаешь ты, и мнишь,
Что, какъ невызнанный, отъ насъ злость утаишь?
А Меній говорилъ: Вотъ я чужія рѣчи,
Какія бъ нибыли, не вѣшаю за плечи. [4])

---

1) Тигеллій иногда представлялъ себя весьма важнымъ въ разговорахъ, будто бы самъ былъ человѣкъ знаменитой породы; а иногда скромнымъ, и отъ всякаго излишества воздержнымъ, такъ что малой достатокъ служилъ ему вмѣсто великаго богатства.

2) Т. е. Тигеллію.

3) О Меніѣ извѣстно, что онъ былъ знатной шутъ въ Римѣ, который расточивъ все имѣніе свое наконецъ и самой домъ продалъ, выговоривъ себѣ одинъ столпъ, съ коего бы ему смотрѣть поединщиковъ, которой потому и назывался *столпомъ Меніевымъ*.

4) Обыкновенно злонравные чужія пороки, хотя бы они самые малые были, увеличиваютъ и всюду разглашаютъ, не рѣдко съ ложными прилогами; а есть ли кто о собственныхъ ихъ упоминаетъ, затыкаютъ уши, и ни вочто оные поставляютъ.

Безумна къ самому себѣ весьма любовь;
Когда ты выпяля глаза и вскинувь бровь,
Наводишь на другихъ дѣла твой взоръ жестокій,
Какъ Епидаврскій змій, [1]) орелъ какъ быстроокій,
По что же, на себя взирая, жмуришь глазъ?
Не могутъ равно скрыть и тѣ [2]) твоихъ проказъ.
Гнѣвливъ ли кто? съ людьми не знаетъ обходиться, [3])
И можетъ за пустой смѣхъ скоро осердиться,
Что свисло платье съ плечъ, обрйтъ не по людски,
Что худо на—ноги надѣты башмаки;
Однако милъ тебѣ будь другъ, и тѣмъ умнѣе,
Чѣмъ съ виду кажется другихъ людей гнуснѣе.
Извѣдай напередъ нравъ собственной, дружокъ,
Имѣешь ли какой съ природы самъ порокъ,
Иль отъ привычки злой во нравѣ вкорененный.

---

[1]) Близь Епидавра, греческаго города, было Эскулапіево капище, куда отовсюду великое множество больныхъ сбиралось для испрошенія отъ Эскулапія помощи, которой по суевѣрію древнихъ врачевалъ всякія болѣзни. Нѣкогда римляне Сивиллинымъ пророчествомъ побуждены были, чтобъ для избавленія гражданъ отъ моровой язвы ѣхали въ Епидавръ, и тамъ бы Эскулапія о томъ просили, куда они прибывъ и исполнивъ положительный обѣтъ, увидѣли дракона, бѣгущаго къ ихъ кораблю, котораго послѣ видѣли въ другой разъ на берегу или островѣ рѣки Тибра, гдѣ онъ вдругъ невидимъ сталъ, и гдѣ они потомъ изображеніе сего дракона поставили.

[2]) Друзья, которыхъ ты пятнаешь.

[3]) Человѣкъ, которой имѣетъ малые пороки, но при томъ гнѣвливъ, къ обхожденію съ забавными людьми неспособенъ, затѣмъ, что шутокъ ихъ терпѣливо снесть не можетъ, хотя бы въ нихъ никакой обиды не заключалось. Симъ примѣромъ научаетъ, чтобъ дружескіе пороки, есть ли они сносны и не велики, прикрывать по латинской пословицѣ: Amici mores noueris, non oderis: т. е. *дружескія пороки знай, только не лай.*

Безъ пашни куколью лугъ глохнетъ порощенный. [1])
Къ любовничьимъ дѣламъ мы обратимъ свой зракъ, [2])
На коихъ нѣжна страсть наводитъ сильный мракъ,
Что милъ кокетокъ нравъ такъ, какъ Балбину любы
Сгнившей Агнинъ носъ, обкусанныя губы,
Не только въ ихъ не зрятъ поступкахъ худобы,
Но хвалятъ оные страстей своихъ рабы.
О естьли бъ наша мысль такъ въ дружествѣ грѣшила,
И добродѣтелью сія погрѣшность слыла!
Какъ сына рождшему нелѣпость не гнусна, [3])
Такъ сносна намъ друговъ порочность быть должна.
Раскосаго отецъ зоветъ подслѣпымъ сына,
Птенцемъ, кой выросъ чуть на полтора аршина,
Какъ Сизифъ, кой имѣлъ два фута вышины. [4])
Кто раскарякою ползя, деретъ штаны,
Того мнитъ скрасить тѣмъ, что съ мала глезны гибки;
Поджарымъ тотъ слыветъ, чьи ноги въ кисти хлипки.
Когда пріятель скупъ, почти, что бережливъ;
Когда безпутенъ онъ и нѣсколько спѣсивъ,
Скажи, что въ дружбу онъ способенъ подбиваться.

---

[1]) Иные пороки бываютъ врожденные въ насъ отъ природы, а другіе отъ худой привычки вкореняются, такъ что есть ли кто самъ о себѣ радѣть не похочетъ, злонравнымъ сдѣлается, не инако какъ запущенное поле терніемъ заростаетъ.

[2]) Стихотворецъ показываетъ примѣрами, какъ должны мы великодушно сносить дружескіе пороки, подражая любовникамъ, которые нелѣпостями любовницъ своихъ не только не гнушаются, но еще и хвалятъ оныя, а не хотятъ ихъ видѣть.

[3]) Другой примѣръ, какъ должно снисходить другу, взявъ отъ родителей, которые по горячей любви къ дѣтямъ своимъ натуральныхъ ихъ недостатковъ или не разумѣютъ, или разумѣя прикрываютъ.

[4]) Повѣтствуютъ, что у Марка Антонія былъ карликъ, возрастомъ въ два фута, коего онъ для остроты ума называлъ *Сизифомъ*.

Тотъ долженъ простякомъ и храбрымъ называться,
Кто волю самъ себѣ даетъ на все и лютъ;
Жестокимъ почитай того, кто сердцемъ крутъ.
Сей способъ въ дружество людей совокупляетъ,
И нерушимъ союзъ межъ ними сохраняетъ.
Мы добродѣтелямъ противной видъ даемъ,
И въ дорогой сосудъ нечисту воду льемъ. [1])
Кто такъ живетъ, какъ жить довлѣетъ честну мужу,
Въ томъ признаютъ весьма уничиженну душу;
Кто тѣломъ отягченъ отъ тука, тотъ глупецъ;
Кто скоръ бѣжитъ, слыветъ коварной тотъ хитрецъ,
За тѣмъ что въ томъ умно хранясь и осторожно
Не допущаетъ злу льнуть къ боку, сколь возможно,
Хоть обращенье тамъ случилось бы имѣть,
Гдѣ зависть на бѣду кладетъ подъ ноги сѣть.
Кто простъ, какъ ты меня зрѣлъ, Меценатъ, не въ пору
Отъ думъ, отъ чтенія книгъ нудитъ къ разговору;
Того намъ рѣчь горька, какъ редька или хрѣнъ,
И говоримъ, что онъ чувствъ общихъ есть лишенъ.
Сколь сами мы себѣ даемъ законъ не правый!
Никто съ безгрѣшными въ свѣтъ не родился нравы.
Въ комъ только малые пороки можно снесть,
Того за лучшаго достойно и почесть.
Когда сравнивъ мои дѣла благія съ злыми,
Найдетъ другъ вѣрный, что обильнѣй я честными;
То естьли онъ любимъ желаетъ мною быть,
Изрядныхъ доброту поступковъ долженъ чтить:
Вѣсы употреблю и для него едины: [2])
Изрыли чье лице глубокія морщины,

---

[1]) Т. е. сіяніе добродѣтели пороками нашими затмѣваемъ.
[2]) Тоже о немъ разсуждать и заслугу равною заслугою платить буду.

Того другъ проситъ, чтобъ его веснушки снесъ; [1])
Взаимнымъ отпускомъ вины равнится вѣсъ.
Когда же истребить со всѣмъ не можно гнѣва,
Иль всѣяннаго въ злыхъ другихъ пороковъ плева,
Почто же разумъ дѣлъ не уважаетъ такъ,
По мѣрѣ чтобъ вины былъ истязуемъ всякъ? [2])
Когда бы кто раба за то хотѣлъ вгнать въ петлю,
Что рыбьи съѣлъ хвосты, схлебалъ похлебку теплу,
Не скажутъ ли тому разумные, что онъ
Глупѣй, какъ ябеда сварливой Лабеонъ. [3])
Нейстовѣе тотъ и больше погрѣшаетъ,
Кто дружество за вещь неважну нарушаетъ;
По строгости такой быть долженъ лихъ, суровъ,
Что рушитъ злобою любовь своихъ друговъ,
И бѣгаетъ отъ нихъ, должникъ какъ отъ Рузона, [4])

---

1) Когда кто проситъ друга, чтобъ большіе его проступки снесъ великодушно, то напротивъ того необходимо должно малые его предать забвенію.

2) Стихотворецъ по малу приступаетъ къ опроверженію мнѣнія Стоиковъ, которые утверждали, что всѣ преступленія равны; при чемъ показываетъ, что не столько взирать надлежитъ на самое преступленіе, сколько на намѣреніе преступника.

3) Для показанія, что преступленія не всѣ равны, и слѣдственно не одинакому подлежатъ наказанію, приводитъ въ примѣръ такого господина, который бы слугу своего за самую малую проступку хотѣлъ весьма жестоко наказывать, поставляя онаго безумнѣйшимъ, нежели Лабеонъ. Мартій Антистій Лабеонъ, юристъ, съ великою вольностію и смѣлостію поступалъ противъ Цезаря Августа, опорочивая изданные отъ него законы; чего ради во угожденіе Цезарю называетъ его безумнымъ и сварливымъ.

3) Стихотворецъ показываетъ, что сей Рузонъ былъ великой поставщикъ и ни къ чему годной писатель, который должниковъ своихъ обыкновенно принуждалъ къ тому, чтобъ они или повѣстей его слушали, или бы долгъ заплатили, что имъ нерѣдко самой смерти горестнѣе было.

Кои повѣсти свои, пустаго полны звона,
Неволитъ силою и слушать и хвалить,
Какъ скоро бѣдному срокъ придетъ долгъ платить.
По нуждѣ долженъ ужъ внимать безпутны звяки,
И сладкимъ слогомъ звать, какъ плѣнникъ, голы враки,
Или на рубль тогда двѣ гривны росту дать,
Коль шею протянувъ не станетъ словъ внушать.
Кому противными за то быть должны гости,
И можно ль праведно причесть вину ту злости,
Что капля капувша постелю залила,
Что дорогой сосудъ сронился со стола?
Иль кто цыпленка взялъ изъ подъ чужаго края,
Велика ль быть должна обида таковая?
Чтожъ, естьли бъ вѣрность кто измѣной нарушалъ, [1])
Кто бъ вещь укралъ, и кто бъ во обѣщаньи лгалъ,
Какъ должно воздаватъ за ту проступку другу?
Преступство равно мститъ, и награждать заслугу
Хоть подаютъ чужихъ дѣлъ критики совѣтъ, [2])
Но въ нравахъ собственныхъ ихъ строгости той нѣтъ,
И правило сіе умъ здравый отвергаетъ;
Противное жъ тому обычай подтверждаетъ,
И польза общая, Добра и Правды мать,
Совѣтуетъ дѣла по мѣрѣ уважать.

Посмотримъ древнихъ лѣтъ на первые початки:
Какъ нѣмы родились въ свѣтъ люди, видомъ гадки, [3])

---

[1]) Стихотворецъ сравниваетъ здѣсь великія представленія съ малыми.

[2]) Явно опровергаетъ ученіе Стоиковъ, чтобъ всѣ преступленія равными почитать, которые и сами сего правила дѣломъ не наблюдали, но только словами подтверждали.

[3]) Стараеться доказать, что правосудіе не отъ натуры людямъ предано, но для общей пользы въ свѣтѣ необходимо нужно быть стало.

Желудьи пища имъ, пещеры были домъ;
Когтьми, кулачьями, дубинами потомъ,
А наконецъ уже орудьями дралися,
Когда по малу въ свѣтъ потребою ввелися.
Какъ званія вещей и рѣчи обрѣли,
Которыми бъ свою мысль выражать могли;
Не нужно стало имъ ружье для обороны,
Крѣпили города, вводили въ нихъ законы,
Чтобъ не-былъ кто воръ, тать, разбойникъ, любодѣй.
И до Елены брань велася межъ людей, [1])
Которыя была слѣпая страсть причиной;
Но неизвѣтною погибли тѣ кончиной,
Которы въ похотяхъ, обычаемъ скота,
Отъ сильныхъ своего лишались живота.
Всѣхъ разсмотрѣвъ временъ порядокъ и теченье,
Найдемъ, что данъ законъ неправдъ во пресѣченье.
Все, что законно есть, того съ неправдой разнь,
Такъ какъ вредъ съ пользою, съ надеждою боязнь
Не можетъ различать ни самая природа; [2])
Не сильного на то нельзя привесть довода,
Чтобъ было важности преступства то одной,
И чтобы равною то почитать виной,
Хоть крадетъ съ грядъ чужихъ капусту тунеядецъ,
Хоть обнажаетъ храмъ безбожный святотатецъ.
Пристойно завсегда умѣренность въ томъ знать,

---

[1]) Елена была супруга Менелая, царя Лакедемонскаго, которую для безмѣрной красоты Парисъ похитилъ, что было причиною десятилѣтней войны и раззоренію Троянскаго царства.

[2]) Т. е. всякъ отъ природы знаетъ, что добро, и что зло, что сладко, и что горько; а что праведно или не праведно, того отъ природы познавать но можетъ, но отъ житія научаемся по общей пословицѣ: *вѣкъ живи, вѣкъ учись.*

Чтобъ по достоинству преступниковъ карать,
И чтобъ не сѣчь кнутомъ, кто заслужилъ батоги.
Когдабъ ты предписалъ злодѣю штрафъ не строгій,
Кой тяжко за вину истязанъ долженъ быть,
То самымъ тѣмъ меня не могъ бы устрашить, [1])
Что равною бѣдой разбой и кражу ставишь,
Грозя, что казнію единою исправишь,
Лишь только бы народъ тебѣ далъ царску власть.
Мудрецъ себѣ богатъ, [2]) сапожному гораздъ,
Красавецъ онъ одинъ, и царь, какъ ты считаешь,
Почто же самъ того, что есть уже, желаешь?
А ты даешь отвѣтъ: Внимай, де, тѣ слова,
Которы рекъ Хризиппъ, [3]) премудрая глава:
Не шилъ себѣ мудрецъ самъ обуви во вѣки,
Но съ мудрыми его считаютъ человѣки;
Такъ по сему хотя Тигеллій и молчитъ, [4])
То за искуснаго его пѣвца всякъ чтитъ.

---

[1]) Т. е. когда бы ты, Стоикъ, злодѣю, достойному жестокаго истязанія учинилъ легкій штрафъ, то бы и я не имѣлъ ни малой причины тебя опасаться, зная, что ты всѣ преступленія равными почитаешь.

[2]) Стихотворецъ весьма остроумно осмѣиваетъ Стоиковъ, которые утверждаютъ, что премудрый богатъ и въ самой скудости, благороденъ въ рабствѣ, и прекрасенъ въ скаредномъ житіи и проч. По чему есть ли премудрый богатъ, и искусной сапожникъ, и красавецъ, и Царь; то для чего ты, Стойкъ, желаешь надъ людьми имѣть царскую власть для наказанія за преступства, когда уже царемъ почитаешься?

[3]) Хризиппъ почитался начальникомъ Стоической секты, котораго Цицеронъ называетъ весьма разумнымъ толкователемъ Стоическихъ мечтаній.

[4]) Горацій возвращается туда же, откуда рѣчь свою началъ, т. е. къ Тигеллію, дабы непостоянства и самолюбія его Стоиковъ участниками сдѣлать.

Подобно хитрой такъ Алфиній изъ Кремоны [1])
Безъ фельшерни, безъ бритвъ быль бритовщихъ учоный;
И какъ премудраго во всемъ искуснымъ чтятъ,
Такъ можно по томужъ царемъ его назвать.
Ты жъ будучи со всѣхъ сторонъ стѣсненный свалкой, [2])
Рѣзвящихся ребятъ [3]) прочь отгоняешь палкой,
Какъ бороду твою теребятъ по клочкамъ;
Хоть царь, да лаешь тутъ подобно лютымъ псамъ.
Чтобъ кратко кончить рѣчь: Когда ты съ царскимъ чиномъ
Безъ ближнихъ и безъ слугъ самъ пойдешь господиномъ
Въ торгову баню, грошъ имѣя заплатить,
И будетъ баньщикъ лишь Криспинъ тебѣ служитъ;
То будешь въ смѣхъ, а мнѣ проститъ другъ терпѣливно;
Взаимно потерплю ему, что мнѣ противно.
И такъ хоть вѣкъ слыви премудрымъ и царемъ,
Щастливо буду жить приватнымъ я межъ тѣмъ.

САТИРА IV.

Криспинъ.

Стихотворецъ изъявляетъ въ сей сатирѣ неудовольствіе свое къ Римлянамъ, что обличеніе его весьма несносны имъ были, хотя

---

1) Алфиній Варъ, родомъ изъ Кремоны, съ молодыхъ лѣтъ упражнялся въ фельдшерской наукѣ; потомъ оставя оную въ Римъ прибылъ, гдѣ при Маркѣ Сулпиціѣ знанія правъ такъ обучился, что достигнулъ до консульскаго достоинства, и по смерти погребенъ съ публичною церемоніею.

2) Отъ сего стиха и до конца стихотворецъ обличаетъ безумное высокомысліе о себѣ Стоиковъ, кои присвояютъ то, чего не имѣютъ.

3) Т. е. послѣдователей Епикуровыхъ, коихъ Стоики за ребятъ почитали.

напротивъ того Луциліевы и другихъ сочиненія, съ большею вольностію писанныя, съ похволою принимали.

Кратинъ, Аристофа̀нъ и Евполисъ [1]) съ другими,
Комедіями намъ извѣстными своими,
Слагали ѣдкіе весьма на тѣхъ стихи,
Чьи нужда имъ была описывать грѣхи,
Когда кто нравомъ золъ, иль воръ, иль убоецъ,
Когда прелюбодѣй, иль славный былъ пропоецъ.
Луцилій ихъ слѣды въ твореніяхъ топталъ, [2])
И премѣнивъ стиховъ родъ, са̀тиры писалъ.
Хотя въ немъ нѣженъ вкусъ, разсудокъ былъ изряденъ;
Но тѣмъ пороченъ, что въ стихахъ грубъ и досаденъ.
Онъ часто, будто бы писалъ велико что,
Поджавши ногу, въ часъ маралъ тетрадей сто.
Плылъ быстро по-мути языкъ многорѣчивый, [3])
И сколь былъ вздоренъ слогъ, столь нравъ нетерпѣливый
И не радивъ о томъ, чтобъ сочинять безъ вракъ,
Лишь было бъ много. Пусть по мнѣ то будетъ такъ.
Вотъ объ закладъ еще Криспинъ со мною бьется, [4])
И говоритъ: На то рука тебѣ дается,
Что естьли мѣсто дашь, порукъ, и скажешь часъ,
Увидимъ, больше кто изъ двухъ напишитъ насъ.
Благодарю боговъ, [5]) что дали умъ мнѣ средній,

---

[1]) Сіи первые древнія комедіи писали; въ коихъ пороки сограждан своихъ ядовитымъ слогомъ описывали.

[2]) Луцилій изъ древней греческой комедіи сдѣлалъ сатиру, перемѣнивъ только родъ стиховъ, а злословія не оставилъ.

[3]) Т. е., слагалъ вздорные стихи плодовито и поспѣшно, стараясь больше о множествѣ, нежели о исправности оныхъ.

[4]) Кристинъ также писалъ многіе стихи, но худые. См. послѣднее примѣчаніе къ сатирѣ первой.

[5]) Горацій говоритъ.

И не охочъ языкъ пустые вякать бредни.
А ты включенному въ мѣхахъ изъ козьихъ кожъ
Подобясь воздуху, рѣчь непрестанно множь, [6])
Какъ непрестанно тотъ въ горну жаръ раздуваетъ,
Пока кузнецъ въ огнѣ желѣзо умягчаетъ.
Принявшій Фанній честь обычную, блаженъ, [7])
Что безъ заслугъ въ число піитовъ былъ включенъ;
Мои же напротивъ того дѣла не въ модѣ,
Которые боюсь разсѣять самъ въ народѣ,
За тѣмъ что многимъ сей не вкусенъ родъ стиховъ,
Достойны кои ихъ дѣла винящихъ словъ. [8])
Изъ множества кого ни выведи наружу,
Иль гордъ, иль къ лакомству имѣетъ склонну душу.
Сей женолюбецъ, тотъ не знаетъ въ страсти мѣръ;
Мотъ-щоголь смотритъ лишь на моды и манеръ,
Всѣхъ лучше знаетъ разнь вещей скупой и цѣну,
И безъ ошибки свой товаръ даетъ на мѣну,
Трудясь въ томъ цѣлый день: И какъ мятется прахъ,
Такъ презирая онъ всѣ бѣдствія и страхъ,
Чтобъ не продать въ накладъ, иль капиталъ умножить,
Метаться, клясться, вѣкъ готовъ себя тревожить.
Всѣ оные враги піитовъ не брегутъ;

---

[1]) Совѣтуетъ Криспину по обыкновенію его писать пышные и надменные стихи, примѣняя сердце его къ козьимъ мѣхамъ, а надменные и безумные замыслы къ воздуху, въ тѣхъ мѣхахъ включенному.

[2]) Фонній былъ весьма многорѣчивый и негодный стихотворецъ, отъ котораго стиховъ скучивъ Сенатъ въ общество Піитовъ онаго включить повелѣлъ, какъ искуснаго; или, какъ другіе повѣствуютъ, за неимѣніемъ у него дѣтей, искавшіе наслѣдства безъ его старанія и труда книги его въ публичныя библіотеки вносили, хотя сочинитель того и недостоенъ былъ.

[3]) Т. е., многимъ, которые обличенія достойны, и которыхъ въ слѣдующихъ стихахъ исчисляетъ.

Какъ чортъ отъ ладону, такъ отъ стиховъ бѣгутъ.
Бѣги отъ сатира; виситъ на рогѣ сѣно; [1]
Готовъ поднять на смѣхъ и ближнее колѣно.
Что на бумагѣ онъ ни начертитъ перомъ,
На рынкахъ знать даетъ и площадяхъ о томъ,
Насильно всякому сажая смѣхъ на губы;
И богадѣленки твердятъ ужъ то беззубы.
Противу сихъ рѣчей я нѣчто самъ скажу:
Въ число я тѣхъ себя піитовъ не ввожу,
Которымъ имя то охотно уступаю,
Затѣмъ что самъ того творцомъ не почитаю,
Кто только что стихи умѣетъ составлять,
И сходно съ рѣчію простой, какъ я, писать.
Тотъ прямо честью сей возможетъ быть почтенный,
Въ комъ острота и умъ съ природы просвѣщенный,
Кто можетъ возгремѣть великія дѣла.
И такъ комедія причину подала,
Поэма ли она, въ томъ многимъ сомнѣваться,
Что въ дѣлѣ и словахъ обыкла унижаться,
При томъ ни пышности, ни силы въ оной нѣтъ,
И только стопъ однихъ извѣстной видѣнъ слѣдъ,
Чѣмъ отъ простаго рѣчь отлична разговору.
Что жъ скажутъ мнѣ, отецъ въ комедіи съ задору [2]
Ярится на сына за то, что мотомъ ставъ,

---

[1]) Уподобленіе взято отъ бодливаго быка, которому на рога сѣно навѣшиваютъ для признаку, чтобъ встрѣчные на него не находили. Такъ Горацій совѣтуетъ имѣющимъ злую совѣсть удаляется отъ того, кто пороки обличаетъ.

[2]) Стихотворецъ самъ себѣ дѣлаетъ противное предложеніе, за тѣмъ что прежде говорилъ, что въ комедіи ни пышности ни важности нѣтъ. Разумѣетъ здѣсь Менедема въ Терентіевой комедіи, ярящагося на сына за мотовство.

И сердце съ деньгами любовницѣ отдавъ,
Не думаетъ жену съ богатымъ взять приданымъ,
Что до́-ночи ходить по вечеринкамъ пьянымъ,
Зажегши факелы, не ставитъ въ стыдъ и срамъ.
Не можно-ль по сему дать силу симъ словамъ?
Не меньше бы отецъ Помпоніевъ ярился [1])
На сына, есть ли бы онъ жизни не лишился.
И такъ нельзя сказать, чтобъ стихъ былъ совершенъ,
Который изъ простыхъ рѣченій сочиненъ.
Разбей его, найдешь, что всякъ такъ негодуетъ,
Какъ на̀-сына отецъ въ комедіи воюетъ.
Такъ, естьлибъ рушить кто мои стихи желалъ,
Иль тѣ, которые Луцилій написалъ,
И стопы всѣ смѣшавъ представить въ видѣ новомъ,
Чтобъ заднимъ стихъ начать, переднимъ кончить словомъ;
Не найдешь ни красы, ни важности такой,
Какъ естьли-бъ въ семъ стихѣ порядокъ былъ иной,
«Какъ дерзкія вражды неистовая сила
«Желѣзныя врата злой брани сокрушила; [2])
Однимъ бы взглядомъ ты увидѣть могъ тотчасъ,
Что стихотворца жаръ гасимый не угасъ.
Поэма-ль са̀тира, иль нѣтъ, то оставляю;
Лишь я тебя о томъ единомъ вопрошаю,

---

1) Рѣшеніе помянутаго предложенія, что и всякой отецъ невоздержнымъ житіемъ сына своего также разгнѣванъ быть можетъ, какъ Менедемъ въ комедіи, приводя въ примѣръ Помпонія, которой жилъ весьма роскошно.

2) Приводитъ въ примѣръ Энніевы стихи, великой духъ стихотворца изъявляющія, говоря, что когда бы его или Луциліевы стихи въ иной порядокъ превращены были, то бы ни красы ни важность такой оные въ себѣ не заключали.

Прямыя-ль въ родѣ семъ примѣты зришь досадъ? [1])
Вить я ни Сульцію, ни Капрію не братъ. [2])
Съ реэстромъ рыскали охриплы оба всюду,
Внося то имя, чью поступку зрѣли худу,
И наводили злымъ великой страхъ чрезъ то;
Кто жъ честно жизнь ведетъ, вмѣняй ихъ за ничто.
Будь Цѣлію по мнѣ и Биррію подобенъ; [3])
Чтожъ я тебѣ за страхъ? престань быть тщетно злобенъ.
Ни на базарѣ нѣтъ моихъ книгъ, ни въ рядахъ;
Не третъ ихъ не народъ, ниже́ Тигéллъ въ рукахъ;
Безъ нужды ни друзьямъ казать ихъ не привыченъ,
Нигдѣ, и никому; и въ томъ отъ тѣхъ отличенъ,
Которые среди толпы публично чтутъ,
И въ баню для того съ собой стихи берутъ,
На единѣ нашъ слухъ глазъ нѣжно услаждаетъ;
Безпутнымъ то не такъ, и кто не разбираетъ,
Разсудно-ль сказана его и къ стати-ль рѣчь.
Другой меня въ словахъ сихъ тщится подстеречь;
Ты правду говоришь, да обижать умѣешь,
И то де съ умыслу, какъ злой, ты дѣлать смѣешь.
Скажи жъ, съ чего взялась въ тебѣ мысль такова̀,
Иль хульны кто внушилъ о мнѣ тебѣ слова?
Кто надъ пріятелемъ отсутственнымъ шпыняетъ,
Кто не стоитъ, когда другой его пятнаетъ,
Кто осмѣять кого и вставить гожъ рога,

---

[1]) Т. е., справедливо ли ты, Римлянинъ, ненавидишь сей родъ, комедіи или сатиры, или по достоинству оныхъ страшишься.

[2]) Сулцій и Капрій имена доносителей: иные объявляютъ, что они были стряпчіе, почему и охриплыми пазваны, а другіе за весьма язвительныхъ сатириковъ ихъ признаваютъ.

[3]) Хотя бы ты жилъ такъ, какъ Целій и Биррій, т. е. непорядочно и злонравно, однако я въ томъ ни доноситель, ни обличитель, и по тому не для чего меня бояться.

Кто небылицу сплесть умѣетъ въ три мига,
Кто въ тайнѣ ввѣренной не крѣпокъ и не вѣренъ;
Того ты, Римлянинъ, бѣги; онъ золъ, весь черенъ.
Изъ призванныхъ къ тебѣ на пиршество друговъ [1])
Гость часто при столѣ случается таковъ,
Кой съ зуба на̀-зубъ всѣхъ передвигать изваженъ;
Лишь тотъ, кто подчуетъ, бываетъ въ томъ пощаженъ.
Но послѣ какъ питьемъ утробу отягчитъ,
Съ икотой на того изъ устъ хула летитъ.
Однакъ тебѣ, кой съ злымъ общенью не привыченъ,
Забавенъ кажется, учтивъ, простоязыченъ.
Я жъ естьли усмѣхнусь, что злой подъячихъ родъ
Безъ взятокъ не живетъ, сутяга безъ хлопотъ;
Зло сердце и языкъ язвителенъ мой станетъ.
Когда о кражѣ кто Петиллія вспомянетъ, [2])
Что грабить онъ дерзнулъ Капитолинскій храмъ,
Тогда ты защищай его, какъ знаешь самъ:
Съ ребячества со мной Капитолинъ жилъ дружно;
Охотно онъ служилъ во всемъ, что было нужно,
И слава Богу, что щастливо онъ живетъ,
Спокойно жилъ, и вѣкъ спокойно проведетъ.
Однакъ дивлюсь, какъ спасъ себя отъ приговора?
Когда жъ ты говоришь, что пощадили вора,

---

[1]) Горацій показываетъ своему сопернику, въ чемъ состоитъ прямая обида и досада, что однако почитаетъ тотъ за учтивыя шутки и забаву.

[2]) Стихотворецъ представляетъ друга Петилліева, съ собою разговаривающаго и защищающаго сего Петиллія въ учиненномъ святотатствѣ. *Петиллій Капитолинъ*, которому Капитолинской храмъ порученъ былъ въ главное смотрѣніе, по чему онъ и Капитолиномъ прозванъ, будучи обличенъ въ похищеніи короны Юпитера Капитолинскаго по предстательству онаго пріятеля своего получилъ прощеніе въ угожденіе Августу, которой содержалъ его въ милости.

Не больше ль тѣмъ его съѣдаешь и язвишь?
Но есть ли о себѣ ручаться мнѣ велишь,
То склонности такой во мнѣ не будешь видѣть,
Чтобъ на письмѣ кого мнилъ съумыслу обидѣтъ.
Ручаюсь въ истинну, и слово вътомъ даю;
А буде въ шуткахъ что смѣляе я пою,
Оставь мнѣ право то и долгъ великодушно.
Въ отцовскихъ чадо былъ наказанъ я послушно,
Которой, какъ меня младаго наставлялъ,
Примѣрами отъ злыхъ дѣлъ бѣгать научалъ.
Когда увѣщавалъ жить скромно и не пышно,
Довольну тѣмъ быть, что соблюлъ мнѣ, не излишно;
Смотри, какъ Албіевъ развратенъ сынъ и золъ,
И какъ, говаривалъ, роскошный Барръ сталъ голъ?
Хранитъ доводъ сей всѣхъ отъ вольнаго нищетства,
Чтобъ зло не расточать отцовскаго наслѣдства.
Когда удерживалъ отъ мерзкія любви,
Сектану, говорилъ, подобно не живи.
Чтобъ сердце я имѣлъ къ любовницамъ несклонно,
Коль воля есть вступить въ супружество законно,
Требонія па то въ примѣръ мнѣ приводилъ,
Кой въ подозрительномъ поиманъ домѣ былъ.
Премудрой дастъ тому довольную причину,
Чему послѣдовать, чего беречься сыну;
Но есть-ли я храню обычай древнихъ лѣтъ,
И показать могу тебѣ хорошей слѣдъ,
Пока еще твои суть лѣта недозрѣлы,
Довольно мнѣ того. Когда же возрастъ спѣлый
Со временемъ твой умъ и чувства укрѣпитъ,
Тогда безъ пузырей свободно можешь плыть [1]).

---

1) Жить будешь по своей волѣ, не требуя наставленія.

Такъ управлялъ отецъ лѣта мои младыя,
И ежели давалъ приказы мнѣ какія,
Нарочитыхъ мужей примѣромъ представлялъ,
Чтобъ онымъ слѣдуя подобно поступалъ.
А есть-ли отъ него что было мнѣ запретно,
Разсматривать велѣлъ, не будетъ ли то тщетно,
И не безчестно ли мнѣ, по примѣтѣ той,
Какой кто носитъ слухъ, хорошей иль худой:
Какъ тѣмъ, которые въ болѣзни страждутъ смертной,
Слухъ ближнихъ похоронъ наводитъ срахъ безмѣрной,
И побуждаетъ ихъ блюстися отъвреда;
Такъ дѣтямъ дѣлъ чужихъ безсловіе узда,
Чтобъ воздержатся имъ, то видя, отъ пороковъ.
Я чистой упоенъ водой изъ сихъ потоковъ,
Хотя отъ пагубныхъ преступствъ себя храню,
Однакъ въ простительныхъ и средственныхъ виню.
Вѣдь долгій, можетъ быть, другъ вѣрный, разумъ здравый
Гораздо болѣе мои очистятъ нравы,
Тѣмъ паче, что въ умѣ благое содержу,
Хотя гуляю гдѣ, хоть на одрѣ лежу,
Что честно, и что мнѣ пристойно, избирая,
И путь въ дѣлахъ друзьямъ угодный сохраняя.
Представивъ иногда другихъ людей порокъ,
Боюсь, чтобъ не привелъ меня въ тужъ глупость рокъ.
Сіе жъ, что въ тайности мечтаю я не скушно,
Въ увеселеніе пишу, когда досужно.
Порочность та одна изъ средственныхъ числа
Коль не простительна является и зла,
Піитовъ мтнопжество деьомощь мнѣ потщится;

Велико нас число; мы будем всѣ трудиться,
И как жиды тебя неволей принуждать,
Иль мысль одну имѣть, иль стихотворцем стать.

САТИРА V.

Веселая дорога.

Стихотворец описывает путешествіе свое из Рима в Брундизію, упоминая о неудобностях онаго, и о забавном спорѣ, произшедшем между шутом Сарментом и Мессіем Цицерром.

Въ Арицію прибывъ изъ Рима по отъѣздѣ [1]),
Былъ мало время тутъ съ Геліодоромъ вмѣстѣ,
Кой славнымъ Риторомъ межъ Греками былъ чтимъ,
Мы оба въ путь единъ отправилися съ нимъ;
Потомъ въ градъ Аппіевъ [2]) оттуда мы приспѣли,
Гдѣ мореходцевъ тьму и корчмарей слыхъ зрѣли.
Чрезъ два дни медленно пріѣхали туда,
А можно бъ въ день, когда бъ скоряй была ѣзда,
И Аппіевой страхъ дороги презирали.
Какъ ужинать мои товарищи тутъ стали,
Я голодъ принужденъ терпѣть былъ той порой,

---

[1]) Городъ Аригія построенъ былъ на Аппіевой дорогѣ, разстояніемъ отъ Рима на 160 стадій.

[2]) Древней городъ въ Кампанской провинціи при рѣкѣ Нимпѣ, которой назывался *Аппіева площадь* (Forum Appii); а нынѣ на томъ мѣстѣ монастырь называемой *Новая яма*. Отъ сего города въ Феронію переѣздъ былъ черезъ болота, потому что за трудностію дороги сухимъ путемъ ѣздить не можно было.

Боясь отъ воды вреда себѣ худой,
И ждалъ другихъ, снося ихъ съ горестью медленье.
Ужъ наводила ночь на землю помраченье,
Готовясь показать небесныхъ видъ укрась;
Матросы начали съ рабами брань въ тотъ часъ,
И межъ собой они ругалися упрямо.
Иной кричитъ: сюда, сюда правь судно прямо;
Другой шумитъ: Ужъ ты до трехъ сотъ насажалъ,
И нудитъ кормчаго, чтобъ плыть онъ поспѣшалъ.
Межъ тѣмъ, когда вели между собою ссору,
Начало здѣлали съ пловущихъ денегъ збору,
И путать начали бечевкой лошаковъ,
Часъ цѣлой времени державши ѣздоковъ.
Ночною каморы съ лягушками порою
Лишали сладкаго пловущихъ всѣхъ покою.
Любезныхъ скучило отсутствіе пловцамъ,
Которые своимъ отраду дать сердцамъ
И пѣснями разбить старались мысли думны,
Когда воспѣвали ихъ матрозы съ ними шумны,
Склонились отъ труда въ покою ѣздоки,
И пущены на кормъ отъ судна лошаки,
Которое едва припутавъ къ камню съ хмелю,
Палъ на обычную ничкомъ матрозъ постелю.
Насталъ уже и день; ни въ задъ мы ни впередъ,
Пока одинъ изъ насъ вскочилъ, увидѣвъ свѣтъ,
И ухвативъ въ сердцахъ претолстую дубину,
Матроза охмѣлилъ и ею-жъ билъ скотину.
Въ четвертомъ трудныя часу прешли мѣста,
И вышли, гдѣ вода источника чиста
Журчитъ и хвалится, Феронія, тобою: [1]

---

[1]) Источникъ посвященной богинѣ Фероніи, которой капище отъ Таррацины на третей милѣ разстояніемъ находилось. Сія богиня почиталась

Той руки и уста омыли мы водою.
По трудномъ толь пути окончивъ нашъ обѣдъ,
Еще три мили шли усталые впередъ,
И наконецъ уже достигли Таррацины,
Гдѣ важныя имѣлъ быть Меценатъ причины,
Съ Кокцеемъ Нервою въ посольствѣ бывъ одномъ [1]),
Которы примирять друговъ могли умомъ.
Въ томъ мѣстѣ я мои текучи мазалъ очи;
Вдругъ прибылъ Меценатъ и съ нимъ въ посольствѣ прочи,
Кокцей, и Капитонъ Фонтей острѣйшій мужъ, [2])
Вѣрнѣйшая душа Антонію всѣхъ душъ.
Мы въ фунды для того поѣхать не желали, [3])
Что Фуска Преторомъ Авфидія тамъ знали:
Наградѣ глупаго смѣялись лишь писца, [4])
Кой въ семъ достоинствѣ гордился безъ конца,
Признаковъ онаго тщеславяся сіяньемъ;
Но были въ Форміяхъ довольны пребываньемъ, [5])

супругою Юпитера Анксурскаго или Таррацинскаго, котораго тамъ почитали; ибо городъ Таррацину, по свидѣтельству Плиніеву, Волски Анксуромъ называли.

[1]) Сіе посольство отправлено было на съѣздъ для постановленія мира между Цесаремъ Августомъ и Антоніемъ.

[2]) *Кокцей Нерва* былъ прадѣдъ Нервы Императора, консулъ Римскій, которой съ Агриппою между обоими въ семъ мирѣ посредниками были.

[3]) Городъ Фунды отстоялъ отъ Таррацины въ 10-ти миляхъ по Аппіевой дорогѣ въ правой сторонѣ.

[4]) Писцы посылаемы были въ провинціи, и раздѣлены были по степенямъ, по тому что опредѣлялись при Квесторахъ, Ценсорахъ, городскихъ управителяхъ, и Преторахъ. Такимъ писцомъ былъ Авфидій Фускъ, которой наконецъ здѣлался Преторомъ.

[5]) *Формiи* былъ древній городъ при *рѣкѣ Агнѣ* въ Неаполѣ; нынѣ называется *Кола,* и отстоитъ отъ Неаполя за 14 миль.

Гдѣ честно приняты Муреною мы въ домъ,
А Капитоновымъ угощены столомъ.
Послѣдующій день пріятнѣй былъ тѣмъ болѣ,
Что въ Синуэссѣ намъ на Капуанскомъ полѣ [1])
Любезные друзья попались невзначай,
Виргилій, Плотій, Варъ. [2]) Мнѣ всѣхъ милѣй случай,
Что больше всѣхъ меня пріятствомъ обязали.
Съ какою радостью другъ друга лобызали!
Столь вѣрной для меня пріятель честенъ есть,
Что ничего ему не можно предпочесть.
Близъ Капуанскаго въ сельцѣ мы мосту стали, [3])
Гдѣ намъ проводники потребное давали.
Потомъ какъ съ лошаковъ сложили мы всю кладь,
Игрою Меценатъ себя сталъ забавлять;
Я спать легъ между тѣмъ и такожде Виргилій,
За тѣмъ что мы играть мячемъ опасны были,
Я былъ подслѣпъ, другой желудкомъ слабъ зѣло.
Оттуда прибыли въ Кокцеево село,
За Клавдіевами лежащее корчмами. 4)
Теперь упомяни мнѣ краткими словами
Цицерра Мессія съ Сарментомъ шутомъ прю,
Тебѣ, о муза! я объ ономъ говорю,

---

[1]) *Синуэсса* древней городъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, лежащій при рѣкѣ Гариглянѣ, не подалеку отъ Минтурновъ.

[2]) Имена Римскихъ стихотворцевъ, изъ коихъ первый столь славенъ былъ въ Римѣ, сколь Гомеръ въ Греціи.

[3]) Разумѣются *Фрегеллы*, отстоявшіе отъ Капуи на 16 миль, которой городъ за отступленіе отъ Римлянъ раззоренъ.

[4]) Такъ назывался Самнійской городъ, лежащей не подалеку отъ Беневента.

И оба отъ какихъ родителей рожденны,
Въ раздоръ между собой вступили дерзновенный.
Отъ Осковъ Мессій свой родъ славный выводилъ; [1])
Сарментъ пущенный рабъ отъ господина былъ,
Отъ предковъ произшедъ толь благородныхъ оба,
Свели брань межъ собой; вдругъ воскипѣла злоба.
Сарментъ сказалъ сперва: Столь видомъ ты пригожъ,
Что весь на жеребца удалаго похожъ.
Смѣялись мы тому, а Мессій отвѣчаетъ:
Пусть такъ; и головой тряхнувъ его стращаетъ.
Къ тому Сарментъ ему такую молвилъ рѣчь:
Когда бы ни кому рогъ не случилось ссѣчь, [2])
То что бы сдѣлать ты могъ будучи съ рогами?
Не такъ-же ль бы меня зболъ, какъ дрался съ волами,
Когда окарнаной грозишь толь люто мнѣ?
А у него чело на лѣвой сторонѣ
Обезображено болячкой мерской было,
Мохнатое жъ лице на всемъ лбу щеть носило,
Надъ коимъ много онъ смѣялся и шутилъ,
И что бы какъ Циклопъ онъ поплясалъ, просилъ, [3])
Въ большіе чоботы, какъ шутъ, не обуваясь, [4])

---

[1]) *Оски* или *Компанцы* древней народъ въ Италіи, который зараженъ былъ природною нечистотою или проказою на лицѣ. *Родъ славный* въ посмѣяніе сказано, потому что Мессій и Сарментъ подлые были.

[2]) Сарментъ насмѣхается Мессію, у котораго на лбусрѣзана была бородавка.

[3]) Т. е., по обыкновенію Циклоповъ. У Римлянъ были Циклопейскія игры, въ коихъ представлялся на театрѣ Полифемъ, которой плясалъ чрезъ голову весьма необыкновеннымъ образомъ.

[4]) Чабаты, по латинѣ называемые cothurni, была особливая обувь охотниковъ и театральныхъ игроковъ съ высокими каблуками, чтобъ

Ниже когда химеръ въ ночной мечтѣ пугаясь. [1])
Смѣялся и ему Цицерръ, какъ дураку:
Ужель цѣпь въ даръ принесъ домашнему божку. [2])
Притомъ хотя писцомъ его всякъ почитаетъ, [3])
Но власть еще надъ нимъ господска пребываетъ. [4])
А наконецъ, почто сбѣжалъ, сталъ вопросить,
Кой фунтомъ хлѣба въ день доволенъ могъ бы быть, [5])
За тѣмъ что не великъ и тонокъ былъ собою.
Весьма забавились мы ужиною тою,
И прямо въ Беневентъ отправились отсель, [6])
Гдѣ суетливый чуть хозяинъ не сгорѣлъ,
Когда про насъ дроздовъ на кухнѣ жарилъ старой,
По коей широко Вулканъ разшедшись ярой [7])

представляя Героевъ тѣмъ важнѣе казаться могли. Сарментъ былъ высокаго роста, и для того чаботы ему не нужны были..

[1]) Потому что Мессій безобразнымъ своимъ видомъ самъ походилъ на химеру.

[2]) Сарментъ, какъ о немъ выше въ сей сатирѣ стихотворецъ упоминаетъ, былъ рабъ пущенный отъ господина на волю. Сія язвительная укоризна взята отъ подобія возраслыхъ ребятъ и дѣвицъ Римскихъ, которыя выступивъ изъ ребяческихъ лѣтъ посвящали домашнимъ божкамъ обыкновенные свои уборы, на подобіе того, какъ у насъ вступившіе въ замужество дѣвицы косъ съ лентами не заплетаютъ, и ими не повязываются.

[3]) О писцахъ см. примѣчаніе 7 въ сей сатирѣ.

[4]) Т. е., власть Цесарева, которой ему даровалъ вольность и чинъ.

[5]) Слуги по большой части бѣгутъ отъ господъ для чрезмѣрной ихъ скупости и худаго содержанія.

[6]) Беневентъ, Неаполитанской городъ, принадлежащей Папѣ, гдѣ нынѣ Архіепископъ съ титуломъ Эрцгерцога находится.

[7]) Вулканъ, т. е., пламя. Вулканъ, сынъ Юпитера и Юноны, котораго по баснословію стихотворцовъ, Юпитеръ свергнулъ съ неба за учиненную имъ помощь Юнонѣ, своей матери, съ которою онъ имѣлъ

Спѣшилъ верьхъ хижины свирѣпымъ пламемъ сжечь:
Голодны гости тутъ, чтобъ ужинъ какъ сберечь,
Рабы же то за тѣмъ, то за другимъ метались,
И обще погасить пожаръ мы всѣ старались.
Оттуда начали являться горы мнѣ,
Которыя лежатъ въ Апульской сторонѣ,
Гдѣ знойный Атавулъ наноситъ вредъ живущимъ. [1])
Не можно бъ миновать сихъ горъ намъ въ путь идущимъ,
Когда бъ близъ Тривика летащее село [2])
Отъ сей дороги насъ тогда не отвело.
Отъ дыма ѣдкаго тамъ мы лились слезами,
За тѣмъ что вѣтвіе сырое жгли съ листами.
Тутъ лживой дѣвушки до полночи я ждалъ,
Однако мною сонъ въ тѣхъ мысляхъ обладалъ.
Оттуда четверо въ путь спѣшно устремились,
И въ Эквотуцію прибывъ остановились:
Тутъ воду продаютъ, что есть всего смѣшняй,
Лишь только хлѣбъ другихъ мѣстъ лучше и вкусняй,
За тѣмъ прохожіе охотно покупаютъ,
Тѣ, кои каменной въ Канузіи быть знаютъ, [3])
Который древле градъ построилъ Діомидъ,
И въ коемъ также водъ не лучшій вкусъ и видъ.

ссору. Жители острова Лемноса, на которой онъ упалъ, его изцѣлили, хотя онъ между тѣмъ хромымъ здѣлался. Стихотворцы употребляютъ его вмѣсто огня, потому что онъ напослѣдокъ кузнецъ былъ.

[1]) Вѣтръ весьма вредительной Апуліи, для моровой язвы, которую онъ наносилъ.

[2]) Тривикъ городъ въ королевствѣ Неаполитанскомъ; нынѣ называется Тривенто.

[3]) Канузія въ древнія времена раззоренной городъ, гдѣ нынѣ замокъ Каносса въ герцогствѣ Моденскомъ. Сей городъ построенъ былъ отъ Діомида, Царя Этолійскаго.

Въ семъ мѣстѣ съ плачемъ Варъ съ пріятельми разстался,
А нашъ путь далѣе до Рубовъ простирался;
Когда усталые достигли наконецъ,
За тѣмъ, что всякъ изъ насъ былъ дальныхъ странъ пришлецъ.
Дорога портиться отъ заморозовъ стала;
Проведрѣло, ѣзда трудъ большій причиняла,
Пока до Баріи нашъ продолжали путь.
Бывъ въ Гнатіи потомъ, гдѣ воды шумны бьютъ, [1])
Довольно смѣха тамъ нашли мы и забавы,
Какъ представленія услышали неправы,
Что будто ладанъ тамъ курится безъ огня. [2])
Пусть увѣряютъ тѣмъ жида, [3]) а не меня;
За тѣмъ, что жизнь боговъ безпечно вся преходитъ,
И естьли чудно что натура производитъ,
Не льзя сказать, чтобъ то сбывалось отъ небесъ.
Брундизія мой стихъ скончала и путь весь. [4])

---

1) Рубы, Барія и Гнатія не въ дальнемъ растояніи межъ собою по одному тракту находились, изъ коихъ послѣдней городъ можетъ быть стоялъ при подножіи горы, съ которой рѣка бѣжала.

2) Плиній въ книгѣ 2, главѣ 107 пишетъ, что въ Салентинскомъ городѣ Гнатіи есть нѣкоторой почитаемой тамъ камень, на которой наложенныя дрова безъ огня загораются.

3) Язычники, особливо Эпикурейцы, которые никакому закону не слѣдовали, жидамъ смѣялись и за суевѣрныхъ признавали, подтверждая, что боги ни о чемъ не радятъ, ни на что не преклоняются и не умилостивляются; напротивъ того жидовъ въ посмѣяніе себѣ ставили, что они никакой вещи чувствію ихъ предложенной не покланялись, но только взирая на небо мольбу приносили, и для того ихъ облакопоклонцами (Nubicolae) именовали.

4) Брундизія былъ портъ и городъ въ Калабріи, откуда Римляне безопасно въ Грецію ѣздить могли. По Страбанову объявленію отстоялъ отъ Рима за 360 миль.

САТИРА VI.

Туллій.

Горацій въ сей сатирѣ похваляя равное чистосердечіе и благосклонность Меценатову какъ къ благороднымъ такъ и незнатнымъ, осмѣиваетъ безумное Римскаго народа, о произведеніи и уваженіи однихъ знатныхъ, и о презрѣніи подлыхъ, разсужденіе.

Хотя ты, Меценатъ, съ временъ ведешь родъ давныхъ,
И знатностью затмилъ мужей Лидійскихъ славныхъ, [1])
Колико ни-было въ Етрусской ихъ странѣ;
Хотя вожди полковъ великихъ на войнѣ
По матери твоей дѣдъ и по отцѣ бывали;
Но ты, что родомъ подлъ кто, или чиномъ малый,
Въ безчестіе того не ставишь никому,
Какъ многи дѣлаютъ противное сему.
Хотя по своему рожденью я не знатенъ, [2])
Однако ты всегда ко мнѣ благопріятенъ.
Не спрашивая титлъ почтительныхъ именъ,
Лишь честный любишь нравъ, ктобъ нибылъ кѣмъ рожденъ,
И правое о томъ имѣешь разсужденье,
Что прежде, какъ пріялъ незнатный Туллъ владѣнье, [3])
Изъ гражданъ многіе заслугами цвѣли,

---

[1]) Меценатъ, какъ о немъ въ началѣ первой сатиры упомянуто, производилъ родъ свой отъ Этрусскихъ Царей. Тирренъ, Атисовъ сынъ, населилъ Этрурію переведенцами изъ Лидіи, во время недорода хлѣба и глада, которой по имени своему назвалъ сію страну Тирреніею или Тиромъ, а братъ его по жребію учинился въ Лидіи наслѣдникомъ.

[2]) Т. е., не имѣю знатныхъ предковъ. Горацій родился отъ раба, пущеннаго на волю, какъ послѣ самъ о себѣ въ сей сатирѣ упоминаетъ.

[3]) Сервій Туллій, по числу шестый Царь Римской, былъ Тарквинія Приска Лукумона рабъ, рожденный отъ невольницы.

Не предковъ гербами, и честно жизнь вели,
Достигши знатнаго чрезъ добродѣтель чина.
А напротивъ того столь мало чли Левина, [1])
Валерій коего Публикола родилъ,
Которымъ изгнанъ царь Тарквиній Гордый былъ, [2])
Что въ грошъ народъ его велику ставилъ цѣну,
Кой недостойнымъ щедръ творить чиновъ премѣну,
И слѣдуетъ однимъ пустымъ лишь именамъ,
Цѣня всю честь людей по дѣдамъ и отцамъ.
Когда же и простой народъ судилъ такъ право;
То разсужденье мы съ тобой имѣя здраво,
И онымъ будучи весьма отмѣнены,
Которой должны въ томъ держаться стороны? [3])
Положимъ, что Левинъ согласіемъ народа
Почтенъ бы честью былъ по превосходству рода;
А Декія, кой въ знать изъ подлости вошелъ,
Оставилъ бы народъ при томъ, что онъ имѣлъ;
Пусть Аппіева власть меня лишила бъ чина,
И подлость бы моя тому была причина:

---

[1]) Сей Левинъ произшелъ отъ весьма знатной фамиліи, но столь непотребно и развращенно жилъ, что болѣе Квесторскаго чина дослужиться не могъ.

[2]) Тарквиній Гордый былъ седьмой и послѣдній Царь въ Римѣ, которой Валеріемъ Публиколою, отцемъ помянутаго Левина, и Іуніемъ Брутомъ за учиненное Лукреціи насильство сверженъ съ престола, и изъ Рима изгнанъ былъ.

[3]) Т. е., какое мнѣніе въ томъ имѣть намъ должно, благородныхъ или злонравныхъ возводить на высокія степени, или подлыхъ добродѣтельныхъ, по колику слѣпой народъ о достоинствѣ обыкновенно разсуждаетъ по знатности рода.

Конечно бы такой поступокъ былъ правдивъ, [1])
Что въ перьяхъ сдѣлаться чужихъ хочу спѣсивъ. [2])
Ворона не должна летѣть въ больши хоромы: [3])
Но славы лѣпотой всѣ люди суть влекомы,
Огромной домъ и цукъ богатой всѣхъ манятъ,
И знатныхъ и простыхъ на то глаза горятъ.
Сложивъ достоинство, къ чему опять, Туллъ, тщиться,
Чтобъ въ чинъ Сенаторской, въ Тривунску честь добиться? [4])
Вознесшись, найдешь ту одну себѣ корысть,
Что станетъ на тебя зла зависть зубы грысть,
Которой подлежать гораздо будешь болѣ,
Какъ естьли бъ по своей приватнымъ жилъ ты волѣ.
Представь безумнаго надменна въ соболяхъ,

---

[1]) Горацій уступаетъ въ томъ преимущество народу, чтобъ производить въ чины знатныхъ, но съ тѣмъ, чтобъ безразсудныя и несправедливыя онаго опредѣленія важнѣйшими и благоразумнѣйшими людьми исправляемы были, каковъ въ Римѣ былъ Аппій Ценсоръ, которой хотя и допускалъ въ чины знатныхъ, но только тѣхъ, кои достойны были; а подлыхъ и по прихотямъ народа возвышенныхъ низводилъ паки въ прежнее состояніе, въ томъ разсужденіи, что чины и преимущества, также и должности состоянію каждаго и поступкамъ соотвѣтствовать должны.

[2]) Т. е., стараюсь непреличное состоянію моему получать достоинство. Извѣстна Езопова притча о Галкѣ, которая украсивъ себя перьями другихъ птицъ вмѣшалась въ павлиное стадо, гдѣ ее узнавъ тѣ перья выщипали, и отъ себя прогнали. Подобное сравненіе тщеславныхъ и безумныхъ людей бываетъ съ осломъ, во львинную кожу одѣтымъ.

[3]) Русская пословица, которая значитъ, что съ большими и знатными лицами равняться не должно.

[4]) Разумъ сочинителя есть сей: что пользы искать чести, когда отъ того великая ненависть рождается? Туллій оный Іуліемъ Цесаремъ отъ Сената отрѣшенъ былъ для подозрѣнія, будто онъ держался стороны Помбеевой; а по убіеніи Цесаря паки принялъ на себя Сенаторской чинъ, и Тривуномъ воинскимъ учиненъ былъ.

И въ знатныхъ подлаго сіяюща чинахъ,
Не слышитъ ли всякъ часъ: Кто онъ и кѣмъ рожденный!
Какъ тотъ, кто страстію подобной зараженный:
И той же слабости подверженъ, коей Барръ, [1])
Тщясь въ нѣжныхъ возбудить сердцахъ любовный жаръ,
Дѣвицамъ щегольствомъ заботу налагаетъ,
Что всякая изъ нихъ подробну знать желаетъ,
Каковъ съ лица и ногъ, и каковы глаза,
Какъ пукли завиты, заплетена коса;
Такъ, кто высокій санъ правителя пріемлетъ,
Сулитъ, что онъ печась о градѣ не воздремлетъ,
Что съ пользой гражданъ власть свою соединитъ,
Италію отъ бѣдъ и храмы защититъ;
А поводъ тѣмъ даетъ развѣдывать народу,
Кто мать, и кто отецъ былъ? знатнаго ли роду?
Въ противномъ случаѣ съ ропганьемъ вопіетъ:
Кто подлецу сему такую власть даетъ,
Чтобъ гражданъ Римскихъ онъ смѣлъ предавать злой казни?
Тверди сто разъ: Межъ мной и Новьемъ не безъ разни, [2])
И выше я его степенью, хоть подлецъ;
А онъ отпущенникъ, и тожъ, что мой отецъ.
Однакъ на то тебѣ въ отвѣтъ всѣ скажутъ люди:
Честняй ты Новія; по твоему то буди,

---

1) Примѣръ отъ подобія взятый. Сей Барръ зараженъ былъ страстію любодѣянія, и для прельщенія дѣвицъ своею красотою ходилъ по всѣмъ мѣстамъ, коимъ чрезъ то далъ причину развѣдывать о своемъ имени и пригожествѣ.

2) Т. е., доказывай несклонному и презирающему тебя народу, что ты имѣешь сверстника себѣ Новія, которой хотя ниже тебя степенью, по колику онъ отпущенникъ, а ты отъ такого отца рожденный, и хотя онъ разумомъ недостаточнѣе, но Трибунское достоинство имѣетъ.

Но Мессала ли ты иль Павелъ по тому? [1])
Онъ хуже, скажешь ты, тебя и по уму,
И только что вопѣть столь громко онъ умѣетъ,
Что двухъ сотъ колесницъ стукъ гласомъ одолѣетъ,
И можетъ заглушить музыку горломъ онъ,
Хотя бы много вдругъ случилось похоронъ,
При коихъ бы въ трубы играли три, четыре,
Да тѣмъ, что у него зѣвъ твоего пширѣ.
По крайней мѣрѣ любъ и милъ народу есть,
И судятъ всѣ за то его возвысить въ честь.

Теперь я собственну возьму въ разсудокъ долю, [2])
Рожденный отъ раба пущеннаго на волю.
Зубами на меня за то скрежещетъ всякъ,
Что ты мнѣ, Меценатъ, являешь дружбы знакъ, [3])
Что правилъ нѣкогда я Римскимъ легіономъ.
Нѣтъ сходства съ дружествомъ отнюдь въ правленьи ономъ.
Иному подлому имѣть честь безъ заслугъ,
Другое дѣло, что тебѣ я сталъ быть другъ,
Которой съ выборомъ дружишься осторожно,
Не съ тѣмъ, чтобъ предъ людьми гордиться было можно.
Щастливымъ не могу себя звать по сему,
Что случаемъ пришелъ по сердцу твоему;
А не фортуна мнѣ въ томъ оказала службу,
Что принялъ въ милость ты меня свою и дружбу.

---

1) Сіи двѣ презнатныя фамиліи весьма высоко въ Римѣ почитались. Здѣсь народъ отвѣчаетъ: Не можешь для того великимъ себя поставлять, что ты вольной.

2) Горацій самъ о себѣ говорить начинаетъ.

3) Показываетъ двѣ причины ненависти къ себѣ народа, а именно Меценатово дружество и Трибунское правленіе въ войскѣ Брутовомъ, которыя между собою обѣ различны.

Виргилій съ Варіемъ [1]) къ тому открыли слѣдъ,
И кто я все о мнѣ сказали напередъ.
Представъ передъ тебя поговорилъ я мало,
Стыдѣнье рѣчь плодить тогда не дозволяло;
Всего же паче лжи не восхотѣлъ сказать,
Что знатнаго отца имѣю, честну мать,
Что кормныхъ лошадей набиты всѣ конюшни,
Что провождаю дни въ забавахъ я нескушны,
И ѣздя по своимъ пространнымъ деревнямъ,
Спокойство нахожу съ обильностію тамъ;
Но то, что былъ, тебѣ не скрытно объявляю,
И кратко на вопросъ, какъ любишь, отвѣчаю;
А послѣ отхожу я отъ тебя домой.
Какъ девять мѣсяцевъ съ поры минуло той,
Вторично ты меня къ себѣ въ домъ призываешь,
И быть въ числѣ друговъ своихъ повелѣваешь.
Великимъ долженъ я благодѣяньемъ чтить,
Что ты вмѣнилъ меня любви достойнымъ быть,
Кой различаешь злыхъ и честныхъ межъ собою
Не рода знатностью, но нравовъ добротою,
Изрядствомъ житія и сердца правотой.
Когда же блудитъ въ чемъ посредственно умъ мой,
И малые въ себѣ пороки я имѣю,
А впротчемъ честно жизнь препровождать радѣю,
И тѣ погрѣшности тебѣ примѣтны такъ,
Какъ виденъ небольшой на чистомъ тѣлѣ знакъ;
Когда алчбы во мнѣ и гадкости не видно,
Когда я по шинкамъ не волочусь безстыдно,
Но въ непорочности похвально жизнь веду,

---

[1]) Смотри о нихъ примѣчаніе 10-е къ сатирѣ V.

И милъ за то друзьямъ, что вѣрность къ нимъ блюду:
Всему тому былъ трудъ родителя причиной,
Кой скудной пашнею довольствуясь единой,
Дать Флавію меня въ науку не хотѣлъ, [1])
Чтобъ въ школѣ у него учился щетныхъ дѣлъ,
Куда не мѣлкія дѣтей давали лица,
У коихъ на боку висѣлъ щотъ и таблица,
Когда къ ростовщику учиться въ школу шли,
Иль деньги собранны въ указной срокъ несли:
Но для наукъ меня въ Римъ отвезти потщился,
Гдѣ вмѣстѣ я съ дѣтьми шляхетскими учился,
И межъ Сенаторскихъ былъ наставляемъ чадъ.
Когда бы кто на мнѣ тогдашней зрѣлъ нарядъ,
И провождаема увидѣлъ бы рабами,
Возмнилъ бы, что живу я дѣдними крохами.
Онъ не-былъ отъ меня отлученъ никогда,
Храня обычаи отъ всякаго вреда;
При всѣхъ учителяхъ старался самъ прилѣжно,
Чтобъ стыдъ былъ вкорененъ вопервыхъ въ сердце нѣжно,
Стыдъ, добродѣтели краса и перьва честь,
И чтобъ не только зла не смѣлъ я произнесть,
Но чтобъ безчестнаго и слова опасался.
Тѣмъ страхомъ духъ его о мнѣ не возмущался,
Что послѣ малому достатку буду радъ,
И въ нуждѣ деньгу ту почту себѣ за кладъ,
Которую, какъ онъ, съ продажи получаютъ,
Тѣ, кои съ молотка пожитки расцѣняютъ. [2])

[1]) Флавій въ тогдашнія времена былъ нѣкто изъ обучающихъ ариѳметикѣ и щетнымъ дѣламъ, которыя больше знать надлежитъ ростовщикамъ и купцамъ, нежели знатнымъ лицамъ.

[2]) Отецъ Гораціевъ былъ авкціоннистъ, которой торгующимъ объявлялъ даемую за каждую вещь цѣну.

И какъ ему въ порокъ то не моглобъ служить, [1])
Такъ я бы никогда о томъ не сталъ тужить.
Тѣмъ похвалы моей отецъ достоинъ болѣ,
И я бъ благодарилъ его въ мизирной долѣ.
Не должно на отца такова мнѣ пѣнять,
Да я и не хочу себя такъ защищать,
Какъ многіе твердятъ: Не я де въ томъ виною,
Что не подъ солнцемъ въ свѣтъ родился, подъ луною,
И то не по моей збылося волѣ такъ,
Что батюшка у всѣхъ забытой былъ простякъ.
Весьма другое я имѣю разсужденье:
И естьли бы дала натура позволенье
Съ извѣстныхъ лѣтъ опять возобновлять свой вѣкъ,
И лучшихъ избирать отцовъ отъ человѣкъ;
Пускай бы всякъ искалъ по собственному вкусу,
Я не поддался бы натуры въ томъ искусу;
Доволенъ будучи родившими меня;
Не пожелалъ бы тѣхъ, чьи знатны имена,
Которы гербами и титлами почтенны.
Пусть думалъ бы народъ, что я ума лишенный,
Однако бы меня разумнымъ ты почелъ,
Что бремени носить такова не хотѣлъ,
Къ которому отнюдь я не бывалъ привыченъ.
Тогда бъ мнѣ малый былъ достатокъ не приличенъ,
Но нужно бъ было ужъ пространнѣе мнѣ жить,
И многимъ всякой день поклоны развозить.
Когда бъ въ деревню путь, иль инуды случился,
Тобъ цѣлой караводъ за мною слугъ тащился;
Потребно бъ болѣе мнѣ было лошадей,

---

1) Т. е., не предосудительно бъ было моему отцу, естьли бы я по смерти его для бѣдности, оставя науку, принялся за его ремесло.

Колясокъ для ѣзды и множество людей.
Не посмѣется мнѣ никто въ той не удачѣ, [1])
Хоть на худой въ Тарентъ теперь поѣду клячѣ, [2])
У коей вся спина обтерлась отъ седла,
И шея здѣлалась отъ хомута гола.
Никто мнѣ онаго въ зазрѣнье не поставитъ,
Что о твоихъ народъ обрядахъ, Туллій, славитъ, [3])
Какъ по Тибуртской ты дорогѣ идешь пѣшъ,
И Преторъ пятерыхъ слугъ за собой ведешь,
Урильникъ и съ виномъ несущихъ сзади флягу.
И такъ повольну жизнь имѣю я и благу,
Не зная прихотей излишнихъ и заботъ,
И больше, нежель ты Сенаторъ, зрю выгодъ.
Хожу одинъ, и знать стараюсь не стыдяся,
Какъ дорогъ хлѣбъ и соль, и по чему фунтъ мяса?
Къ Цирценскимъ зборищамъ не рѣдко выхожу, [4])
Или по площади торговой я брожу;
Молитву должную богамъ я воздаваю,
Потомъ пришедъ домой горохъ да щи хлебаю.
Какъ ужинаю я за небольшимъ столомъ,
Стакана два стоятъ съ водою и виномъ;

---

1) Т. е., что я не имѣю такого достатка, какой надлежало бы мнѣ имѣть будучи знатнымъ господиномъ.

2) *Тарентъ* былъ весьма славной въ Апуліи или Калабріи, а нынѣ посредственной городъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Въ древнія времена достопамятенъ великою роскошью и сластолюбіемъ.

3) О Тулліи см. выше примѣчаніе 10-е.

4) У Римлянъ было публичное сборное мѣсто, называемое *Циркомъ* (Circus), которое учредилъ Тарквиній Прискъ, для игръ, конскихъ ристаній, звѣриной травли, поединковъ и тому подобныхъ. Оно заведено было съ одной стороны вдоль продолговато, а съ другой полукружіемъ, и притомъ окружено было оградою.

Изъ глинянаго лью напитокъ я сосуда;
Кампанской весь приборъ [1]), тарелки, чашки, блюда
Три мальчика на столъ становятъ предо мной.
Отъужинавъ иду безпечно на покой,
И не пекусь, чтобъ мнѣ въ одно стать съ солнцемъ время,
И челобитенъ несть въ судъ Марсіевъ [2]) беремя,
Гдѣ племя Новіевъ несносно ужъ давно,
Что тяжбами судьямъ наскучило оно.
Въ четыре я часа съ постели поднимаюсь,
Читаю иль пишу, иль послѣ сна шатаюсь,
Уединенными весь мыслями объятъ.
Употребляю я для тѣла ароматъ,
Не такъ какъ голова у Натты вся вонюча,
На кою тратится свѣчныхъ огарковъ куча.
Когда же солнце жаръ умноживъ въ вышинѣ,
Ко умовенію покажетъ пору мнѣ;
Тогда отъ сильнаго скрываюся я зною.
Обѣдать не спѣшу съ великою алчбою,
Но столько съѣвъ, чтобъ день до вечера терпѣть,
Съ полудня дома я обыкъ отдыхъ имѣть.
Такая жизнь есть тѣхъ, которыхъ не тревожитъ
Надменна пышность духъ, и прихотей не множитъ.
Симъ веселясь, я такъ жить буду наконецъ,
Какъ будто бъ Квесторъ былъ мой дядя, дѣдъ, отецъ. [3])

---

[1]) Т. е., не щегольской, но посредственной. Въ Кампаніи дѣлывались изрядные глиняные и мѣдные сосуды.

[2]) Въ семъ судѣ разбирали всякія тяжебныя и спорныя дѣла, каковъ нашъ судной приказъ.

[3]) Квесторская должность была взыскивать, хранить и въ расходъ употреблять государственные доходы, и Квесторъ тоже почти значитъ, что Рентмейстеръ. Сей былъ первой чинъ, которой отворялъ путь къ вышнимъ степенямъ.

САТИРА VII.

Рупилій.

Публій Рупилій, Царь Пренестинскій, будучи изгнанъ отъ Пренестинцовъ, воевалъ въ Аттической странѣ подъ предводительствомъ Акція Вара; а потомъ служа вмѣстѣ съ Гораціемъ въ войскѣ Брутовомъ, часто поносилъ его незнатностію рода: Чего ради сатирикъ для отмщенія своей обиды описываетъ здѣсь грубую и жестокосердую Рупиліеву въ ссорѣ съ Персіемъ Клазоменскимъ поступку.

Извѣстны, думаю, въ шинкахъ и баняхъ вѣсти
О сильной Персія Царю Рупилью мести
За ядовитую сего изгнанца злость.
Сей Персій многимъ былъ богатствомъ славный гость,
Кой въ Клазоменахъ дѣлъ премножество имѣя [1])
Раздоръ съ изгнаннымъ велъ Царемъ, чтя какъ злодѣя.
Гордъ, дерзокъ будучи, злословить столь умѣлъ,
Что Барровъ и Сисеннъ легко бъ преодолѣлъ; [2])
И словомъ, человѣкъ сей столь жестокосердый,
Что злобой превзошелъ Царя, и былъ въ ней твердый.
Чтожъ о Царѣ сказать? Когда взросла вражда,
Ко примиренію не зрѣлося слѣда,
За тѣмъ что свойство тожъ и недругамъ обычно,

---

[1]) Не должно сіе разумѣть о дѣлахъ партикулярныхъ или до купечества касающихся, но о судебныхъ и тяжебныхъ, въ коихъ богатые наипаче заплетены бываютъ.

[2]) Сіи оба, т. е. Барръ и Сисенна, были весьма злословные ругатели, коихъ однако Персій гораздо въ томъ превосходилъ.

Которое мужамъ воюющимъ прилично [1])
Зла ненависть была Геройскихъ двухъ сердецъ,
Пресѣкла кою смерть едина наконецъ:
(О Гекторѣ здѣсь рѣчь и Ахиллесѣ славномъ) [2])
Причина жъ состоитъ ея въ семъ дѣлѣ главномъ,
Что было мужество безмѣрно въ обоихъ.
Когда же идетъ споръ о чемъ между такихъ,
Которые тогда, какъ брань ведутъ, слабѣютъ,
Иль въ силахъ равенства другъ съ другомъ не имѣютъ,
Какъ съ Главкомъ бой имѣлъ неравный Діомидъ; [3])
Тогда, кто слабѣе, давъ дары, брань гаситъ.
Во время Брутова во Азіи правленья
Дошло до Персія съ Рупильемъ до сраженья,
Въ которыхъ равная являлась крѣпость силъ.
Не лучше съ Бахіемъ Биѳонъ [4]) въ сраженьяхъ былъ.
Съ жестокимъ бросились два чуда въ судъ стремленьемъ: [5])
Какъ Персій приступилъ къ Собранью съ предложеньемъ,

---

[1]) Сварливые имѣютъ отъ природы тоже самое свойство, которое храбрымъ людямъ прилично; и какъ тѣ одинъ другаго въ дѣлѣ правѣе быть стараются, такъ сіи на бою желаютъ побѣдить другъ друга, по колику храбраго человѣка дѣло, лучше умереть честно, нежели со стыдомъ искать спасенія, и другому добровольно поддаться.

[2]) Оные были два прехрабрые полководца, одинъ съ Троянской, а другой съ Греческой стороны, которыхъ храбрость описана въ Гомеровой Иліадѣ и въ исторіи о раззореніи Трои.

[3]) Главкъ, Ликійской полководецъ, которой, какъ Гомеръ пишетъ, будучи больше безуменъ и хвастливъ, нежели храбръ, вступилъ съ Діомидомъ въ бой; но сей будучи напротивъ того мужественъ и хитръ уговорилъ своего соперника съ собою примириться, и въ залогъ онаго мира получилъ отъ него золотую броню, давъ ему свою мѣдную.

[4]) Сіи имена славныхъ поединщиковъ.

[5]) Т. е., Персій и Румилій, коихъ именовалъ чудовищами.

Смѣялись бывшіе всѣ при расправѣ той:
Онъ Брута выхвалялъ и весь при немъ конвой;
Свѣтиломъ Азіи вдругъ возвеличилъ Брута,
Звѣздами называлъ при немъ всѣхъ бывшихъ тута,
И только одного лишь исключалъ Царя,
Песь неба, про него отважно говоря, [1])
Противная звѣзда бразды ведущимъ въ полѣ,
И такъ противъ него еще стремился болѣ,
Какъ быстрая рѣка съ крутыхъ текуща горъ,
Гдѣ рѣдко древесамъ касается топоръ. [2])
Рупилій такожде прегѣдкими словами,
Какъ выжималъ изъ древъ сокъ крѣпкими руками,
Изъ сердца такъ его язвилъ и поносилъ,
И на крестьянина презлаго походилъ,
Которому бъ легко могъ уступить прохожей,
И развѣ бъ только звалъ кукушкой, гадкой рожей.
А Грекъ, почувствовавъ за кожею морозъ, [3])
Вдругъ Персій возопилъ: Твоихъ страшились грозъ.
Низверженны тобой, о Брутъ! Цари съ престола;
Казни сего Царя: Твоя въ томъ власть и воля.
Я именемъ боговъ сей простираю гласъ,
Чтобъ совершилъ, о чемъ прошу тебя въ сей часъ.

---

[1]) Разумѣется песья звѣзда или Сиріусъ, которая опасна для тяжкаго и знойнаго времени, въ кое по большей части собаки бѣсятся, почему она и названа *песьею звѣздою*, а то время *песьими днями* (Dies caniculares).

[2]) На крутыя и высокія горы неудобно для рубки дровъ всходить можно.

[3]) Персій рядомъ былъ Грекъ, которому ядовитое Рупиліево поношеніе такъ несносно было, какъ жестокой морозъ среди зимы.

САТИРА VIII.

Пріапъ.

Стихотворецъ представляетъ въ сей сатирѣ Пріапа, которой поставленъ былъ въ Эсквилинскихъ садахъ, жалующагося, что не столько обезпокоиваютъ его воры и птицы, какъ ворожеи, въ томъ мѣстѣ для колдовства собирающіяся.

Пень Фиговой я былъ сперьва, болванъ безплодный;
Не зналъ и мастеръ самъ, къ чему бъ я былъ пригодный,
И скамью ли ему построить, иль божка?
Пріапа здѣлала художная рука.
Съ тѣхъ поръ я ставъ божкомъ, воровъ и птицъ пугаю;
Имѣя въ правой жердь рукѣ, тѣхъ отгоняю,
Стращаю наглыхъ птицъ лозою отъ плодовъ,
Чтобъ, роя сѣмена, не портили садовъ,
На Эсквилинскомъ вновь пространствѣ насажденныхъ, [1])
Гдѣ труповъ множество бывало погребенныхъ.
На тѣ мѣста рабы товарищей своихъ
Изъ хижинъ вынося, бросали тамъ худыхъ.
То было общее кладбище бѣдной черни:
Скончавшій Номентанъ жизнь въ мотовствѣ и зерни,
И Пантолавъ, кой былъ извѣстный мотъ и шутъ, [2])
Какъ тотъ такъ и другой лежатъ зарыты тутъ.

---

1) *Эсквилами* называлась гора и село въ Римѣ, гдѣ былъ замокъ Римскаго Царя Тулла Гостилія; послѣ на томъ мѣстѣ погребались рабы и подлые люди, гдѣ напослѣдокъ Меценатъ для здраваго воздуха развелъ сады.

2) Сіи оба расточивъ имѣніе свое погребены въ Эсквилахъ, которые можно по нашему назвать *убогимъ домомъ*.

Обширность мѣста вся на плитѣ означалась, [1])
И вдоль и поперегъ въ предѣлахъ заключалась,
И было сверьхъ того иссѣчено на ней,
Безродный что голякъ зарытъ въ могилѣ сей.
А нынѣ можетъ жить въ Эсквилахъ всякъ по волѣ,
На холмѣ въ ясны дни гулять и ровномъ полѣ.
Печальный всюду видъ до толѣ зрѣлся тамъ,
И кости лишь по всѣмъ валялися мѣстамъ.
Не столько птицы тутъ досадны мнѣ и воры,
Сколь ядъ Волшебницъ злыхъ, шептанья, наговоры,
Которыми они тревожатъ духъ людей.
Не льзя никакъ прогнать прелютой язвы сей:
Какъ скоро солнце зракъ, скончавъ бѣгъ, скроетъ въ понтѣ,
Блудящая луна взойдетъ на горизонтѣ,
Збираютъ зелія и кости для вреда.
Я видѣлъ, какъ пришла Канидія туда [2])
Вся, растрепавъ власы, въ нелѣпости безмѣрной,
И препоясанна была въ одеждѣ черной,
И ноги зрѣлися босыя у нея.
Вдругъ послѣ страшнаго съ Саганою вытья,
Являя съ ужасомъ блѣднѣющія хари,
Драть землю начали ногтьми волшебны твари,
И зубомъ растерзавъ потомъ они овна,
На коемъ черная вездѣ была волна,
Кровь въ яму испущать ископанную стали,
Чтобъ духи собрались и имъ отвѣты дали.

---

1) На плитѣ означалось все пространство погребальнаго мѣста, которое имѣло въ ширину тысячу, а въ длину триста саженей; при томъ и завѣщаніе умершаго.

2) Канидія и Сагана, о которой ниже въ сей сатирѣ упоминаетъ, суть имена волшебницъ.

Личины ими двѣ туда жъ принесены,
Которы здѣланы изъ воску и волны;
Послѣдняя была сильняе первой многимъ,
Хотѣвшая карать мученьемъ слабу строгимъ.
Изъ воску здѣланна стояла передъ той,
Какъ рабскимъ образомъ терпящая рокъ злой.
Едина Гекату на помощьпризывала,
Другая лютую Тизифону склоняла. [1])
Змѣямъ подобны тѣ и адскимъ зрѣлись тамъ;
И самая луна раздѣлась, зря сей срамъ,
И скрылась, чтобъ такихъ не видѣть злодѣяній.
А естьли лгу, глаза пусть выклюютъ мнѣ враны,
И пусть достануся на всякой я позоръ,
Чтобъ Юлій, Педіатъ, Воранъ ругался воръ. [2])
Чтожъ всѣ упоминать проказы злыхъ явленій,
Какъ проницательно жужжа съ Саганой тѣни
Плачевной дѣлали и чуткой звукъ въ ушахъ,
Которой всякому навелъ бы сильной страхъ?
Какъ волчью морду тѣ злодѣйки хоронили, [3])
И съ нею вмѣстѣ зубъ змѣи въ землѣ зарыли?
Какъ растопившись воскъ умножилъ пламя вдругъ,
И какъ я, видя то, сихъ устрашилъ подругъ?
Отмстилъ, пресѣкши тѣхъ съ дѣлами фурій рѣчи:
Сколь громко лопаетъ воловей иль овечій,

---

[1]) Гекатою называлась Прозерпина; а Тизифоною одна изъ трехъ адскихъ фурій.

[2]) Т. е., естьли я говорю неправду, то пусть всякой бездѣльной и негодной человѣкъ мнѣ насмѣхается.

[3]) Въ деревняхъ привѣшивали надъ дверьми волчью морду, будто тѣмъ отъ порчи избавлялись, такъ какъ у насъ въ хлѣвинахъ лапоть вѣшаютъ.

Когда надутъ пузырь и сильно напряженъ,
Столь громко Фиговой разсѣдшись треснулъ пень.
Тѣмъ здѣлался конецъ волшебству ихъ и злобѣ;
Канидья бросились съ Саганой въ городъ обѣ;
Отъ треску выпали всѣ зубы вонъ у той,
У сей спалъ съ головы парикъ ея большой,
И ядовитыя изъ рукъ упали травы.
Довольно было тутъ и смѣха и забавы;
Когда бъ кто на сіе позорище смотрѣлъ,
Премного бы, чему смѣяться, тотъ нашелъ.

САТИРА IX.

Скучная встрѣча.

Горацій описываетъ въ сей сатирѣ скучнаго и болтливаго человѣка, которой на дорогѣ съ нимъ встрѣтился, и отъ котораго едва бы избавился, естьли бы незапно нашедшей на нихъ соперникъ онаго въ судъ его не потащилъ. Сія сатира почти вся писана разговоромъ.

Сващеннымъ идучи путемъ, какъ мнѣ обычно,
Я размышленіе имѣлъ въ умѣ различно,
И крѣпкой думою объята мысль была.
Вдругъ нѣкто подбѣжавъ ко мнѣ, какъ вихрь иль мгла,
И за руку схвативъ, всель жизнь ведешь щастливу?
Сказалъ: Которому я отвѣчалъ противу:
Благополучно такъ живу, какъ зришь теперь,
Желаю и тебѣ во всемъ успѣха, вѣрь.
Когда не отходя онъ отъ меня ни пяди,
Куда бы я ни шелъ, за мной тащился съ зади;
Тогда я рѣчію предъускорилъ его,
Не хочетъ ли еще онъ отъ меня чего?
На то онъ мнѣ сказалъ: Я больше не желаю,

Какъ знать меня прошу; ученымъ почитаю,
И самъ на свѣтѣ я ученой человѣкъ.
Дороже будешь мнѣ ты тѣмъ, въ отвѣтъ я рекъ.
Не нужны были мнѣ тутъ всѣ его науки,
Но всячески ища избавиться отъ скуки,
То шелъ скоряе, то оторопѣвъ стоялъ,
И на-ухо слугѣ не знаю что шепталъ.
Межъ тѣмъ я ощущалъ злу горесть и досаду,
И тайно самъ себѣ я говорилъ въ отраду:
Щастливымъ я тебя, Боланъ, считаю въ томъ, [1])
Что терпѣливъ на все и скроменъ ты умомъ.
А тотъ о всячинѣ болтая пустомеля,
Не кстати выхвалялъ то города, то села.
Ни слова я ему не говорилъ въ отвѣтъ;
Готовъ я за тобой итти, сказалъ мнѣ, въ слѣдъ,
Хотя, какъ вижу, ты прочь отойти желаешь;
Я не отстану, знай; пустое затѣваешь.
Скажи же мнѣ: Куда намѣренъ ты итить?
Тебѣ, рекъ, не-почто со мною колесить:
Близъ Цесаревыхъ другъ садовъ живетъ любезный,
Не знаемый тебѣ, кой страждетъ отъ болѣзни,
И коего за Тибръ я посѣтить иду.
Я празденъ, не лѣнивъ, съ тобою побреду.
Повѣсилъ голову я, какъ оселъ усталый,
Кой на хребтѣ своемъ имѣетъ возъ не малый.
Болтливой говорить не преставалъ языкъ:
Когда я самъ въ себя моимъ разсудкомъ вникъ,
То знаю, что меня ты больше поставляешь,

---

[1]) Сей Боланъ умѣлъ великодушно сносить всякія досады, такъ что и знаку гнѣва не оказывалъ, котораго терпѣливости Горацій себѣ въ семъ случаѣ желаетъ.

Какъ Виска межъ друговъ, какъ Варія считаешь [1]),
Ктобъ больше иль скоряй меня стихи писалъ?
Ктобъ лучше и нѣжняй, какъ я одинъ, плясалъ?
Пою такъ, что и самъ Тигелль бы удивился. [2])
По сихъ словахъ ко мнѣ болтливой обратился,
Имѣешь ли ты мать и сродниковъ, спросилъ,
Которымъ бы животъ твой дорогъ былъ и милъ?
Нѣтъ ни кого, сказалъ; всѣ мною погребенны,
Одинъ остался я въ живыхъ, они блаженны.
Губи, и поражай ножемъ въ гортань иль въ бокъ;
Сивиллой въ младости пришелъ вѣщанный рокъ:
«Сего ни скорбь, ниже чахотка, ни отрава,
«Ниже подагра иль враговъ рука кровава,
«Ниже какое зло другое истребитъ;
«Болтливой наконецъ незапно погубитъ.
«Какъ скоро въ возрастъ онъ достигнетъ совершенный,
«Отъ многорѣчивыхъ да будетъ удаленный.»
Четвертая часть дня минула въ скукѣ сей,
Какъ къ храму Вестину пришелъ со мной злодѣй:
По случаю ему въ судѣ стать должно было,
А время то уже конечно наступило,
И естьли бы сего въ тотъ часъ не учинилъ,
То бъ дѣло все свое въ ничто онъ обратилъ.
Коль хочешь мнѣ явить любовь твою, какъ другу,
То помоги, сказалъ, и покажи услугу.
Я говорилъ на то: Пусть лучше пропаду,
Нежъ въ судъ не знаючи правъ гражданскихъ пойду.
Ктому жъ въ судѣ стоять я силъ не ощущаю,
И знаешь ты, куда теперь я поспѣшаю.

---

[1]) Вискъ и Варій, пріятели Виргиліевы и Гораціевы, въ то время оба были изрядные стихотворцы.

[2]) О Тигелліѣ смотри примѣчаніе къ сатирѣ второй.

Тебя ль пустить, иль судъ весь бросить за пометъ.
Оставь меня, прошу. Ты просишь не о дѣлѣ,
И напередъ пошелъ: Послушенъ пустомелѣ
Я принужденъ ужъ быть, и спорить не посмѣлъ.
Какъ Меценатомъ ты любимъ? онъ рѣчь завелъ.
Немногихъ, отвѣчалъ, онъ въ дружбу принимаетъ,
О коихъ разумѣ и постоянствѣ знаетъ.
Никто разумно столь щастливымъ не живалъ,
Какъ только онъ, на то болтливый мнѣ сказалъ.
Когда бы зналъ меня мужъ по тебѣ толикій,
Предстатель о тебѣ всегда бъ я былъ великій;
Пускай бы первенство ты въ милости имѣлъ,
А я хотябъ уже вторымъ себя почелъ:
Клянусь, что былъ бы всѣмъ ты протчимъ предпочтенный.
Не такъ, какъ мнишь, живемъ мы тамъ, не такъ надменны;
Сей домъ отъ всякаго порока чистъ и чуждъ;
Не знаютъ въ немъ притворствъ, тревогъ, обмановъ, нуждъ.
Я не смотрю на то самъ жадными глазами,
Когда богаче кто, когда наукъ лучами
Гораздо болѣе чей разумъ просвѣщенъ;
Всякъ собственнымъ своимъ талантомъ есть снабдѣнъ.
Великое ты мнѣ разсказываешь дѣло,
Болтливой рекъ: Повѣрь, сказалъ я, въ томъ мнѣ смѣло.
Тѣмъ больше, говорилъ, [1]) желаю во сто кратъ,
И тщиться буду, чтобъ мнѣ другъ былъ Меценатъ.
Старайся лишь о томъ; [2]) ты честностью твоею
Возможешь овладѣть несклонною душею,
И можетъ Меценатъ тобой быть убѣжденъ,
Хотя сперва къ нему есть доступъ загражденъ.

---

[1]) Т. е. болтливой.
[2]) Горацій говоритъ.

Чтожъ дѣлать? къ рѣчи той болтливой рекъ въ отвѣтъ,
Потщусь притти въ любовь [1]) я всякими трудами.
И буду задобрять рабовъ его дарами:
Хотя бъ не удалось теперь мнѣ доступить,
Но не престану я о щастіи рачить;
Не буду отлагать часъ къ времени иному;
Встрѣчаться стану съ нимъ, и провождать до дому.
Ввѣкъ смертному добра на свѣтѣ не видать,
Когда къ чему труда не станетъ прилагать.

Въ тотъ часъ сошелся вдругъ со мною Фускъ Аристій,
Кой зналъ говоруна, мнѣ былъ пріятель истый.
Остановились мы; онъ прежде вопрошалъ,
Откуда и куда мнѣ путь тогда лежалъ?
И я спросивъ его о томъ, щипалъ, мигалъ, жалъ руки,
Глазами поводилъ, чтобъ свободилъ отъ скуки.
А онъ, какъ будто бы того не разумѣлъ,
Смѣялся, и себя ко мнѣ холоднымъ велъ.
Я огорченный бывъ поступкою такою,
Сказалъ: Не знаю что за тайну ты со мною
Недавно передъ симъ хотѣлъ поговорить.
Я помню, до поры то должно отложить, [2])
Севодни жъ, знаешь самъ, тридцату чтимъ субботу; [3])
Иль презирать жидовъ имѣешь ты охоту?
Я рекъ: Не слѣдую законамъ никакимъ.
Да я, онъ отвѣчалъ, не прекословлю имъ,
И многихъ слабѣе; въ сію прости мнѣ пору,
Я время изыщу другое къ разговору.

---

1) Болтливой.

2) Слова Фусковы къ Горацію.

3) Жиды и по нынѣ при каждомъ новомѣсячіи великую субботу празднуютъ.

О сколь печальный сей день для меня насталъ?
Оставивъ въ петлѣ, Фускъ бездѣльникъ побѣжалъ.
Соперникъ вдругъ нашелъ на болтуна въ то время,
И громко закричалъ: Куда ты, злое сѣмя?
Ты будешь ли моимъ свидѣтелемъ, сказалъ?
Готовымъ быть къ тому я тотчасъ обѣщалъ.
На судъ тащилъ его, не медля онъ ни мало;
Съ обѣихъ крикъ сторонъ и противленье стало;
Отвсюду множество сбѣжалося людей;
Избавилъ Аполлонъ меня, погибъ злодѣй.

САТИРА X.

Луцилій.

Горацій отвѣчаетъ тѣмъ, кои его обвиняли за опороченіе Луциліевыхъ стиховъ въ сатирѣ четвертой, въ которой о немъ говоритъ, что нескладные стихи писалъ; въ чемъ извиняется тѣмъ, что онъ не стихотворца, но стихи его хулилъ, которые онъ по состоянію тогдашняго времени слагалъ худо.

И подлинно сказалъ я правду, что Луцилій
Слагалъ свои стихи безъ важности и силы;
Да кто бы таково пристрастіе имѣлъ,
Чтобъ въ томъ, дружа ему, признаться не хотѣлъ?
Ктожъ многимъ солонъ сталъ и горекъ, тотъ же самый
Хвалимъ за тѣ стихи народными устами.
Но для смѣшковъ однихъ, которыми пятналъ,
Не льзя сказать, чтобъ онъ и впротчемъ былъ удалъ.
По симъ бы я хвалимъ Лаверія резонамъ, [1])

---

[1]) Т. е., ежели бы одни шутки въ писателяхъ похвальны были, тобъ и Лаверія за то хвалить мнѣ надлежало. Децій Лаверій, Римской шляхтичъ, писалъ шуточные стихи, и хотя также въ рѣчахъ забавенъ,

И равно бъ игрищнымъ дивился забобонамъ.
Но не довольно, чтобъ въ стихахъ представивъ смѣхъ,
Понудить хохотать ихъ слушающихъ всѣхъ,
Хотя и то хвалю; нужна рѣчь сокращенна,
Чтобъ въ слогѣ мысль была творца не принужденна,
Чтобъ не мѣшалась связь пространностью рѣчей,
И чтобъ не отягчалъ усталыхъ слухъ ушей.
Къ печали рѣчь клони словъ жалостныхъ приборомъ,
А иногда веди забавнымъ разговоромъ,
Чтобъ риторомъ порой и стихотворцемъ былъ,
Другою бы своихъ не напрягалъ ты силъ,
Умѣренностью всѣхъ являяся учтивымъ.
Забавной трогаетъ слогъ больше предъ бодливымъ, [1])
И силенъ слѣдствія великія пресѣчь.
Мѣшали съ шутками и жалостію рѣчь
Тѣ, кои древнія комедіи писали;
Достойно по сему, чтобъ мы имъ подражали.
Однакъ ихъ не читалъ сорокоумъ Тигеллъ, [2])
И кромѣ ничего сей пиѳикъ не умѣлъ,

но слогъ его не складенъ: Однако Юлій Цесарь за представленныя имъ послѣднія игры подарилъ ему золотое кольцо и пять сотъ сестерціевъ, какъ о томъ Светоній объявляетъ.

[1]) Шутками великія дѣла въ ничто обратить можно. Древнихъ комедій намѣреніе было тоже, которое нынѣшнихъ сатиръ, чтобъ осмѣяніемъ пороковъ исправлять нравы. Въ старыхъ оныхъ комедіяхъ имена порочныхъ и злонравныхъ людей безъ зазрѣнія и страха упоминались, что хотя иногда и великія слѣдствія произвесть могло-бы, но оныя вмѣшанными шутками пресѣкались. По чему говоритъ стихотворецъ, что комической стихъ хотя чувствительнѣе, но безопаснѣе нежели сатирической.

[2]) Т. е., легкомысленный и весьма разумнымъ себя почитающій, и для того въ слѣдующемъ стихѣ назвалъ его пиѳикомъ или обезьяною, которая все безъ разсужденія дѣлаетъ.

Какъ честь Катулловы и Калвовы тетради. [1])
Мѣшалъ де Гречески слова съ латынью къ стати,
Тигелловы друзья мнѣ скажутъ вопроки:
Но вы, о поздые въ наукахъ знатоки!
Какой нашли въ его трудъ и премудрость книжкѣ,
Въ которой подражалъ Родійской онъ мартышкѣ? [2])
Изъ двухъ языковъ рѣчь пріятна вамъ одна,
Какъ пуншъ изъ сладкаго и горькаго вина.
Скажите жъ мнѣ: Когда стихи слагать вамъ нужно, [3])
Иль должно говорить судъ за Петилла дружно, [4])
И отъ Попликолы съ Корвиномъ защищать,
Латынью весь доносъ обыкшихъ представлять;
То развѣ нравнѣе повадки вамъ такія,
Въ природной чтобъ языкъ лѣпить слова чужія,
Какъ двуязычные Канузцы говорятъ? [5])
Бывъ Греческими умъ стихами мой объятъ
Рожденнаго меня въ Апуліи близъ моря [6])

---

1) Т. т., говорить рѣчи въ комедіяхъ изъ Катулловыхъ и Калво. выхъ стиховъ.

2) Чрезъ Родійскую мартышку разумѣетъ Горацій нѣкоего негоднаго стихотворца, которой прежде Луцилія также Димитрія Родійскаго, въ Латинскихъ своихъ сочиненіяхъ мѣшалъ, Греческія слова не къ статѣ.

3) Т. е., скажите вы мнѣ, защитники Луциліевы, ежели бы вамъ надлежало слагать стихи, или на судѣ защищать Петиллія, то не ужели бы вы какъ въ стихосложеніи, такъ и на судѣ мѣшали Греческой языкъ съ латынью.

4) Сей Петиллій обличенъ былъ въ похищеніи Капитолинскаго капища отъ Педія Попликолы и Мессалы Корвина, велерѣчивыхъ Витіевъ, которые греческихъ словъ употреблять весьма остерегались.

5) Т. е. жители города Канузы, которые говорили по Гречески и по Латынѣ. О Канузѣ смотри примѣчаніе къ сатирѣ пятой.

6) Горацій родился въ Апуліи близъ Тирскаго моря, а не въ Сициліи и Ахаіи.

Ихъ нудилъ составлять: Но въ томъ мнѣ Ромулъ споря, [1])
Предсталъ, когда уже минула полночь въ снѣ,
И естьли сны не лгутъ, то рекъ онъ такъ ко мнѣ:
Напрасно въ лѣсъ дрова безумно ты таскаешь; [2])
Или собой число умножить Грековъ чаешь?
Смѣюсь Алпиновой надменности въ стихахъ, [3])
Кой о Ахилловыхъ съ Мемномомъ пѣлъ бояхъ,
Но такъ, какъ бы лишалъ Мемнона жизни дерзко;
Наполнилъ тиной Ренъ, описывая мерзко.
Я Тарпѣ не даю стиховъ моихъ на судъ, [4])
И не хочу, чтобъ ихъ сто разъ прочетши тутъ,
И скучивъ зрителямъ твердилъ, что имъ ужъ гнусно.
Одинъ Фунданій могъ то удавать искусно, [5])
Какъ дѣвка хитрая и Давъ проворный плутъ
Хремета старика умѣли обмануть.
О случаяхъ Царей пѣлъ Полліонъ пристойно. [6])
А Варій громкія слагалъ поэмы стройно.
Виргилій нѣжные стихи слагать умѣлъ,
Который воспѣвалъ пріятну жизнь межъ селъ.

---

[1]) Ромулъ съ братомъ своимъ Ремомъ были основатели Рима.

[2]) Т. е., не для чего тебѣ считаться между Греческими стихотворцами, коихъ число и безъ тебя велико.

[3]) Корнелій Алпинъ стихотворецъ писалъ о сраженіи между Ахиллесомъ и Мемномомъ, но такъ, какъ бы онъ вторично убивалъ Мемнона.

[4]) Т. е., стихи Алпиновы. Метій Тарпа былъ критическій судья всѣхъ стихотвореній, которой всѣхъ піитовъ стихи слушалъ и разсматривалъ въ Аполлоновомъ капищѣ, и безъ его удостоенія никакихъ стиховъ въ комедіяхъ не читали.

[5]) Т. е., Фунданій искусно изобразить умѣлъ въ комической поэмѣ какъ и проч.

[6]) Полліонъ сочинялъ весьма изрядныя трагедіи.

Я въ сатирахъ свою всю полагалъ утѣху,
Имѣя болѣе Варрона въ нихъ успѣху, [1])
Который оказалъ худые въ томъ плоды,
Такъ какъ и протчіе потратили труды.
Почтенья больше я къ начальнику имѣю, [2])
Ни заслуженну имъ хвалу унизить смѣю,
Хотя и говорилъ, что онъ мѣшаетъ здоръ,
Выметывая блескъ и оставляя соръ.
Но скажутъ мнѣ: А ты, ученый черезъ мѣру,
Не ставишь ничего въ порокъ и самъ Гомеру? [3])
Не хулитъ ли чего у Аттія Луциллъ? [4])
Не осмѣеваетъ ли и Энніевыхъ силъ. [5])
Которыя его гораздо суть слабѣе,
Хотя не говоритъ чтобъ онъ былъ ихъ умнѣе?
Такъ по сему и мнѣ кто можетъ возбранить,
Чтобъ, чтя Лицилловы дѣла, не вопросить,
Природное ль свойство его вело въ погрѣшность,
Что грубые стихи слагалъ, оставя нѣжность,

---

[1]) Варронъ Атацинскій и нѣкоторые другіе не весьма удачно сатиры сочиняли.

[2]) Луцилій первый началъ писать сатиры.

[3]) Т. е., развѣ ты самъ ничего не хулишь въ Гомерѣ, котораго однако себя ниже поставляешь. Гомеръ или Омиръ, Греческій стихотворецъ столь славный, что святой Златоустый говоритъ о немъ, что онъ божескимъ вдохновеніемъ и силою въ писаніи спомоществуемъ былъ; а Василій Великій все стихотвореніе Омирово похвалою добродѣтели именовалъ.

[4]) Т. е., Луцилій также, какъ и ты, погрѣшности находитъ у Аттія, трагическаго стихотворца.

[5]) Енній, самый древній стихотворецъ, писалъ комедіи, трагедіи, сатиры и другія сочиненія, изъ коихъ нѣкоторые только остатки, кромѣ комедій у разныхъ писателей находятся.

Иль состояніе худое тѣхъ временъ,
Что слогъ его не могъ исправно быть веденъ?
Но такъ, какъ бы кто тѣмъ доволенъ лишь остался,
Чтобъ стихъ его шестью стопами заключался,
И до обѣда бы писалъ по двѣсти строкъ,
И тотъ же бы имѣлъ отъужинавъ урокъ.
Столь Кассіевъ умъ былъ въ письмѣ скоропостижный; [1])
Склавъ ящики его и вмѣстѣ кипы книжны
По смерти, говорятъ, ученой трупъ сожгли.
Пускай же бы такимъ Луцилія почли,
Что онъ забавенъ, что учтивъ и больше честенъ,
Нежь грубъ, и новостью одной стиховъ извѣстенъ,
И пусть бы древнихъ онъ піитовъ лучше былъ;
Но естьли бы до насъ рокъ вѣкъ его продлилъ,
Изъялъ бы многое, излишне бы убавилъ,
И не исправной слогъ конечно бы исправилъ.
Не рѣдко, естьли бы стихи не удались,
Затылокъ бы чесалъ, у пальцовъ ногти бъ грызъ.
Штиль чаще премѣняй, чтобъ чисты шли и гладки,
И чтущимъ бы твои стихи казались сладки;
Ктому жъ не тщись, чтобъ имъ простой дивился людъ,
Но небольшимъ числомъ чтецовъ доволенъ будь.
Иль хочешь угодить ты тѣмъ безумной твари,
Чтобъ игрищныя тѣ стихи читали хари?
Я не таковъ, и тѣмъ доволенъ веселюсь,
Когда отъ Римскаго вельможи похвалюсь,

---

[1]) Сей Кассій многіе ни къ чему годные стихи написалъ, и для того по смерти его Римскій Сенатъ опредѣлилъ трупъ его вмѣстѣ съ письмами сожечь. О смерти сего стихотворца Валерій Максимъ и другіе писатели инако повѣтствуютъ.

Какъ смѣло нѣкогда Арбускула сказала, [1])
И изгнанна толпой другихъ такъ презирала:
Меня ли тронетъ чемъ Пантилій стрекоза? [2])
Иль рваться, что бранитъ Димитрій за глаза,
Что обижаетъ Фаннъ съ Тигелліемъ комратомъ?
Пусть Плотій съ Варіемъ, Виргилій съ Меценатомъ,
Октавій, Валгій, Фускъ, и оба Виски пусть [3])
Достойну изъ своихъ хвалу дадутъ мнѣ устъ.
Тебя я, Полліонъ, [4]) могу вознесть хвалою,
И брата твоего Мессалу вдругъ съ тобою,
Вамъ, Сервіи, и вамъ Фурнъ, Вивулы дать честь, [5])
И многимъ, кромѣ васъ, другимъ хвалы соплесть,
Которы мнѣ друзья наукой знамениты,
И кои мною здѣсь нарочно суть забыты.
Желалъ бы, чтобъ стихи вамъ нравились мои,

---

[1]) Арбускула, имя комедіантки, которая за неудачное представленіе будучи народомъ изгнана, а дворянствомъ похвалена, сказала, что она честныхъ людей похвалою довольна, а подлость презирать всегда готова.

[2]) Меня ли тронетъ чемъ Пантилій и проч. по ст. «Октавій, Валгій и проч.» Горацій говоритъ о себѣ. Пантилій и Димитрій, о которомъ въ примѣчаніи къ сей сатирѣ упомянуто, суть имена негодныхъ стихотворцевъ, а Фаннъ и Тигеллій имена шутовъ.

[3]) О Виргиліѣ, Плотіѣ и Варіѣ сказано въ примѣчаніи къ сатирѣ пятой; а о Меценатѣ въ началѣ сей сатиры. Подъ именемъ Октавія можно разумѣть Цесаря Августа, котораго кроткой и тихой нравъ, также и искусство въ стихосложеніи всѣ похваляютъ. Титъ Валгій, Фускъ Аристій и два брата Виски суть имена не послѣднихъ Римскихъ стихотворцевъ.

[4]) Сочинитель трагедій.

[5]) Сервіи и Вивулы были знатныя Римскія фамиліи, а Фурнъ изрядный и вѣрный исторій писатель.

Жалѣя, естьли той надеждой льстятъ сіи:
Вы жъ, Гермогенъ Тигеллъ, Димитрій, оба грезы,
Комедіанокъ лить учите жалки слезы. [1])
Останься приговоръ сей мой на вѣки такъ,
Какъ разъ одинъ его уже помѣтилъ дьякъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА

САТИРЪ КНИГА ВТОРАЯ.

САТИРА I.

Требатій.

Горацій видя, что нѣкоторые изъ Римлянъ негодуютъ на его сочиненія, яко инымъ весьма оскорбительныя, а другимъ прощающія, требуетъ совѣта у Требатія Юриста, что ему въ такомъ случаѣ дѣлать?

И злобны сатиры пишу я вдругъ и смѣлы,
И преступаю тѣмъ закона въ нихъ предѣлы,
Какъ нѣкоторые за то меня винятъ:

---

[2]) Т. е., учите комедіанокъ на театрахъ представлять жалостныя явленія, и плачущими притворяться.

Нѣтъ важности въ стихахъ другіе говорятъ,
Въ день тысячу стиховъ такихъ составить можно.
Скажи жъ, Требатій, [1]) мнѣ: Коль такъ, что дѣлать должно?
Покойся, говоришъ, и больше не пиши.
Изрядно; я бы самъ лишиться радъ души,
Когда бъ могъ оное исполнить въ самомъ дѣлѣ,
Но не имѣю сна я лежа на постелѣ.
А ты совѣтуешь, чтобъ мнѣ покойнѣй быть,
Иль масть употреблять, иль трижды Тибръ преплыть,
Потомъ же напаять виномъ все тѣло къ ночи: [2])
Когда же удержать отъ дѣлъ себя нѣтъ мочи,
То Цесаревы пѣть дѣянія велишь,
За что велику мнѣ награду впредь сулишь.
Желалъ бы, мой отецъ, но слабъ мой духъ и силы,
Геройски чтобъ дѣла стихи мои гласили.
Ты знаешь вить и самъ: Въ комъ силъ не достаетъ,
Тотъ страшныхъ копьями полковъ не воспоетъ,
Ни преломленными мечами Галловъ збитыхъ,
Ни падшихъ Пароянъ съ седлъ, и ранами изрытыхъ. [3])
Однако лучше бъ ты пѣлъ храбрыя дѣла,
Иль правда бы тобой восхвалена была.

---

[1]) Требатій былъ Римской дворянинъ, которой нѣсколько книгъ о гражданскомъ правѣ и о благочестіи написалъ, и можетъ быть изъ числа тѣхъ, кои Гораціевыми сочиненіями не довольны были.

[2]) Сими словами скрытно пятнаетъ Требатія, яко глупаго, которой будучи Юристомъ, даетъ Горацію лѣкарское наставленіе, чтобъ избавиться отъ безсоницы намащеніемъ тѣла, плаваніемъ и питіемъ. Древніе обычай имѣли при наступленіи ночи для пріятнѣйшаго покою нарочно утруждать свое тѣло.

[3]) Марій сражаясь съ Сантонами пущалъ въ нихъ преломленныя стрѣлы, которыхъ непріятелю обратно на него бросать не можно было. Въ сихъ стихахъ упоминается о Пароянской или Галлской войнѣ, которая другимъ какимъ нибудь стихотворцомъ описана была.

Въ чемъ Сципіаду де Луциллову представлю. [1])
Сего по времени я, вѣрь мнѣ, не оставлю,
Но напротивъ того, Требатій, вѣдай ты,
Что Флакковы слова [2]) не будутъ приняты,
И развѣ Цесарь [3]) ихъ внушитъ въ благое время,
Который отражать обыкъ все льстивыхъ племя.
Ты жъ снова говоришь сіе мнѣ вопреки:
Сколь лучше бъ было пѣть по важнѣе стишки,
А нежель о тебѣ худая пройдетъ слава,
Что обижать нашелъ ты шута Пантолава,
И Номентана съ нимъ негодницу язвить! [4])
Безъ опасенія никто не можетъ жить, [5])
И зная свой порокъ не тронутъ ненавидитъ,
Хоть сатиръ въ глазъ его не колетъ, не обидитъ.
Что дѣлать? посмотри, какъ веселъ есть Милонъ! [6])
Лишь стало чуть бродить во лбу, ужъ скачетъ онъ,
И въ мутныхъ у него очахъ ужъ свѣтъ двоится.
Ѣздою Касторъ, братъ боями веселится: [7])

---

[1]) Т. е., представлю тебѣ въ образецъ Сципіаду Луциліеву. Луцилій описалъ войну Сципіона Африканскаго съ Аннибаломъ, котораго онъ выманивъ изъ Италіи побѣдилъ.

[2]) Т. е., стихи мои.

[3]) Цесарь Октавій Августъ.

[4]) Смотри о немъ въ примѣчаніяхъ къ сатирѣ осьмой.

[5]) Т. е., никто не можетъ быть безопасенъ отъ поношенія, ежели тому же пороку подверженъ, которымъ ты язвишь, и хотя бы впротчемъ молчалъ, однако такой тебя ненавидитъ.

[6]) Милонъ былъ шутъ, которой подвеселившись тотчасъ плясать начиналъ.

[7]) Симъ означаются разныя склонности людей, какъ у насъ говорятъ просто: *Иной любитъ попа, а другой попадью*, или *всякой молодецъ на свой образецъ*, что самое изъясняется въ слѣдующемъ стихѣ.

Сколь много есть головъ, столь много и умовъ.
Я стопы лишь одни прибрать люблю изъ словъ,
Луциліеву въ томъ последуя манеру,
Кой вмѣсто лучшаго намъ служитъ въ жизнь примѣру,
За тѣмъ что книгамъ онъ такъ вѣритъ, какъ друзьямъ, [1])
И худо ль сдѣлалъ что, иль хвально, вноситъ тамъ,
Отъ предпріятаго пути не отступая.
Вся въ книгахъ старика жизнь явствуетъ такая,
Какой изобразить и въ лицахъ льзя ль живяй?
Рожденъ Луканіи, Апуліи по край, [2])
Не знаю, къ коему принадлежу народу,
А слѣдовать ему имѣю я свободу. [3])
Венузцы обоихъ касаются земель,
И тамъ и здѣсь пахать свободенъ земледѣлъ.
Пришельцы посланны отъ Рима тамъ засѣли,
Когда, какъ идетъ слухъ, съ мѣстъ согнаны Сабеллы,
И праздны послѣ нихъ остались тѣ страны:
Опасно жъ было, чтобъ не нанесли войны [4])
Набѣгомъ дерзскіе Апулы иль Луканы.
Но штиль сей никому не сдѣлаетъ злой раны, [5])
И безъ вины вреда не будетъ наносить,

---

[1]) Т. е., Луциліева жизнь, въ разсужденіи честности и постоянства, служитъ намъ вмѣсто примѣра, потому что онъ добрыя и худыя свои дѣла въ книгахъ записывалъ, и вся жизнь его изъ дѣлъ такъ ясна, какъ бы на картинѣ изображена была.

[2]) Т. е., въ Венузіи, принадлежащей къ Луканіи и Апуліи.

[3]) Т. е., Луцилію подражать и писать сатиры.

[4]) Т. е., чтобъ Апулійской или Луканской народъ чрезъ тѣ пустыя мѣста не учинилъ нападенія на Римлянъ, отъ котораго Венузцы ихъ защищали.

[5]) Т. е., я слѣдуя Луціліею въ писаніи сатиръ безъ причины никого обидѣть не намѣренъ, но только стараться буду сатирическимъ моимъ штилемъ какъ мечемъ защищатт себя, а не другихъ раздражать.

Лишь станетъ отъ враговъ моихъ меня хранить,
Какъ острый мечь давно въ ножны уже вложенный:
Почто же будетъ мной онъ тщетно обнаженный,
Когда отъ сопостатъ свободенъ я моихъ?
О сильный Юпитеръ! Исторгни плевелъ злыхъ, [1])
Да ржавчиною мечь сокрытый истребится,
И миролюбну мнѣ никто вредить да тщится.
А тотъ, кто раздражитъ меня, (оставь, кричу)
Вздохнетъ, какъ имя я его вездѣ промчу.
Сердитый Цервій злыхъ смирить грозитъ чрезъ правы;
Канидія известь не дружныхъ чрезъ отравы;
Къ великой Фурій тѣхъ грозитъ привесть бѣдѣ,
Кто спорить съ нимъ дерзнетъ упрямо при судѣ.
Какъ кто опаснымъ мстить, чемъ можетъ, долженствуетъ,
И какъ сама къ тому натура обязуетъ,
Въ единый вступимъ мы съ тобой о томъ совѣтъ.
Язвитъ зубами волкъ, рогами волъ бодетъ;
Не показала ли слѣда къ тому натура! [2])
А ты мнѣ говоришь: Такъ вѣрить не фигура,
Что Сцева право [3]) мать за долгу жизнь убилъ,
И что своей руки симъ зломъ не осквернилъ.

---

[1]) Естьли бы всѣ люди добродѣтельно жизнь вели, тобъ не для чего было не только сатиры писать, но и вводить самые законы.

[2]) Горацій доказываетъ отчасти, что силу и способъ ко отомщенію обидъ всякому подаетъ сама природа, какъ иной мститъ судомъ, другой отравою, третій обличеніемъ въ неправдѣ и проч. что самое и въ неразумныхъ животныхъ примѣчаемъ. Сіе подтверждаетъ русская пословица: *Клинъ клиномъ выгонять должно.*

[3]) Требатій говоритъ вопреки Горацію, что когда по его доводу всякой обиду свою справедливо мстить можетъ и отъ натуры къ тому обязанъ; то по сему и Сцева, чувствуя обиду отъ долговременной жизни его матери, отравилъ оную справедливо, и въ томъ не погрѣшилъ.

Мнѣ жъ дивно, будетъ ли сіе съ собою сходно, [1])
Чтобъ волку бить ногой, волу грызть было сродно?
И Сцевѣ матери дать съ медомъ смертный ядъ?
Чтобъ рѣчь не расплодилъ пространно долгой складъ:
Хоть древенъ къ поздому достигну я покою, [2])
Или хотя грозитъ мнѣ смерть своей косою,
И машетъ черными крилами предъ очьми,
Богато ль въ Римѣ жить, иль въ ссылкѣ межъ людьми
Мнѣ изгнанными весть судьба жизнь скудну судитъ,
Никто, чтобъ не писалъ, насильно не принудитъ,
Къ чему бы ни привелъ меня противной рокъ.
Животъ твой, мальчикъ, вѣрь, едва ль не коротокъ; [3])
Пріятель, можетъ быть, за прежнюю услугу
Мстить будетъ смертію тебѣ, какъ стару другу.
Луцилій развѣ самъ тогда въ бѣду попалъ,
Какъ первой образцемъ такимъ стихи слагалъ,
И смѣло обнажалъ прикрытыхъ онъ личиной,
Хоть прежде смрадъ таилъ одѣтъ волкъ кожей львиной? [4])
Скажи, Требатій, мнѣ. Сердитъ ли Лелій былъ,

---

[1]) Горацій опровергаетъ противорѣчіе Требатіево тѣмъ, что хотя по натуральной справедливости всякой обиду свою мстить можетъ, но отмщеніе въ разсужденіи самой обиды должно быть равное и пропорціональное, т. е. такое, какое повелѣваетъ сіе правило: *зубъ за зубъ и око за око*. Напримѣръ, противъ оружія употребляй оружіе, противъ силы силу и проч. И какъ волкъ не бодетъ ногою, а волъ не кусается, потому что не дала того природа, такъ и ядомъ или инымъ коварствомъ не только матери, но и противъ озлобленія, никому мстить не должно.

[2]) Т. е., когда доживу до глубокой старости.

[3]) Слова Требатіевы, которой предостерегая жизнь Гораціеву, предлагаетъ ему о опасности стиховъ язвительныхъ.

[4]) Личиною прикрытые суть злонравные, подъ видомъ добродѣтели пороки свои скрывающіе, которые прежде Луциліева обличенія никому извѣстны не были.

Иль огорченъ за умъ, кто имя получилъ
Отъ раззоренія войною Карѳагена?
Была-ль Метеллова обида имъ отмщенна,
И обезславленный досадовалъ-ли Лупъ? [1])
Однако сихъ особъ язвить былъ смѣлъ и глупъ,
И грубыми народъ словами озлобляя,
Мнилъ, что на свѣтъ онъ одинъ душа святая. [2])
Но Лелій не смотря на то и Сципіонъ,
Не помнили его досадныхъ забабонъ,
И какъ съ комедіи изъ зборищъ возвращались,
Свободные отъ дѣлъ съ нимъ купно забавлялись,
Пока готовился изъ зелій имъ обѣдъ.
Каковъ бы ни-былъ я, хоть доброты той нѣтъ
Ни разума во мнѣ, какимъ Луцилій знатенъ,
Однакъ великимъ былъ особамъ милъ, пріятенъ,
Въ чемъ зависть не - хотя признатися должна.
Пускай же на меня свой зубъ остритъ она,
И злобный изо устъ пусть испущаетъ пламень,
Но вѣдать должно ей: Найдетъ коса на камень. [3])
Согласна ли на то, Требатій, мысль твоя?
Теперь о томъ судить ужь должность не моя; [4])
Совѣтомъ лишь однимъ тебя остерегаю,
Чтобъ не нажить хлопотъ по такову случаю,
Когда не будешь знать законовъ ты святыхъ:
Есть правы, есть и судъ для сочиненій злыхъ.

---

[1]) Лелій былъ тесть Сципіоновъ; Сципіонъ Африканской, которой раззорилъ Карѳагенъ, Аннибаловъ побѣдитель; а Лупъ Консулъ Римскій.

[2]) Т. е., Луцилій.

[3]) Зависть найдетъ себѣ такого противника, которой доброй отпоръ ей учинитъ.

[4])Т. е. нѣтъ мнѣ нужды о томъ разсуждать болѣе.

Пусть такъ, кто на кого издастъ стихи худые; [1])
Да хвалитъ Цесарь, кто напишетъ дорогіе.
А что, злословящій достойно правъ ли есть?
Судъ смѣхомъ кончится, [2]) и тщетна будетъ месть.

САТИРА II.

Офеллъ.

Въ сей сатирѣ Горацій въ лицѣ Офелла стоика весьма жестоко укоряетъ роскошныхъ.

Коль благъ, кто жизнь, друзья, достаткомъ малымъ правитъ!
Не мной то сказано; Офеллъ простый такъ славитъ, [3])
Невѣжа будучи, не просвѣщенъ умомъ.
Не въ роскошахъ свой умъ острите за столомъ,
Гдѣ очи блескъ плѣня разсудокъ въ васъ мѣшаетъ,
И лестнымъ видомъ мысль отъ правды удаляетъ;
Но чрево тощее изъ васъ имѣя всякъ,
Изслѣдуй здѣсь со мной, почто-бъ то было такъ?
Скажу когда могу, Судья не право судитъ,
За тѣмъ что старая въ немъ порча къ кривдѣ нудитъ. [4])
Пріятнымъ дѣлаетъ достатокъ малый трудъ, [5])

---

1) Т. е., пускай судятъ того, кто злобно кого въ стихахъ порочитъ, лишь бы только хвалилъ Цесарь, естьли кого праведно обличаютъ.

2) Первой стихъ есть Гораціевъ вопросъ, а второй отвѣтъ Требатіевъ въ подтвержденіе онаго.

3) Т. е., неученый простякъ и незнающій философіи, но въ житіи умѣренный и воздержный.

4) Какъ судью подарки отъ правды, такъ отягченный желудокъ отъ прямаго познанія разумъ отвлекаетъ.

5) Разумъ сей рѣчи есть таковъ: Пріятенъ бываетъ малой достатокъ, трудомъ пріобрѣтенный.

По зайцѣ наскоро гоня стремися въ путь,
Скачи на молодомъ конѣ въ поту и пыли;
Коль въ Римскомъ утомилъ учася войскѣ силы,
Обыкши завсегда, какъ греки, быть въ гульбѣ,
Играй мячемъ, когда угодно то тебѣ:
Трудъ будетъ проходить нечувственно съ охотки;
Иль пращу въ верхъ мечи, коль скучишь съ той работки.
Какъ брезганье въ тебѣ усталомъ все минетъ,
Голодной презирай тогда худой обѣдъ,
Но развѣ медъ смѣшавъ съ виномъ Фалернскимъ кушай.
А я скажу въ тотъ часъ: Не погнѣвись, послушай!
Теперь лишь погребщикъ за нуждой сшелъ съ двора;
На рыбу лову нѣтъ, волнуются моря:
Не радъ ли хлѣбу ужъ да соли отъ задору? 1)
Какъ думаешь, съ чего такъ сталось вдругъ въ ту пору?
Не въ свѣтлыхъ состоитъ сервизахъ прихоть зла,
Но къ самому тебѣ въ семъ случаѣ пришла; 2)
Питомства по сему ищи чрезъ трудъ прилѣжный.
Кто въ гору отъ сластей ползетъ и тѣломъ нѣжный,
Не сладки устерсы и карпы для того
Не усладитъ морской и заяцъ вкусъ его, 3)
Которой былъ везенъ изъ далека нарошно.
Однакъ едва тебя къ тому склонить возможно, 4)

1) Естьли человѣкъ разными упражненіями ослабитъ силы свои и тощаетъ такъ, что ни чемъ уже гнушаться больше не станетъ, не радъ ли будетъ отъ голоду хлѣбу и водѣ для утоленія жажды?

2) Голодной не спрашиваетъ богатыхъ сервизовъ и деликатныхъ яствъ, но ищетъ, чемъ бы нибудь насытить свой желудокъ.

3) Сластямъ порабощеннаго, разслабленнаго отъ лѣности и изнѣженнаго человѣка никакая раскошь не веселитъ больше.

4) Хотя все уже омерзѣло, однако трудно его склонить къ тому, чтобъ онъ простую пищу, хотя впротчемъ изрядную употреблялъ, потому что привычка, какъ говорятъ, вторая натура.

Чтобъ предложеннаго павлина ты не ѣлъ,
Но лучше бъ курицей доволенъ быть хотѣлъ,
Усилиться сластьми давъ развращенной волѣ:
За птицу рѣдкую цѣны дать должно болѣ; [1])
Цѣна ей высока, и пригожа хвостомъ,
Какъ будто бъ былъ резонъ прямаго дѣла въ томъ
Употебляешь ли ты перья въ снѣдь хвалены,
И въ той ли же чести, какъ будутъ ужъ сварены?
Но въ протчемъ разности нѣтъ въ мясѣ никакой;
И такъ ошибся ты, какъ видно, пестротой.
Пусть такъ; скажижъ теперь, не ошибясь въ разборѣ,
Гдѣ щука ловлена, во Тибрѣ или въ морѣ, [2])
И въ самой ли рѣкѣ шаталась близь мостовъ,
Иль въ устьѣ плавала въ близи отъ береговъ?
Ттехъ фунтовую сырть ты хвалишь вмѣсто щуки, [3])
Которую дѣлить потребно въ разны штуки,
Чтобъ стало въ каждую похлебку положить;
Знать было надобно величину любить.
А щуки для чего большіе не угодны?
Конечно въ чемъ нибудь казалися не сходны;
Велики щуки вдоль, а сырти коротки. [4])

---

[1]) Просто говорятъ: Что рѣдко, то и мило. Горацій приводитъ пустые резоны сластолюбивыхъ, которые для пищи покупаютъ рѣдкихъ птицъ для того, что они цѣною дороги, и не всякой ихъ купить можетъ, и что они перьями пригожи.

[2]) Уступивъ Горацій роскошному оную ошибку, произшедшую яко бы отъ прельстившагося пригожествомъ птицы зрѣнія, вопрошаетъ его, почему онъ знаетъ, гдѣ напримѣръ поймана щука, въ рѣкѣ или морѣ, которая ни дороговизною ни видомъ не отмѣнита?

[3]) Сырти велики рѣдко бываютъ, и потому оныя роскошному пріятнѣе не для вкусу, но для рѣдкой величины.

[4]) Такой же пустой резонъ, какъ и тотъ, что павлинъ съ курицею перьями несходны.

Голодной черствые готовъ жевать куски; [1])
Обжора Гарпіямъ ни въ чемъ не уступаетъ, [2])
И сыртъ въ котлѣ варить большую затѣваетъ.
Вы жъ, вѣтры тихіе! согрѣйте яствы ихъ:
Имчя потченъ вкусъ отъ роскошей худыхъ
И слабый отъ довольствъ желудокъ непомѣрныхъ,
Межъ множествомъ всего яствъ не примѣтитъ скверныхъ;
Пусть будетъ теплотой испорченной кабанъ,
И тухлой подъ носомъ стоять морской фазанъ. [3])
Наѣлся рѣпы, вдругъ горчица стала вкусна.
Богатымъ простота въ пиру еще не гнусна, [4])
За тѣмъ что въ наши дни отъ маслищъ и яицъ.
Хотя и дешевы, не отвращаютъ лицъ.
Транжирство жъ сколь вредитъ, не меньше столь безславно,
Какъ надъ Галлоніемъ примѣръ сей былъ недавно,
Котораго за то лишь всякой осудилъ,
Что первой осетра на столъ постановилъ.
Чтожъ? менѣе тогда велось фазановъ въ морѣ,
Фазанъ безстрашенъ былъ, Аистъ не зналъ жить въ горѣ,
Пока не показалъ Семпроній Руфъ слѣда
Вамъ, Римляне, что та пріятная ѣда.
И такъ пусть скажетъ кто: Нырки печены сладки,
До словъ и до нырковъ всѣ тотчасъ будутъ падки;

) Голодному черствой хлѣбъ вмѣсто калача кажется, по пословицѣ: *Голодный волкъ и завертки рветъ.*

²) Т. е., такъ жаденъ, какъ Гарпіи. Гарпіи суть хищныя и гадкія чудовища, коихъ Сервій три исчисляетъ, а именно *Аэлла*, *Оципета и Целена*,

³) Морской фазанъ по Латынѣ называется Rhombus, а по русски съ Польскаго имянованъ.

⁴) Т. е., что при богатыхъ столахъ видны еще слѣды древняго воздержанія, а роскошь недавно вкоренилась.

Похватятъ щеголи то Римскіе тотчасъ,
Какъ будто бъ о ныркахъ кто выдалъ имъ указъ.
Различно кушанье отъ средняго сурово; [1])
Такъ должны разумѣть Офеллово мы слово,
За тѣмъ что тщетно ты трудиться будешь въ томъ,
Чтобъ роскоши избыть, а здѣлаться скотомъ.
Авидіену въ знакъ данъ титулъ пса нетщетный,
Кой маслищные ѣстъ плоды, но пятилѣтны,
Терновы ягоды, растущія въ лѣсу,
И порчено вино сему пріятно псу,
Кромѣ котораго друзей не угощаетъ;
По каплѣ масла онъ на зелье испущаетъ,
Отъ вони коего едва не гадитъ гость;
На старой уксусъ щедръ онъ впротчемъ и препростъ.
Когда жъ рожденья день, на свадьбѣ пиръ бываетъ,
То въ праздникъ бѣлую рубашку надѣваетъ.
Которые жъ изъ двухъ средствъ должно выбирать,
Чтобъ умной могъ себя пристойно содержать,
Рутилью ль слѣдовать, или Авидіену? [2])
Кто не проводитъ жизнь въ безпечности презрѣнну,
Не знаетъ роскоши, ни скаредства отнюдь,
Тотъ только въ житіи чистъ и обряденъ будь. [3])
Сей, наряжая слугъ, не будь строгъ черезъ мѣру, [4])

---

[1]) Горацій похваляя воздержаніе отъ излишней роскоши, изъясняетъ свое намѣреніе тѣмъ, что онъ чрезъ то не совѣтуетъ жить весьма скупо и гадко.

[2]) Т. е., роскоши ли, или безмѣрной скупости слѣдовать.

[3]) Т. е., тотъ только хорошо живетъ, кто во всемъ умѣренность хранитъ.

[4]) Такой разумной и воздержной человѣкъ, поручая слугамъ какое нибудь дѣло, не долженъ весьма строго спрашивать отъ нихъ отчету, каковъ былъ Албуцій.

И не послѣдуй въ томъ Албуція примѣру:
Ни воду отъ него маститу приметъ гость, [1]
Какъ Невій въ томъ весьма роскошенъ былъ и простъ,
За тѣмъ что ставятся въ порокъ излишны моды.
Теперь воздержности ты въ пищѣ знай выгоды:
Во первыхъ здравіе крѣпиться лучше тѣмъ,
Какъ рано то вредитъ излишество во всемъ.
Чтожъ разныхъ множество яствъ вредно, вѣрить станешь,
Какъ пищу прежнюю простую ты вспомянешь. [2]
Когда же твой обѣдъ изъ смѣси будетъ весь,
Когда съ жаркимъ уха составятъ ону смѣсь,
Или вдругъ рыбное представится съ дичиной,
То будетъ разнота сія вреда причиной,
Вкушенная себя въ желчь сладость претворитъ,
И мокрота сгустясь желудокъ оскорбитъ.
Видалъ ли, сколь обѣдъ бываетъ жирный вреденъ,
Гдѣ всякъ изъ за стола встаетъ смущенъ и блѣденъ?
Вчерашнимъ сверхъ сего нутръ пивомъ отягченъ
Вдругъ съ тѣломъ слабитъ духъ, и каждой треплетъ членъ,
Отъемля нѣжность чувствъ и разумъ затмѣвая.
Другой по маломъ снѣ поспѣшно востававая, [3]
Къ назначеннымъ дѣламъ съ веселіемъ спѣшитъ,
За тѣмъ что въ мѣру сей и кушаетъ и спитъ.
Однакъ и лучшій столъ имѣть ему довлѣетъ
Иль въ праздникъ годовой, или когда слабѣетъ;

---

[1]) Также не долженъ подавать гостямъ на руки ароматную воду, подражая въ томъ роскошному Невію.

[2]) Горацій приводитъ на память роскошному простую и умѣренную пищу, которою онъ довольствовался живучи въ незнатности.

[3]) Т. е., тотъ, кто отъ роскоши воздерживается.

Когда со временемъ умножатся лѣта,
И поздо юности увянувъ кросота
Восхощетъ жить нѣжняй при старости глубокой.
Тебѣ жъ [1]) что къ нѣжности прибавится безпрокой,
Къ которой пріобыкъ ты будучи въ порѣ,
И живучи чрезъ чуръ роскошно и въ добрѣ,
Хоть въ здравіи бъ почулъ худую перемѣну,
Хоть въ старости бъ сносилъ жизнь тяжко изнурену?
Не свѣжаго у насъ хвалили каплуна;
Только былъ въ древнія обычай времена:
Однакъ не даромъ то и не безумно было,
Но чтобы поздому казалось гостю мило,
И початаго чтобъ онъ лучше ѣсть хотѣлъ,
А нежьли бъ цѣлаго хозяинъ алчный съѣлъ.
О естьлибъ я рожденъ былъ въ первобытномъ свѣтѣ!
Ты развѣ мнишь найти въ богатомъ честь банкетѣ,
Чтобъ слава о тебѣ промчалася въ стихахъ,
И произвесть могла бъ пріятный слухъ въ ушахъ?
Большіе на столѣ фазаны и суда
Доводятъ до большихъ убытковъ и стыда.
Имѣетъ дядя гнѣвъ, сосѣдъ всякъ ненавидитъ,
И твой же умъ тебя развратный зло обидитъ.
Радъ смерти за ничто, когда ужъ гроша нѣтъ,
На чтобы петлю могъ купить себѣ, мой свѣтъ.
По правдѣ Тразія бранятъ словами сими, [2])
Я жъ, говоришь, богатъ доходами большими,
Которыхъ тремъ царямъ могло бъ довольно стать?
Такъ развѣ нѣкуда излишняго дѣвать?

---

[1]) Говоритъ роскошному.
[2]) Тразій былъ нѣкто убогій, но сластолюбивый.

Чтожъ недостойные нищетства терпятъ скудость?
Что храмы божески нещадна рушитъ худость?
И отъ толикаго достатка твоего
Почто, безумна тварь, не тратишь ничего,
Чтобъ въ пользу отчества могло служить хоть мало?
Или, какъ мнишь, на вѣкъ тебѣ то щастье дало,
И ты лишь оскудѣть не можешъ паче всѣхъ?
О коль великъ врагамъ оставишь послѣ смѣхъ!
Кто жъ постояннымъ быть изъ двухъ возможетъ болѣ,
Когда подвергнутся нещастной оба долѣ,
Тотъ ли, кто нравомъ гордъ и пышной нѣжитъ духъ,
Иль добродѣтели и воздержанья другъ,
Кой малымъ веселясь, о будущемъ печется,
И въ мирно время, какъ герой, къ войнѣ пасется?
А чтобъ ты болѣе сему повѣрить могъ;
Офеллъ, какъ съ цѣлымъ былъ пожиткомъ не убогъ,
Не большее держалъ къ довольству иждивенье,
Не жъ нынѣ чувствуя въ достаткѣ умаленье.
На части онъ земли своей съ своимъ скотомъ
И въ полѣ самъ съ дѣтьми трудяся нанятомъ,
Хотя бъ богатъ я, рекъ, въ крестьянствѣ былъ, иль скудный,
Но ничего не ѣлъ, безъ разсужденья въ будни,
Какъ только окорокъ копченой и овощъ,
Доволенъ бывъ всегда и съ голоду не тощь.
Когда же приходилъ гость долго небывалой,
Или, какъ отдыхалъ въ ненастье я усталой,
Пріятной посѣщалъ сосѣдъ мой бѣдный домъ,
Тогда не отходилъ не потчиванъ съ стыдомъ.
Не ставилъ предъ него я рыбу дорогую,
Но пищу изъ цыплятъ и изъ овецъ простую;
А послѣ ягоды на столъ созрѣлы несъ,

Орѣхи и плоды отъ смоковныхъ древесъ.
Остатокъ времени въ забавахъ провождали,
И въ неумѣренномъ питьѣ вину считали:
О плодородіи Церера внявъ мольбу,
Являла веселъ знакъ на морщеватомъ лбу.
Пусть на меня злясь вновь фортуна брань возставитъ,
Но что изъ сихъ моихъ пожитковъ та убавитъ?
Я скромно жилъ, да всякъ меня не лучше цвѣлъ,
Какъ новый на моемъ преемникъ мѣстѣ сѣлъ. [1])
Натура не дала земли наслѣдства точно,
Чтобъ мнѣ, иль ввѣки то другому было прочно;
Тотъ, кто меня лишилъ [2]) земли, лишится самъ,
Иль виненъ въ чемъ явясь, иль слѣдуя сластямъ;
По крайней мѣрѣ тотъ лишитъ его наслѣдства,
Кто ищетъ онаго чрезъ злыя душевредства.
Убренова теперь зовется та земля,
Которая сперва Офеллова слыла;
И такъ не будетъ ей властителя прямова,
Но то въ моихъ рукахъ, то будетъ у другова.
Храните по сему вы въ жизни твердый путь [3])
Противнымъ случаямъ противну ставя грудь.

---

[1]) Октавій Августъ отдалъ землю сего Офелла воину нѣкоему, именемъ Умбрену.

[2]) Т. е., воинъ владѣющій моею землею.

[3]) Т. е., продолжайте теченіе вашей жизни съ такимъ воздержаніемъ, съ какимъ оное начали, презирая всякое нещастіе.

САТИРА III.

Дамазиппъ.

Горацій приводитъ въ сей сатирѣ нѣкоего Дамазиппа, съ собою разговаривающаго, который чрезъ торги истощивъ все свое наслѣдство, и оставя купеческій промыслъ принялся за философію. Укоряетъ онъ Горація за лѣность, что ни въ городѣ за частыми пирушками и разными дѣлами ничего ни писалъ, ни живучи въ деревнѣ, куда онъ для спокойнѣйшаго упражненія въ сочиненіяхъ удалился.

Сержуся на тебя за то, что пишешь мало, [1]
И больше четырехъ въ годъ писемъ не бывало,
Ты упражняясь лишь въ разборѣ старыхъ дѣлъ,
По нынѣ ничего похвальнаго не пѣлъ,
И время провождалъ въ питье и снѣ напрасно,
Въ деревнѣ живучи съ Сатурновыхъ дней праздно. [2]
Давъ слово, что нибудь достойное скажи,
Примись трезвъ; держишься лѣняся старой лжи.
Напрасно грифели винишь, сердяся ложно,
Что на плохихъ стѣнахъ рѣчей чертить не можно. [3]
Однако ты лице такое мнѣ казалъ,
Какъ будто бъ что нибудь велико обѣщалъ,
Когда изъ города въ крестьянску скрывшись нору
Ты выберешь себѣ отъ дѣлъ досужну пору.

---

1) Дамазиппъ изъявляетъ свое неудовольствіе, что Горацій лѣнивъ сталъ.

2) Т. е., съ праздника Сатурнова, которой Римляне праздновали 17 дня декабря.

3) Древніе обыкновенно стѣну возлѣ своей постели натирали воскомъ, и держали при себѣ грифели, чтобъ для памяти записывать на стѣнѣ, ежели что ночью вздумается.

Какой же изъ того ты плодъ себѣ имѣлъ,
Что за тобой Платонъ съ Менандромъ въ слѣдъ пошелъ, [1])
Что вызвалъ Эвпола, Архилоха съ собою?
Уймешь ли ненависть поступкою такою,
Что добродѣтели не будешь болѣ другъ? [2])
Никакъ; пренебрегутъ тебя всѣ люди вдругъ.
Беречься надлежитъ отъ лѣности конечно;
Или останутся труды забвенны вѣчно,
И все, что заслужилъ ты ими отъ людей,
Спокойно отложи, и больше не жалѣй.
Благодарю тебя я, Дамазиппъ, безмѣрно, [3])
Что мнѣ совѣтуешь толь здраво и усердно:
О естли бъ Юпитеръ тебя благословилъ,
Чтобъ лучшій бритовщикъ браду твою скосилъ! [4])
Съ чего жъ я вѣдомъ сталъ изрядно столь тобою?
Лишившись отъ торговъ имѣнія судьбою, [5])
Оставилъ собственны по нуждѣ я дѣла,
Съ тѣхъ поръ чужія знать охота привлекла.
До толѣ я любилъ развѣдывать повсюду,
Какую Сизифъ мѣдь держалъ или посуду? [6])
На чемъ худа рѣзьба, что худо мастеръ лилъ,
И всякую своей цѣною вещь цѣнилъ.
Въ покупкѣ былъ дворовъ одинъ лишь я щастливый,
И дешево умѣлъ купить сады и нивы;

---

[1]) Т. е., что ты повезъ съ собою много хорошихъ Греческихъ книгъ.

[2]) Для того ли ты оставляешь добродѣтель и прилѣжаніе, чтобъ избыть людской ненависти?

[3]) Горацій отвѣчаетъ Дамазиппу.

[4]) Стоики, коихъ ученію Дамазиппъ послѣдовалъ, бородъ не брили.

[5]) Рѣчь Дамазиппова.

[6]) Коринѳская мѣдь и посуда была наилучшая, изъ которой Сизифъ, Царь Коринѳскій, умывалъ свои ноги.

Вторый Меркурій былъ, какъ въ людяхъ шла молва.
Довольно знаю то, о умна голова! [1])
Дивлюсь, какъ ты отъ сей болѣзни излѣчился.
Избывъ я тотъ недугъ, вдругъ новымъ заразился, [2])
Какъ часто слышанна въ главѣ скарбь иль въ боку
Наводитъ сердцу вдругъ, перемѣнясь, тоску;
Иль какъ сонливостью всегдашней одержимый
Безсонницей потомъ бываетъ вдругъ томимый,
И вышедъ изъ ума, врача убити смѣлъ.
Какъ хочешь, такъ и будь, лишь только бъ я былъ цѣлъ. [3])
Не ошибайся, другъ, знать ты и самъ несмысленъ, [4])
И родъ всѣхъ дураковъ есть почитай безчисленъ,
Какъ правду о такихъ Стертиній говорилъ, [5])
Отъ коего сіи я правила внушилъ
Въ то время, какъ меня въ печали тѣшилъ глупа,
Веля мнѣ мудрую браду растить до пупа,
Когда Фабриціевъ оставить мостъ велѣлъ,
Съ котораго въ рѣку Тибръ броситься хотѣлъ,
Покрывъ мою главу съ отчаянья и сраму, [6])
Что положилъ въ торгахъ несщастныхъ жизнь я саму.
Онъ [7]) къ стати подошедъ такую молвилъ рѣчь:

---

[1]) Горацій говоритъ.

[2]) Дамазиппъ отвѣчаетъ, что онъ освободившись отъ оной страсти, чтобъ о всемъ развѣдывать, другою заразился.

[3]) Горацій насмѣхается Дамазиппу.

[4]) Дамазиппъ сердится на него.

[5]) Стертиній, Стоической философъ, которой Дамазиппа, хотѣвшаго съ отчаянія бросится съ моста въ рѣку, увѣщаніемъ своимъ отъ того отвелъ, и открылъ слѣдъ къ философіи.

[6]) Покрывъ главу или зажмуря глаза, чтобъ людей не видѣть отъ стыда.

[7]) Онъ, т. е. Стертиній.

Не долженъ ли себя отъ зла ты поберечь,
Чтобъ не пропасть съ стыда безумнаго безчестно,
Что межъ глупцами быть глупцемъ тебѣ не вмѣстно.
Вопервыхъ докажу, что есть безумнымъ быть:
И естьли ты одинъ такимъ достоинъ слыть,
Погибни, не скажу къ тому тебѣ ни слова.
Тотъ, кто слѣпымъ умомъ отъ глупости прямова
Ни дѣла ни добра не можетъ разбирать,
Достоинъ, чтобъ его безумнымъ признавать.
Такъ думаетъ Хризиппъ со всей своей ордою, [1])
И всѣ заключены суть истинною тою,
Кромѣ премудраго, народы и Цари.
Почто же всѣ, какъ ты, безумны, далѣ зри,
Которые тебя безумнымъ называютъ.
Какъ сплошь бродящіе въ лѣсахъ свой слѣдъ теряютъ,
Хотяжъ и въ лѣво тотъ, сей въ право идетъ въ путь,
Но оба таковымъ разсудкомъ слабы суть,
За тѣмъ что держатся ошибки одинакой,
Хоть въ разные пути изъ нихъ стремится всякой;
Подобно такъ себя безумнымъ ты считай,
Что тотъ, кто надъ тобой смѣется, не умняй.
Одинъ родъ глупости тотъ можетъ называться,
Бояться тамъ, гдѣ нѣтъ слѣда, чего бояться,
Какъ, напримѣръ, когда бъ кто жалобу творилъ,
Что въ чистомъ полѣ огнь дорогу воспятилъ,
Препятствовали рвы, и рѣки, и болота.
Другой столь глупой же: Безпутная охота
Чрезъ рѣки и огонь отважно преходить.
Пусть въ слѣдъ любезна мать слезясь ему кричитъ,

---

1) Хризиппъ начальникъ Стоическаго ученія съ его послѣдователями.

Сестра, всѣ сродники, отецъ, жена младая:
Здѣсь ровъ, а впереди, брегись, гора крутая,
То столько же онъ ихъ послушается въ томъ,
Какъ Фузій нѣкогда отягощенъ виномъ
Уснулъ въ трагедіи, въ лицѣ бывъ Иліоны, [1])
И не слыхалъ, когда играющи персоны
Кричали въ тысячу различныхъ голосовъ:
«Подъ твой я, матушка, подъ твой спѣшу покровъ.»
Сему подобно весь народъ, какъ мню, шалѣетъ,
И въ старой глупости безумствуя коснѣетъ.
Пусть будетъ Дамазиппъ безумно поступать,
И статуи себѣ старинны покупать:
Такъ потому сіе быть можетъ ли разсудно,
Кто Дамазиппу въ долгъ, что проситъ, дастъ не трудно? [2])
Положимъ, что не глупъ заимодавецъ сей;
Но естьли я скажу: Даю тебѣ, имѣй,
За что не дашь во вѣкъ ни гроша мнѣ въ уплату; [3])
То будешь ли ты глупъ, взявъ деньги безъ возврату? [4])
Или безуменъ тотъ, кто въ туне не беретъ,
Что на корысть ему Меркурій подаетъ?

---

1) Сей фузій представляя въ трагедіи спящую Иліону, дочь Пріамову и жену Полимнесторову, отъ вина такъ крѣпко уснулъ, что не слыхалъ тысячи Катіеновъ, кои вопили къ Илліонѣ матери въ лицѣ сына ея Полидора, требуя погребенія. Сему Полимнестору Пріамъ, во время крайняго отчаянія, поручилъ сына своего Полидора съ великимъ богатствомъ, котораго онъ убивъ тѣмъ сокровищемъ завладѣлъ.

2) Разумъ сихъ рѣчей есть такой: когда тотъ, кто покупаетъ старинныя статуи, безуменъ, то можно ли разумнымъ почесть того, кто деньги свои вѣритъ безумному, отъ котораго ни настоящаго своего капитала ни прибыли получить нѣтъ надежды?

3) Весь споръ здѣсь идетъ о должникѣ и заимодавцѣ, кто изъ нихъ котораго глупѣе? Первой безуменъ для того, что не хочетъ брать даемыхъ денегъ, а другой, что даетъ безъ надежды возврату.

Пусть Нерій ростовщикъ письмомъ тебя обяжетъ, [1])
Что десять тысячь взялъ ты у него, пусть скажетъ;
А естьли мало ужъ покажется того,
Пусть долгу тысячъ сто велитъ писать всего,
Пусть тысячу включитъ правъ, какъ обыкъ Цикута;
Но тѣмъ закабалить во вѣкъ не можетъ плута.
Дорогу завсегда найдетъ хитрецъ Протей, [2])
Какъ вызваться изъ тѣхъ удобнѣе цѣпей.
Онъ смѣхомъ отходить на судъ влекомый станетъ,
И такъ должникъ его [3]) коварный вдругъ обманетъ,
Покажется ему то звѣремъ, то совой;
Болваномъ станетъ вдругъ, вдругъ хитрою лисой.
Когда жъ оплошность есть безумному обычна,
Предосторожность же разумному прилична;
Сколь должно въ Нерiѣ плохому быть уму,
Что обязалъ тебя письмомъ своимъ къ тому,
Чего онъ отъ тебя во вѣки не получитъ.

Сбирайтесь всѣ сюда, кто слушать не поскучитъ, [2])
И всякъ предстани здѣсь, кто чемъ ни искушенъ,
Кто честолюбіемъ лукавымъ напыщенъ,
Кто отъ алчбы къ сребру исчахнувъ весь блѣднѣетъ,
Кто таетъ отъ сластей иль суевѣрство сѣетъ,
Или чью мысль объялъ другой какой недугъ,
Другъ по другу ко мнѣ стекайтеся всѣ вдругъ,

---

[1]) Нерій, Периллій и Цикута имена вымышленныя; и не извѣстно, ростовщики ли они были, или юристы.

[2]) Т. е. коварной и перемѣняющійся человѣкъ, которой какъ Протей смотря по приличности случаевъ разные виды на себя принимать можетъ.

[3]) Т. е., заимодавца Нерія.

[4]) Говоритъ Стертиній въ лицѣ Дамазиппа.

Когда я всѣхъ людей открыть намѣренъ глупость.
Чихоткой врачевать чахотну должно скупость, [1])
И столько на цѣльбу ея употребить,
Сколь много можетъ вся Антицира родить. [2])
Наслѣдникамъ велѣлъ Ставерій, зря кончину, [3])
Чтобъ раздѣливъ его несмѣтну чемезину,
На плитѣ каждой часть свою изобразилъ;
А естьли бъ кто изъ нихъ сего не учинилъ.
То бъ сто паръ выставилъ за штрафъ бойцовъ, иль болѣ,
Народъ бы угостилъ по Арріевой волѣ, [4])
И столько бъ далъ еще къ тому пшеницы мѣръ,
Колико въ Африкѣ родится на примѣръ.
Исполните, сказалъ, вы по сему условью;
Ни кто мнѣ мачихой не будь, или свекровью,
И худо ль, хорошо ль, иначе не суди,
Но такъ, какъ предписалъ, сей мой завѣтъ блюди.
Разумно поступилъ, какъ думаю, скупяга:
Какого жъ изъ того надѣялся онъ блага,
Что высѣчь сумму ту на камнѣ завѣщалъ,
Которую своимъ потомкамъ отказалъ?
За главной онъ порокъ нищенство въ свѣтѣ ставилъ,
Доколѣ жизнь свою безплодную пробавилъ,

---

[1]) Въ латинскомъ стоитъ elleborus, что значитъ чемерицу; но у насъ обыкновенно чхающимъ здравія желаютъ, думая, будто отъ чиханія головѣ легче бываетъ. Чахотная скупость для того такою названа, что скупой отъ зависти чахнетъ.

[2]) Такъ назывался островъ въ Беотіи, на которомъ весьма много чемерицы расло.

[3]) Ставерій былъ весьма сребролюбивый человѣкъ, который при смерти завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ, чтобъ каждый изъ нихъ означилъ на плитѣ его число денегъ, кои получилъ въ наслѣдство.

[4]) Аррій былъ великій прожора.

И болѣе всего остерегался онъ,
Чтобъ въ суммѣ всей какой не сдѣлался уронъ,
И грошемъ бы однимъ тогда не стался бѣдный,
Какъ жизни придетъ часъ ему уже послѣдній,
За тѣмъ что самъ себѣ казался бъ не хорошъ,
Когда бы у него изъ бездны убылъ грошъ.
По мнѣнію жъ его честь, слова, добродѣтель,
Зависятъ отъ богатствъ, и тотъ всего владѣтель,
Храбръ, славенъ, справедливъ, премудръ, и вся есть всѣмъ,
Кто числитъ тысячи въ имѣніи своемъ.
Великимъ дѣломъ чтя казну онъ неисчетну,
Мнилъ, что доставитъ та хвалу ему все свѣтну.
Не меньшей глупосту слѣдъ Аристиппъ имѣлъ, [1])
Кой бросить золото изъ рукъ рабамъ велѣлъ,
Среди Ливійскихъ странъ путь съ ними продолжая,
Что тягость имъ была препятствіемъ такая,
И не могли за нимъ поспѣшно злата несть:
Котораго жъ изъ сихъ безумнѣйшимъ почесть?
Въ сомнительныхъ дѣлахъ разборъ бываетъ труденъ.
Глупецъ тотъ по своимъ поступкамъ будетъ чуденъ,
Кой множества гуслей накупитъ для того,
Чтобъ только имъ лежать всѣмъ въ кучѣ у него,
А самъ къ игрѣ имѣть не будетъ онъ охоты,
Ни въ тонахъ нѣжности, не въ музыкѣ знать ноты.
Когда бъ сапожному не зная мастерству,
Кто шилья покупалъ, колотки и верьву;

---

[1]) Стертиній показываетъ, что безуменъ и тотъ, кто деньги совсѣмъ презираетъ, которыя въ житіи необходимо нужны. Аристиппъ, греческой философъ, получивъ отъ нѣкоего Мавританскаго царя въ подарокъ знатную сумму денегъ, велѣлъ рабамъ бросить оныя на дорогѣ, потому что они шли тихо.

Когда бы на морѣ во вѣки не бывалой
И склонности къ торгамъ нечувствующъ ни малой
Готовилъ парусы и заводилъ суда;
Достойно долженъ слыть безумнымъ тотъ всегда.
Чѣмъ разнствуетъ отъ сихъ, кто денегъ тьму скопляетъ,
Употребленья жъ ихъ во весь свой вѣкъ не знаетъ,
Не смѣя, какъ къ святымъ вещамъ, коснуться къ нимъ?
Когда бы кто сидѣлъ у ржи съ цѣпомъ большимъ,
Иль протянувшись бдѣлъ сноповъ у кучи цѣлой,
Изъ коей бы зерна голодной и несмѣлой
Хозяинъ будучи самъ не взялъ ни когда,
Но горькая бъ трава была его ѣда;
Когда бы бочекъ сто, но то еще и мало,
Когда бъ до трехъ сотъ ихъ съ напитками стояло,
И Хійское бъ имѣлъ съ Фалернскимъ онъ вино,
А самъ бы пиво пилъ окислое давно;
Когда бъ пуховики храня драгіе въ домѣ,
Лѣтъ слишкомъ въ семьдесятъ валялся на соломѣ,
А тѣ бы въ кладовой моль съѣла наконецъ,
То бъ въ самомъ дѣлѣ былъ великій сей глупецъ;
Но люди рѣдко бы такимъ его признали,
Затѣмъ что сами въ томъ премноги обуяли.
На толь, о врагъ боговъ! блюдешь достатокъ цѣлъ,
Чтобъ въ глоткѣ у сына иль у питомца сѣлъ,
Или чтобъ старой жилъ безъ нужды и изъяна?
Но много ль въ каждой день убудетъ изъ кармана,
Когда ты будешь хлѣбъ, а не мякину ѣсть,
И холей шолуди потщиться обоскресть?
Когда жъ ты малымъ, какъ большимъ, даволенъ равно,
По что радъ кожу снять со всѣхъ и грабишь явно?
Возмнилъ ли бы тебя кто умнымъ почитать,
Когда бъ ты сталъ въ народъ каменьями метать,

Или на купленныхъ рабовъ всегда яриться,
Сердясь, что отъ ребятъ и дѣвокъ нельзя скрыться,
Которые тебя въ слухъ дразнятъ дуракомъ?
Коль паче можно ли сказать, что ты съумомъ?
Когда извелъ жену удавкой, мать отравой? [1])
Ты жъ больше потому въ семъ случаѣ не правой,
Что не у Арговъ мать, и не мечемъ убилъ,
Какъ нѣкогда Орестъ безумно поступилъ [2]).
Иль мнишь, что не было безумія въ Орестѣ,
Пока не обуялъ съ убійствомъ рождшей вмѣстѣ?
Никакъ; онъ съ той поры уже безуменъ сталъ,
Какъ принялъ злобу мысль и дѣйствомъ окончалъ,
Хоть впротчемъ до того зла не явилъ другова.
За кое бъ счесть его могъ за глупца прямово,
Когда ни Пилада мечемъ не погубилъ,
Ни живота сестру Электру не лишилъ [3]),
Лишь только обоихъ въ неистовствѣ злословилъ,
И къ фуріямъ во адъ себѣ тѣмъ путь готовилъ,
То ту изъ нихъ къ себѣ, другую то зовя,
Какія въ бѣшенствѣ лишь вздумать могъ слова.

---

[1]) Кажется, что въ семъ стихѣ Горацій пятнаетъ какого нибудь непотребнаго и злаго Римскаго гражданина.

[2]) Орестъ убилъ мать свою Клитемнестру за то, что она лишила жизни отца его Агамемнона, слѣдовательно тому убійству сожалѣніе причиною было. Онъ же сіе учинилъ надъ безчеловѣчною и неистовою женщиною, и не злобнымъ коварствомъ, но явною силою; почему сребролюбивой тѣмъ гораздо безумнѣе Ореста, что ни гнѣвомъ, ни жалостію побужденъ будучи, но для единаго сребролюбія злодѣйски поступаетъ.

[3]) Пиладъ, Строфіевъ сынъ, былъ великій другъ Агамненону и Оресту, а Электра сестра Орестова, и супруга Пиладова.

Хоть въ деньгахъ по-уши Опимій весь зарылся,
Но въ праздники виномъ Веэнтскимъ веселился 1),
И изъ Кампанскаго пилъ судна, 2) какъ убогъ,
А въ будни пить раку обычной былъ залогъ.
Сонливостію былъ всегдашнею задавленъ,
Надежнымъ сталъ врачемъ и скорымъ такъ воставленъ;
Когда наслѣдникъ вкругъ ключей и сундуковъ
Радъ бѣгая, спѣшилъ добраться до мѣшковъ;
Велѣлъ поставить столъ передъ больнымъ убогимъ,
И деньги высыпавъ считать нарочно многимъ,
И поднялъ словомъ симъ немедленно съ одра:
Когда не бережешь ты своего добра,
То алчный захвативъ наслѣдникъ овладѣетъ.
Какъ, за живо-ль при мнѣ, вскричалъ, то сдѣлать смѣетъ?
А врачъ сказалъ: возстань и бодрствуй для того;
И не забудь притомъ ты наблюдать сего.
Чего? спросилъ больной: твои ослабнутъ силы,
И скоро дойдешь ты безъ пищи до могилы,
Когда не укрѣпишь желудка поскорѣй.
Что медлишь? растворивъ ячменну цежу пей.
Во сколько станетъ та, спросилъ больной, цѣною?
Сказалъ врачъ: льзя купить весьма недорогою.
За сколько-жъ? за-восемь, отвѣтствовалъ, грошей.
Коль такъ, пришло пропасть ужъ головѣ моей,
И отъ болѣзни ли умру, иль отъ грабленья,
Мнѣ все равно. Прошу жъ въ семъ дѣлѣ наставленья,
Кого за умнаго довлѣетъ почитать?
Стертиній рекъ: кого безумнымъ нельзя звать.

---

1) Веэнское вино весьма непріятный вкусъ имѣло.

2) Изъ глинянаго сосуда.

Скупаго ли? спросилъ: [1]) глупецъ онъ и несмысленъ.
Чтожъ, къ умнымъ можетъ ли быть не скупой причисленъ,
Никакъ; а для чего, скажу тебѣ на то:
Когда желудокъ здравъ и крѣпокъ въ людяхъ кто,
Нельзя, сказалъ Кратеръ, [2]) признать, что тотъ здоровой,
За тѣмъ что немощью другой объятъ суровой.
Но встанетъ ли? спроси: оспоритъ онъ и въ томъ,
Что либо колитъ въ бокъ, иль въ головѣ есть ломъ.
Такъ естьли кто живетъ не гнусно, не безбожно,
И жертвуетъ богамъ хранителямъ не ложно,
Однако гордости исполненъ, дерзновенъ,
И сей въ Антициру быть долженъ отвезенъ,
За тѣмъ что все равно, хотя прожить для глотки,
Хотя не брать во вѣкъ ни денежки изъ чотки.
О Сервіѣ идетъ Оппидіѣ сей слухъ, [3])
Что онъ призвавъ сыновъ своихъ при смерти двухъ,
И раздѣляя имъ достатокъ предковъ древній,
Въ наслѣдство каждому оставилъ двѣ деревни,
И каждому слова послѣднія сказалъ:
Когда я, Авлъ, тебя съ игрушками видалъ
И съ полной пазухой орѣховъ между равныхъ,
Что раздаешь въ играхъ разстѣшившись забавныхъ:
И какъ, Тиверій, ты считалъ и пряталъ ихъ;
Боялся, чтобъ въ пути различны обоихъ [4])

---

[1]) т. е., Дамазиппъ у Стертинія, потому что здѣсь идетъ разговоръ между ими.

[2]) Кратеръ былъ искусный медикъ.

[3]) Стертиній представляетъ въ примѣръ Сервія Оппидія, котораго завѣщаніемъ заключаетъ оной вопросъ, кого же разумнымъ почесть можно? Послѣ того о гордости и тщеславіи рѣчь начинаетъ.

[4]) т. е., Оппидій.

Безпутное вело безумство заблужденныхъ,
И чтобъ не приняли вы нравовъ развращенныхъ:
Ты съ Номентаномъ, ты жъ не будь съ Цикутой тожъ.
Одинъ не маль, что есть, другой изъ васъ не множь,
Чего, какъ мнитъ отецъ, для обоихъ довольно,
И болѣе желать по естеству невольно.
Къ тому жъ и клятва въ томъ на васъ моя пребудь,
Коль къ тщетной славѣ вы приложите свой трудъ;
И нижней ли имѣть чинъ будетъ кто, иль вышней,
Останься конче въ томъ безъ прихоти излишней.
Иль мило потерять имѣнье безъ плода,
Чтобъ благосклоненъ былъ народъ къ тебѣ всегда,
Чтобъ на Цирценскихъ ты играхъ былъ предпочтенный, [1])
Или бы образъ твой былъ мѣдянъ сорученный,
Когда лишился ужъ и денегъ и полей;
Чтобъ льву могъ подражать лисицы удалей
И тѣхъ же почестей добиться отъ народа,
Какія обрѣла Агриппина порода? [2])
Почто, Агамемнонъ, ты повелѣнье далъ, [3]).
Чтобъ Аякса никто землѣ не предавалъ?
Я царь, не вопрошай меня, Плебей, ты болѣ,
Доволенъ будь, что судъ даю правдивъ по волѣ:

---

[1]) О Цирценскихъ играхъ сказано выше въ примѣчаніи къ сатирѣ восьмой, книги I.

[2]) Маркъ Агриппа былъ зять цесаря Августа.

[3]) Слѣдующимъ разговоромъ царя Агамемнона съ плебеемъ отпущенникомъ подтверждаетъ Стертиній справедливое Оппидіево завѣщаніе дѣтямъ, чтобъ они чрезъ деньги чести не искали, которой слѣдствія суть властолюбіе, самолюбіе, страхъ, мщеніе, злочестіе, пустые титулы, неукротимой гнѣвъ и другія тѣмъ подобныя, что доказываетъ примѣромъ безумнаго Агамемнона, которой далъ повелѣніе, чтобъ не погребать Аякса.

А естьли кто меня несправедливымъ чтитъ,
Безъ страха мысль свою о томъ да объявитъ.
Великій Государь! Да пошлютъ щедры боги,
Чтобъ покоривъ враговъ и царство ихъ подъ ноги
Благополучно флотъ отъ Трои ты привелъ:
И такъ могу ли быть столь предъ тобою смѣлъ,
Чтобъ вопросить, потомъ отвѣтъ услышать равный?
Не запрещаю въ томъ. Почто герой толь славный,
О Аяксѣ теперь прехрабромъ говорю,
Кой по Ахиллѣ есть второй въ бояхъ, Царю!
Къ истлѣнью по твоей лежитъ поверженъ власти,
Хотя толико кратъ спасъ Грековъ отъ напасти;
Не для ль угодности Пріама и Троянъ,
Чрезъ коихъ внѣ своихъ погибли греки странъ?
Сей тысячу овецъ въ безумствѣ истребилъ, [1])
Крича, что онъ меня съ Улиссомъ поразилъ,
И будто съ нами ужъ кончаетъ Менелая,
Твоя жъ правдиво ли поступка въ томъ такая,
Что дочь на жертву далъ въ Авлидѣ, о презлой, [2])
И окропилъ главу соленою водой. [3])

---

[1]) Причина Агамемнонова гнѣва на Аякса была та, что онъ вознамѣрился лишить жизни Улисса и Менелая, и погубить все войско за уступленіе ими Улиссу Ахиллесова оружія; но божескимъ прещеніемъ до того не допущенъ; ибо онъ пришедъ во иступленіе ума вмѣсто ихъ напалъ на овецъ, и оныхъ побилъ.

[2]) Плебей уличаетъ самаго Агамемнона, которой по совѣту жреца Калхаса дочь свою Іфигенію для умилостивленія боговъ въ Авлидѣ принесъ на жертву.

[3]) Древніе при началѣ жертвоприношенія растворяли въ водѣ молотую рожь и соль, и оною окропляли голову закалаемой жертвы между рогами.

Къ чему слова сіи? кого глупцомъ поставилъ? [1])
Чтожъ Аяксъ заслужилъ? жены не обезглавилъ, [2])
Ни сына, и однимъ Атридамъ лишь грозилъ:
Ни Тевкра онъ, ниже Улисса погубилъ [3])
Я кровію боговъ умилостивить тщился, [4])
Чтобъ отъ Авлиды флотъ щастливо отдалился.
Конечно кровью ты своей склонилъ боговъ:
То правда, что моей, но былъ умомъ здоровъ.
Кто правду видами другими покрываетъ,
И беззаконіе во благо обращаетъ,
Тотъ разумомъ смущенъ и внѣ себя живетъ;
Отъ гнѣва ль, безъ ума ль грѣшитъ, въ томъ разни нѣтъ.
Шалѣетъ Аяксъ, что побилъ овецъ беззлобныхъ:
А ты, кой съ умыслу для титуловъ особныхъ
Въ преступство впадаешь, уменъ ли по сему,
И чистъ ли сердцемъ ты по гордому уму?
Когда бы для волны любя кто овцу чистой,
Чтилъ вмѣсто дочери своей и нѣжилъ истой,
На мягкой бы велѣлъ постелѣ ту носить,
Приставивъ къ ней рабынь, сталъ чисто бы водить,
Копилъ бы деньги ей, звалъ ягодкой наливной,
И за мужъ себя, бракъ не ставилъ бы въ противной;
А Преторъ бы его отъ права отрѣшилъ, [5])

---

[1]) Говоритъ Агамемнонъ.

[2]) Плебей наипаче обличаетъ неправду Агамемнонову, что Аяксъ не убилъ ни жены ни сына, какъ онъ дочь, и грозилъ только словами ему и Менелаю, которые назывались *Атридами*.

[3]) Тевкръ былъ братъ Аяксовъ, а Улиссъ противникъ его, которому оружіе Ахиллесово досталось.

[4]) Агамемнонъ отражаетъ отъ себя знакъ безумства тѣмъ, что онъ кровію дочери своей боговъ умилостивить хотѣлъ.

[5]) т. е., лишилъ бы его наслѣдственнаго права, какъ безумнаго.

И ближнимъ сродникамъ имѣніе вручилъ:
Что, естьли бъ жертвовалъ кто дочь свою родную,
За овцу оную считаючи нѣмую;
То въ цѣломъ ли умѣ и тотъ есть и другой?
Никакъ. И по сему въ комъ глупость съ слѣпотой,
Въ томъ совершенное безумство обитаетъ:
Злонравной завсегда неистовъ вдругъ бываетъ.
Кто хлипкой славы блескъ за верьхъ блаженства чтетъ,
Въ томъ здраваго ума давно померкнулъ свѣтъ.
Представимъ роскоши теперь безпутства злыя,
И сколь безумны той любители прямыя,
Чрезъ Номентановъ мы докажемъ то примѣръ.
Какъ скоро руки онъ въ наслѣдны деньги втеръ,
Не медля рыбаковъ, овощниковъ сбираетъ,
Помады разныя и птицъ ужъ закупаетъ;;
Всю Тусску слободу сзываетъ рано въ домъ, [1])
Разнощиковъ и весь Харьчевниковъ содомъ.
Чтожъ сдѣлалось? пришли великими толпами;
Сталъ сводникъ говорить, такими льстя словами:
Что ни имѣю я, и что ни есть у сихъ,
Вѣрь, какъ бы ужъ въ рукахъ все было то твоихъ;
Возьми хотя теперь, хоть завтра, коль угодно.
Смотри, сколь отвѣчалъ Крезъ новый благородно: [2])
Ты на Луканскихъ спишь обувшися снѣгахъ,
Чтобъ въ ужинъ на моихъ стоялъ кабанъ столахъ;
Ты рыбу ловишь мнѣ, бдя на морѣ зимою:
Не благодаренъ я, богатствъ владѣя тьмою;
Возьми ты десять доль, ты столько жъ, втрое ты,

[1]) Тусская слобода наполнена была самыми непотребными людьми, какіе въ началѣ сатиры второй книги первой исчислены.

[2]) т. е., роскошный Номентанъ. Крезъ былъ весьма богатой Лидійской царь.

Принявшій для меня столь много суеты,
Что вставъ любезная красавица съ полночи,
Прибѣгла вдругъ ко мнѣ, и показала очи.
Езоповъ сынъ, гордясь богатствомъ на показъ,
Сестерцій десять сотъ съѣлъ тысячъ въ малый часъ, [1])
Изъ уха вынувши Метеллы маргариту,
Котору въ уксусѣ онъ поглотилъ размыту.
Конечно стольже бы безумно поступилъ,
Когда бы въ быструю рѣку иль бросилъ въ илъ.
Два брата Арріевъ родъ, пара превосходна, [2])
Вь неистовыхъ дѣлахъ и склонностяхъ злыхъ сходна,
Обыкли купленныхъ великою цѣной
Ѣсть въ ужинъ соловьевъ по прихоти одной.
Добромъ, иль худомъ сихъ обѣихъ должно встрѣтить, [3])
Иль мѣломъ надлежитъ, иль углемъ ихъ замѣтить?
Когда бы малымъ кто обычаемъ дѣтей [4])
Клѣть городилъ, къ возку привязывалъ мышей,
Въ четъ не-четъ бы игралъ, и ѣздилъ на жердинѣ
Съ сѣдою бородой, съ морщиной на морщинѣ;
Тогда бы пальцемъ всякъ, смѣяся, указалъ,
И тотчасъ бы, съ ума сошелъ старикъ, сказалъ.

---

[1]) Другой примѣръ безумной роскоши. Езопъ роскошный, трагическаго Езопа сынъ, всѣхъ вещей трату ни вочто поставляя, вынулъ изъ уха жены своей Метеллы драгоцѣнный камень, и размывъ оной въ крѣпкомъ уксусѣ проглотилъ, дабы отцовское богатство безмѣрною роскошью превзойти могъ.

[2]) Объ Арріѣ смотри выше въ примѣчаніяхъ къ сей сатирѣ.

[3]) т. е., къ добрымъ ли, или къ злонравнымъ ихъ причислить надлежитъ.

[4]) Стертиній начинаетъ говорить о любовной страсти, которая также отъ сластолюбія происходитъ, сравнивая оную съ глупостію малыхъ дѣтей.

Но кажется, что тотъ глупѣе совершенно,
Чье сердце страстію любовной зараженно
И естьли сдравый умъ то прямо подтвердитъ,
И что нѣтъ розни въ томъ, кто какъ дитя шалитъ,
Иль по красавицѣ кто плачетъ неутѣшно;
Скажи, оставишь ли дурачество поспѣшно,
Какъ нѣкогда свой нравъ исправилъ Полемонъ? [1])
Отвергнешь ли со всѣмъ злой роскоши законъ,
Безмѣрно щегольство, спѣсь, нѣгу и затѣи,
Какъ перла Полемонъ связалъ тихонько съ шеи
Отъ Ксенократова ученія и словъ?
Сердитое дитя бѣжитъ прочь отъ плодовъ: [2])
Возьми, любезное дитя; не принимаетъ:
Когда же не даешь, тогда весьма желаетъ.
Любовникъ, съ малымъ кой не можетъ быть сравненъ,
Отъ милой будучи на время отлученъ,
Итти, иль нѣтъ, о томъ крушится, мыслитъ въ горѣ,

---

1) Полемонъ, Аѳинейской юноша, былъ весьма роскошнаго житія и развращенныхъ нравовъ; но по случаю пьяной зашедъ въ школу Ксенокрастову, который тогда разсуждалъ о воздержаніи, такъ перемѣнился, что и самъ послѣ великимъ философомъ сдѣлался. Ксенократъ, Халкидонскій фолосовъ, былъ столь воздерженъ, что когда Лаида объ закладъ билась, что она можетъ его прелестію своею склонить къ своей любви, и какъ въ нѣкоторое время притворившись устрашенною ночью къ нему прибѣгла, и у него всю ту ночь пробыла; то онъ лежалъ неподвижно. Послѣ того будучи принуждаема къ платежу по уговору, сказала, что она о человѣкѣ, а не о статуѣ объ закладъ билась.

2) Изъ не постоянства, обычаевъ и легкомыслія дѣтскаго заключаетъ, что любовь не что иное есть, какъ прямое безуміе. Доказываетъ оное самымъ дѣломъ изъ Терентіевой комедіи, *Федріа* называемой, въ коей весьма страстной любовникъ волнуясь мыслями своими не знаетъ, что дѣлать въ отчаяніи.

Куда бъ безъ просьбы онъ самъ возвратился вскорѣ,
И у дверей торчитъ постылыхъ внѣ ума:
Ниже теперь пойду, хотя зоветъ сама;
Иль лучше всю болѣзнь скончатъ и думы бросить?
Оставила, зоветъ; итти-ли? нѣтъ, пусть проситъ.
Разумнѣйшій слуга вдругъ къ стати молвилъ рѣчь:
Не можетъ дѣло то съ порядкомъ добрымъ течь,
Ниже когда себя разсудку подвергаетъ,
Разсудка въ коемъ нѣтъ, порядка не бываетъ.
Въ любви лишь началась война, вдругъ миръ поспѣлъ.
Когда бъ незапны кто премѣны оныхъ дѣлъ, [1])
Бывающія такъ, какъ бурный вѣтеръ, случайно,
Въ порядокъ привести трудился чрезвычайно;
Не лучшій бы себѣ снискалъ трудами плодъ,
Какъ естьли бъ тщился, чтобъ безумный былъ уродъ.
Когда изъ яблоковъ взявъ сѣмя ты Пиценскихъ, [2])
О склонностяхъ къ тебѣ чрезъ то гадаешь женскихъ,
И радъ, что вскинулъ ты на кровлю то зерно,
Не знакъ ли будетъ, что безуменъ ты давно?
Что естьли языкомъ, старъ будучи, картавишь, [3])
Не тѣ жъ ли клѣти ты ребячьи глупой ставишъ?
Безумство живота презрѣньемъ умножай,
Иль лютостью свое неистовство являй. [4])

---

[1]) т. е., любовныхъ, потому что любовники столь безпокоятся, что на одномъ часу десять перемѣнъ случается.

[2]) Любовники обыкновенно вынимали яблочныя сѣмена, и сжавъ оныя первыми двумя перстами бросали въ тотъ покой, гдѣ жила любовница, надѣясь чрезъ то получить желаемое, ежели оное сѣмя докинутъ до кровли.

[3]) Ежели будучи старъ стараешься нѣжнѣе произносить рѣчи для прельщенія тѣмъ любовницы.

[4]) Сіе есть самое крайнее въ любви безумство, ежели кто для нея жизнь свою опасности подвергаетъ, и иногда для угожденія любовницы убійство чинитъ.

Теперь я говорю: когда убивъ Гелладу
Стремглавъ палъ Марій, чтобъ забыть свою досаду, [1])
Во изступленіи ума случилось такъ;
Ты жъ не виня за то, что Марій былъ дуракъ,
Одно злодѣйство въ немъ, не глупость обличаешь,
И сходны имена вещамъ лишь прилагаешь.

По утру бѣгая по перекресткамъ рабъ, [2])
Кой былъ за старостью сухъ, дряхлъ уже и слабъ,
Съ обмытыми богамъ творилъ мольбу руками:
Единаго, но чтожъ? рекъ важными словами,
Исхитите меня отъ смерти одного,
О боги! вамъ сіе удобнѣе всего.
Всѣ члены рабъ имѣлъ, и всѣмъ здоровъ былъ тѣломъ,
Кромѣ того, что былъ онъ въ разумѣ нецѣломъ,
Какъ господинъ о немъ торгующимъ сказалъ,
Боясь, чтобъ утаивъ, то самъ въ бѣду не впалъ.

Премудрый сихъ людей толпу и постоянный
Въ Меневіевъ Хризиппъ включаетъ родъ пространный [3])

---

[1]) Марій нѣкто отъ несносной любовной страсти нѣкоторую дѣвицу Гелладу лишилъ жизни за то, что она къ нему несклонна была; а послѣ отъ жестокой печали бросившись съ высокаго мѣста самъ убился.

[2]) Наконецъ показываетъ здѣсь безуміе суевѣрныхъ, разумѣя Стоиковъ, коихъ служенію, обрядамъ, почитанію боговъ, обѣтамъ и проч. скрытно насмѣхается. Древніе въ уреченное время года по перекресткамъ приносили жертву домашнимъ богамъ, при которыхъ жертвоприношеніяхъ рабы жрецамъ служили. Горацій не держался никакого закона, и потому не вѣрилъ, чтобъ боги о дѣлахъ человѣческихъ попеченіе имѣли, какъ явствуетъ въ сатирѣ девятой книги первой при концѣ,

[3]) т. е., въ число безумныхъ. Мененіева фамилія суевѣріемъ и безумствомъ весьма обезславлена была. *Хризиппъ*, учитель Стоиковъ.

Горячая мольбу лила о сынѣ мать, [1])
Чтобъ Юпитеръ велѣлъ трясавицѣ отстать.
О ты, кой тяжкими скорбьми людей караешь,
И милуя опять болѣзни прекращаешь!
Когда ты даруешь сбыть съ рукъ сію бѣду,
Въ тотъ день его на Тибръ нагаго приведу,
И должное воздамъ тебѣ благодаренье,
Въ который во твою бываетъ честь пощенье. [2])
Случилось, что болѣзнь по счастью отошла,
Иль тщаніемъ врача исцѣлена была;
Старуха глупая на Тибръ сынка стащила,
И стужею сперва болѣзнь возобновила,
Потомъ и живота лишила бѣдняка!
Чтожъ привело къ шальству? — боялася божка.
Сіи осьмый мудрецъ Стертиній далъ законы, [3])
Чтобъ не-былъ я хулимъ безъ всякой обороны.
Пусть скажутъ люди, что безуменъ я и глупъ;
Не буду для услугъ взаимныхъ онымъ скупъ,
И обличеніемъ самихъ не меньше трону.
Скажи жъ мнѣ: [4]) послѣ толь великаго урону
Когда ты началъ все дороже продавать,
И мудрость за товаръ Стертинія считать,
Какое есть во мнѣ безумство по примѣтѣ,
Затѣмъ что не одинъ родъ глупости на свѣтѣ?
Мнѣ кажется, что я умомъ конечно здравъ.

---

[1]) Другой примѣръ безумнаго суевѣрія.

[2]) Консулами или Преторами назначенный день, въ который празднества въ честь Юпитера отправляемы были.

[3]) Заключаетъ рѣчь свою Дамазиппъ.

[4]) Гарацій вопрашаетъ Дамазиппа.

Пусть такъ: сыновнюю нося главу Агавь, [1])
Казалась ли себѣ неистовой и злою?
Я глупъ, въ томъ признаюсь, и отъ тебя не скрою, [2])
Но паче говорю, что я и сумасбродъ;
Мнѣ только лишь скажи, какой безумства родъ,
Или какой порокъ во мнѣ ты примѣчаешь?
Во первыхъ знай, что домъ огромный затѣваешь, [3])
То есть, мнишь ростомъ быть какъ люди, таковый,
Два фута будучи отъ ногъ до головы,
И станомъ тѣла самъ во всемъ съ Турбономъ ровенъ, [4])
Кой болѣе тебя на поединкахъ славенъ,
Смѣешься крѣпости и поступи его;
Иль смѣха менѣе достоинъ самъ сего?
И кстати ли тебѣ за Меценатомъ гнаться,
Съ которымъ ты ни въ чѣмъ не можешь ввѣкъ сравняться?
Ногою незначай теленокъ наступилъ, [5])
И не большихъ въ гнѣздѣ лягушекъ задавилъ;
Ушедши, матери одна изъ нихъ сказала,
Какъ страшная дѣтей скотина потоптала.
Она спросила, сколь велика та была?
Была-ль съ меня? потомъ вдругъ дуться начала,
И дуясь молвила: такая ль та звѣрина?

---

[1]) Отвѣтъ Дамазипповъ Горацію. Т. е., не удивительно ему, что Горацій самъ себѣ разумныъ кажется, поколику и Агавь, убивъ своего сына Пентея за осмѣяніе бахусова празднества, безумною себя въ томъ не признавала.

[2]) Горацій говоритъ.

[3]) Дамазиппъ отвѣчаетъ.

[4]) Вѣроятно, что Турбонъ былъ глупой карликъ, которой почиталъ себя за Героя, и тѣмъ подавалъ причину къ смѣху.

[5]) Дамазиппъ приводитъ въ примѣръ Езопову притчу о треснувшей жабѣ, показывая тѣмъ, что не должно никому съ богатыми равняться, какъ Горацій сѣ Меценатомъ, кѣмъ вся сатира заключаетси.

Нѣтъ, матушка, еще потребна половина,
Сказала малая лягушка ей въ отвѣтъ:
Такая ли была величиною? Нѣтъ:
Не будешь ей равна, пока раздувшись треснешь,
И также, какъ твои всѣ дѣти, ты исчезнешь.
Сей образъ отъ тебя немного отошелъ.
Прибавь къ тому еще здоръ стихотворныхъ дѣлъ,
Иль лучше такъ сказать, прибавь въ горнъ масла болѣ.
Коль умной кто стихи слагалъ, послѣдуй волѣ;
Не говорю къ тому о бѣшенствѣ твоемъ.
Прошу, о Дамазиппъ, остаться при своемъ,
И по приходу впредь держать твои расходы:
Несчетны дѣвушекъ и щоголей всѣ моды,
И тысяча у нихъ есть прихотей всякъ часъ.
Прости жъ большой дуракъ меньшихъ безумцевъ насъ.

САТИРА IV.

Катій.

Горацій начинаетъ сію сатиру разговоромъ съ Катіемъ, въ лицѣ котораго осмѣиваетъ Епикурейцовъ, какъ въ предъидущей стоиковъ. Сей Катій былъ изъ числа послѣдователей Епикуровыхъ, которой написалъ четыре книги о натурѣ вещей и о высочайшемъ благѣ, которое Епикурейцы въ роскоши полагали, т. е. въ объяденіи и сластолюбіи; чего ради Горацій проситъ Катія, чтобъ ему далъ наставленіе о пріуготовленіи хорошаго обѣда, и показывалъ бы пристойныя къ тому правила.

Откуда, Катій, ты? куда? мнѣ не досужно;
Доводы приложить уставамъ новымъ нужно, [1])

---

[1]) Т. е., подтвердить доказательствами новоизобрѣтенныя поваренныя правила.

Противъ которыхъ бы Сократъ и Пиѳагоръ,
И тщетно бы Платонъ вступить дерзнули въ споръ. [1])
Винюсь, что я спросилъ не въ пору и не къ стати,
Но снесть вину прошу великодушно, Катій!
Когда же пало что въ забвеніе теперь,
Ты вскорѣ приведешь на памать то, повѣрь,
Природный ли сей даръ въ тебѣ, иль плодъ ученья,
Но въ томъ ты и другомъ достоинъ удивленья.
И подлинно одно то въ мысляхъ я имѣлъ,
Какъ должно наблюдать исправно, въ чемъ успѣлъ,
И помнить тонкости мнѣ кратко изъясненны.
Кто жъ именно есть твой учитель просвѣщенный,
И Римлянинъ ли онъ, иль въ нашей гость странѣ?
О имени его дать знать нѣтъ нужды мнѣ,
Лишь правила тебѣ полезныя открою.
Которы яица суть больше долготою, [2])
Вкусняе круглыхъ тѣ и скорлупой бѣляй,
И тѣ, какъ лучшія на столъ ты поставляй,
За тѣмъ что сихъ желтокъ содержитъ плодъ пѣтушей. [3])

---

[1]) Имена трехъ славныхъ древнихъ Философовъ, изъ коихъ первой, былъ всѣхъ премудрѣйшій, и Платоновъ учитель; второй учился физикѣ у Кратона, и первый ввелъ въ свою систему преселеніе душъ въ животныхъ, и для того отъ яденія ихъ воздержаться совѣтовалъ; а третій былъ учитель Аристотелевъ, котораго называлъ муломъ за то что онъ, обучившись у него, школу противъ своего учителя завелъ потому что мулъ мать свою бьетъ копытомъ.

[2]) Древніе ужинъ свой начинали яицами, а кончали яблоками.

[3]) Горацій во всей оной сатирѣ почти явно смѣется невѣжеству Катіеву, которой общему примѣчанію ученыхъ противное совѣтуетъ и за лучшее признаваетъ. Впротчемъ мужеской плодъ въ яицахъ не по долготѣ и бѣлизнѣ оныхъ, а женской не по круглости, но по добротѣ сѣмени бываетъ.

Капуста на поляхъ довольствуется сушей, [1])
И слаще, нежели растуща на грядахъ:
Весь грубъ и плохъ овощь на водяныхъ мѣстахъ.
Когда вечерній гость нечаянно нагрянетъ,
Пріятнѣй курицу ту въ ужинъ кушать станетъ,
Которую велишь живую ты сварить, [2])
И въ кипятокъ вина фалернскаго подлить.
Перемѣнится вдругъ на нѣжный вкусъ суровый·
Растущи на поляхъ грибы весьма здоровы: [3])
Въ другихъ мѣстахъ не столь надеженъ оныхъ родъ.
Кто по обѣдѣ ѣстъ отъ шелковицы плодъ,
Который собранъ съ древъ до солнечнаго всхода,
Тотъ препроводитъ здравъ все лѣтне время года.
Авфидій въ томъ весьма неправо поступалъ, [4])
Что съ крѣпкимъ медъ виномъ фалернскимъ растворялъ;
Пей легкій медъ, когда желудокъ тощій ноетъ,
Затѣмъ что лучше онъ гортань и грудь промоетъ.
Отъ раковинъ простыхъ и щавелю легко
Съ виномъ, которое привозится изъ Ко,
Запоръ перестаетъ, заглохшій нутръ слабѣетъ.

---

[1]) Всѣ писатели о огородныхъ вещахъ согласно подтверждаютъ, что капуста любитъ влажную, а не сухую землю.

[2]) Искусные повора въ нужномъ случаѣ для нѣжности вкуса курицу опущаютъ въ цѣльное вино, а не съ водою смѣшанное, или не требуя ни воды ни вина, колютъ птицъ иглою сквозь мозгъ пропущенною, а иные колютъ ихъ, вливая напередъ носомъ уксусъ съ водою разведенной, и другіе различные способы употребляютъ.

[3]) Сіе несправедливо и медическимъ правиламъ противно, такъ какъ и слѣдующее Катіево наставленіе о шелковичномъ плодѣ.

[4]) Въ семъ и слѣдующемъ Катіевомъ правилѣ о употребленіи дешеваго питія и пищи Горацій явно показываетъ Катіеву подлость духа, которой хотя и хочетъ казаться роскошнымъ, но притомъ безмѣрно скупъ и подлъ, потому что подслащенную свою воду предпочитаетъ изрядному Авфидіеву напитку.

Съ растущею луной вдругъ раковина зрѣетъ;
Но не вездѣ равно удачлива она:
Баянской болѣе Лукринская вкусна, [1]
Цирцейски устерсы въ чести, ежи Мизенски; [2]
Пріятны черепы отверстые Таренски. [3]
Не всякъ же долженъ въ томъ свой разумъ выхвалять,
Что яствы можетъ онъ искусно составлять,
Кто грубъ въ разборѣ ихъ по вкусу межъ собою:
Ниже довольно, чтобъ высокою цѣною
Столъ съ рыбой дорогой на площади скупить,
Когда не знаетъ кто, чѣмъ гостю угодить,
Вкусняе что въ ухѣ, что жареное слаще.
Умбрійскій вепрь, кой ѣстъ одни желуди чаше, [4]
На блюдѣ жирныхъ мясъ нелюбящихъ тяжелъ;
Лаврентскій ото мховъ и тростнику дебелъ,
Отъ коего притомъ и здравіе вредится,
Козъ дикихъ не всегда въ садахъ ловить случиться;
Возмогутъ добрые во вкусахъ знатоки
Ѣсть заяцовъ плодомъ обильныхъ передки. [5]
Натуру рыбъ и птицъ и точныя ихъ лѣта
Я прежде всѣхъ открылъ, и то моя примѣта.

---

1) Катій исчисляя разные роды раковинъ, показываетъ ихъ преимущество одной надъ другою.

2) Такъ насывается косматая морская рыба, круглую фигуру имѣющая, и притомъ большую щеть и иглы.

3) Т. е., созрѣлыя раковины Тарентскія, потому что всѣ двойныя раковины по созрѣніи растворяются.

4) Катій начинаетъ говорить о дичинѣ, и больше хвалитъ того вепря, который питаясь одними желудями имѣетъ твердое и сухое мясо, и потому тяжелѣ, нежели другой, который въ иловатыхъ мѣстахъ мхомъ и тростниковъ питается.

5) Передки у зайцевъ бываютъ всегда суше, нежели задъ, чѣмъ Горацій явно Катіеву невѣжеству насмѣхается.

Иные до того достигли лишь умомъ,
Что знаютъ хлѣбенно печь новымъ образцомъ.
Но не довольно знать одно, презрѣвъ другое;
Такъ, какъ бы тщился кто, чтобъ не-было худое,
И чтобъ изрядное не портилось вино,
Имѣя только то стараніе одно;
А о другомъ радѣть не думалъ бы ни мало,
Какое масло лить въ уху ему пристало.
Въ шампанскомъ черезъ ночь отляжетъ муть совсѣмъ,
Которое стоять на солнцѣ будетъ днемъ,
И запахъ пропадетъ вредящъ сухія жилы:
Теряетъ цѣльной вкусъ процѣженно и силы.
Въ Суррентско кто вино фалернски дрожжи льетъ,
Тотъ голубинымъ илъ желткомъ да соберетъ, [1])
Затѣмъ что ко дну онъ излишнее притянетъ.
Разслабленный отъ винъ питухъ живяе станетъ,
Кой жареныхъ морскихъ съѣстъ раковъ пять иль шесть,
Иль Африканскія улитки будетъ ѣсть;
А напротивъ того салатъ внутри всплываетъ,
И крѣпкаго съ питья желудка не смягчаетъ.
Какъ то нибудь, однакъ надежнѣй ветчина
И калбасы манятъ къ ѣдѣ вкусъ отъ вина:
Вдругъ вмѣсто сладкихъ яствъ питухъ желаетъ жадно,
Что ни готовится въ корчмахъ нечистыхъ смрадно. [2])
Двоякой знать ухи отмѣну надлежитъ:
Изъ масла свѣжаго простая состоитъ,

---

1) Винопродавцы не желткомъ, но бѣлкомъ илъ отъ вина оттягиваютъ.

2) Пьяницы, имѣя испорченный ко всему вкусъ, обыкновенно любятъ кислое, соленое и горькое, напримѣръ огурцы, сельди, рѣдьку и проч.

Изъ цѣльнаго вина и соку рыбъ другая;
Тотъ раковина сокъ пусть дастъ тебѣ морская.
Съ иссѣченными все травами то смѣшай,
И съ корическимъ вдругъ вскипѣть шафраномъ дай;
Венафрской маслины потомъ влей тутъ же соку.
Въ пиценскихъ яблокахъ тибуртскихъ больше проку, [1]
Затѣмъ что красота и вкусъ нѣжняе въ нихъ:
Венузски ягоды рви для приправъ однихъ;
Албанскія живутъ сушеныя изрядны.
Я съ яблоками ихъ, густой сокъ виноградный,
И сельди, бѣлую горчицу, сѣру соль
Просѣявъ, поставлялъ вкругъ чистыхъ блюдъ на столъ;
И первый показалъ ту новую я моду.
Кто по три тысячи имѣетъ въ годъ расходу,
И платитъ за харчи цѣною дорогой,
Чтобъ въ скудости явить достатокъ могъ большой,
На тѣсномъ блюдѣ рыбъ великихъ представляя;
Порочна естъ тому поступка таковая.
Мерзитъ и дѣлаетъ слуга въ желудкѣ зудъ,
Какъ сальнаю рукой берется за сосудъ,
Котораго куски хватая ѣстъ съ оглядкой,
Или какъ подаетъ отъ рукъ нечистыхъ гадкой.
Великъ ли можно въ томъ убытокъ понести,
Чтобъ скатерти обмыть и съ полу соръ смести,
И въ домѣ содержать все чисто и прелестно?
Когда жъ пренебрежешь сіе, весьма безчестно.
Пристойно ль помеломъ месть мраморны полы,
И Тирской пурпурой крыть грязныя столы,
Забывъ, что всякъ тебя за то осудитъ прямо,
Когда ты чистоты хранить не станешь тамо,

---

1) Катій кончитъ столъ яблоками, по древнему обыкновенію.

Гдѣ меньшій трудъ и коштъ потребно потерять,
Какъ чтобъ богатыя пирушки затѣвать,
Которы толстому карману не изъяпны,
Премудрый Катій! путь открой къ тому желанный [1])
Для дружества и для базсмертныхъ мнѣ боговъ;
Я слѣдовать, куда ни поведешь, готовъ,
Чтобъ научиться могъ полезной столь науки.
Хоть твердо разсказалъ мнѣ все, какъ азъ да буки,
Однако нельзя мнѣ заочно такъ успѣть,
Какъ есть ли бы лице и образъ могъ я зрѣть
Открывшаго тебѣ толикій свѣтъ ученья.
Блаженъ, что ты его сподобленъ лицезрѣнья,
Затѣмъ что зрѣть тебѣ случилося его.
Сколь много бъ счастіемъ своимъ я веселился,
Когда бъ не тщетно въ томъ, чемъ льщу себя, трудился,
Чтобъ до источниковъ могъ дальныхъ доступить,
И воду здравую блаженной жизни пить.

САТИРА V.

Уиссъ.

Вся оная сатира ведена разговоромъ между Улиссомъ и тѣнію прорицателя Тирезія, котораго Улиссъ вопрошаетъ, какимъ бы способомъ потерянное чрезъ бѣдствія и любовниковъ жены его имѣніе пріобрѣсть могъ. Горацій постороннимъ образомъ пятнаетъ въ ней искателей наслѣдства и изъясняетъ способы, коими оное получается. Между тѣмъ укоряетъ Римлянъ за то, что они богатство выше всего поставляютъ.

---

[1]) Горацій съ потаенною насмѣшкою проситъ Катія, чтобъ открылъ ему столь полезную науку, которая въ самомъ дѣлѣ важнымъ и благороднымъ людямъ совсѣмъ не нужна.

Сверхъ случаевъ, тобой предсказанныхъ мнѣ прежде,
Колеблемую мысль въ сомнительной надеждѣ
Совѣтомъ подкрѣпи, Тирезій, и умомъ,
Какую предпріять мнѣ должно хитрость въ томъ,
Какія могутъ быть къ тому довольны средства,
Чтобъ возвратить добро потеряно чрезъ бѣдства?
Что развѣ вздумалъ ты смѣяться надо мной? [1])
Не можешь ли хитрецъ, доволенъ быть судьбой,
Что ты въ отечество щастливо возвратишься,
И зрѣніемъ твоихъ домашнихъ насладишься?
Воззри, о праведный гадатель збытія! [2])
Сколъ возвращуся въ домъ убогъ и бѣденъ я,
Какъ предвѣщаешь мнѣ о томъ неложно нынѣ.
Въ чужія руки сплылъ скотъ и запасъ въ отчинѣ, [3])
Что больше? пропадай и рода знать и честь,
Какъ пусто все въ рукахъ, и нечего ужъ ѣсть.
Когда нищетства ты за подлинно страшишься, [4])
Вотъ способъ, коимъ вдругъ опять обогатишься:
Дроздъ, иль другой какой родъ рѣдкой дикихъ птицъ [5])
Пускай летитъ на столъ роскошный нѣжныхъ лицъ,
У коихъ въ старости богатства блещутъ пышны,
Сотъ, сладки яблоки, созрѣлы сливы, вишни,

---

[1]) Тирезій говоритъ Улиссу.

[2]) Рѣчь Улиссова.

[3]) Всѣмъ моимъ домашнимъ имѣніемъ завладѣли любовники моей жены.

[4]) Тирезій показываетъ Улиссу способъ, какъ ему отъ нищеты избавиться.

[5]) Т. е., всякую рѣдкую вещь и новинку, прежде нежели оную принесешь въ жертву домашнимъ богамъ, отошли въ даръ богатому, и тѣмъ засвидѣтельствуй, что ты его больше, нежели божка, почитаешь.

И все, что тучная земля ни принесетъ,
До принесенья жертвъ пускай богачъ пожретъ.
Каковъ бы ни былъ тотъ, хотябъ онъ былъ не знатный,
Хотя бы бѣглой рабъ, или убивецъ братній,
Тщись съ боку подольнутъ къ нему, когда есть прокъ,
Я ль Дамѣ подлецу собой закрою бокъ? [1])
Не такъ я велъ себя, когда ходилъ подъ Трою,
Но лучшему тогда не уступалъ герою,
Такъ будешь нищъ. [2]) Потщусь великодушнымъ быть,
Какъ нѣкогда я могъ и горше зло сносить.
О томъ ты мнѣ пророчь теперь скоряй, откуда
Мнѣ новой придетъ кладъ, и ржавыхъ денегъ груда?
Уже я говорилъ, [3]) и говорю опять:
Старайся хитростью наслѣдства присвоять,
И старыхъ уловлять обманомъ потаеннымъ.
Когда же способамъ нѣтъ мѣста ухищреннымъ,
И тотъ или другой, обгрызши червяка,
Отъ уды побѣгутъ и цѣпкаго крючка, [4])
Однакъ не долженъ ты остаться безнадеженъ,
Но въ промыслѣ своемъ тщись больше быть прилѣженъ.
Большой ли, малой ли случится споръ въ судѣ,
Старайся стряпчимъ быть и угождать вездѣ;

---

[1]) Улиссъ отвѣчаетъ Тирезію: Пристойно ли мнѣ, какъ ты совѣтуешь, съ негодницею и подлецомъ Дамою итти рядомъ по лѣвую сторону.

[2]) Слова Тирезіевы, послѣ которыхъ слѣдуетъ рѣчь Улиссова.

[3]) Тирезій.

[4]) Прилогъ взятъ отъ рыбъ, которыя иногда слегка за червяка принимаются, и почувствовавъ скрытой обманъ прочь отбѣгаютъ; но коль бы рыба осторожна ни была, однако не всегда удается, чтобъ она не поймана была; такъ и хитрые старики будучи задарены рѣдко лукавствомъ не уловляются.

Разсматривай при томъ, кто густъ изъ двухъ, бездѣтенъ, [1])
Дружа во всемъ тому, чей вѣкъ не долголѣтенъ.
Хотя бъ по дѣлу былъ не правъ и правомъ худъ,
И праваго бъ съ собой другаго позвалъ въ судъ;
Однако защищай, презрѣвши гражданина,
Кой честенъ будучи имѣетъ дома сына,
Иль плодовитую жену уже на дняхъ.
Пріятно ласкова щекотитъ рѣчь въ ушахъ: [2])
Твое пріятство, Квинктъ иль Публій, обязало,
Чтобъ дружество моей услугой тверже стало.
На обѣ стороны судъ вертокъ, знаю я,
И будетъ правѣе, повѣрь мнѣ въ томъ, твоя.
Скоряе выколеть глаза мнѣ всякъ изъ тѣла,
Не жь раззоритъ тебя плутъ изъ пустова дѣла.
Я на себя беру весь судъ къ тому привесть,
Чтобъ ты отнюдь не могъ убытку въ чемъ понесть,
И чтобы надъ тобой соперникъ не смѣялся.
Вели, чтобъ шелъ домой, безъ думы бы остался. [3])
Самъ, вызнавъ дѣло, такъ какъ за себя, вступись;
Въ однихъ стоять рѣчахъ не позабудь; крѣпись,
Хоть треснутъ въ песьи дни безмолвны пни отъ зною,
Хотя сѣдой падетъ на Альпы снѣгъ зимою. [4])
Тутъ локтемъ кто нибудь изъ близь стоящихъ ткнетъ,

---

[1]) Т. е., держи сторону того, кто изъ двухъ судящихся персонъ богатъ, бездѣтенъ и старъ.

[2]) Показываетъ приступъ, какимъ образомъ подольститься можно къ старику Квинктію или Публію. *Квинтій* и *Публій* имена вымышленныя.

[3]) Т. е., оставь сего старика въ покоѣ и несомнѣнной на тебя надеждѣ.

[4]) Т. е., презирай сильный лѣтней жаръ, и жестокую стужу для богача, за котораго ты въ судъ пойдешь.

И на ухо другимъ такъ о тебѣ шепнетъ:
Смотри, сколь терпѣливъ, услужливъ; кто сильнѣе?
На рыбу будетъ клювъ, и ловля прибыльнѣе. [1])
Кромѣ того, когда здоровьемъ слабый сынъ
Воспитанъ у отца въ довольствіи одинъ,
То, чтобъ чрезъ явныя услуги одинаку [2])
Не могъ ты хитрости своей явить признаку,
По малу и сего любовь пекись снискать,
И къ совершенію надежды достигать.
Вторымъ включитъ тебя наслѣдникомъ въ духовной,
И естли кончитъ жизнь свою наслѣдникъ кровной,
Порожнее по немъ заступишь мѣсто ты,
Современемъ твои всѣ будутъ животы,
Затѣмъ что рѣдко кость сія неправду скажетъ [3]):
А естьли кто тебѣ духовную покажетъ;
Какъ будто не твое то дѣло, видъ являй,
Урывкомъ пробѣги межь тѣмъ изъ края въ край,
И быстрыя раскинь для знанія зѣницы,
Что во второй строкѣ содержится таблицы,
Одинъ ли въ оной ты наслѣдникомъ включенъ,
Иль вмѣстѣ съ многими къ наслѣдству допущенъ.
Подъячей, кой слинялъ всѣ промотавши взятки, [4])

---

[1]) Симъ способомъ приманишь ты къ себѣ множество подобныхъ стариковъ, которые будутъ искать твоей защиты.

[2]) Т. е., такому отцу, который объ одномъ сынѣ, откуда происходитъ *одиночество*.

[3]) Такъ говорится о неизвѣстной удачѣ, когда дѣло не отъ нашей воли, но отъ щастія зависитъ.

[4]) Писцы, посланные съ проконсулами и другими начальниками въ провинціи, смѣняясь продавали свои мѣста, и по прошествіи нѣкотораго времени снова въ тѣже должности опредѣляемы были. Такой былъ Коранъ, который женился на дочери Назикиной, обѣщавъ тестю вручить по себѣ все свое наслѣдство, въ чемъ его обманулъ. Тирезій при исканіи наслѣдства совѣтуетъ Улиссу быть осторожну.

11

И сталъ опять пушистъ чрезъ прежнія ухватки,
Заставитъ ворона со временемъ зѣвать, [1])
Писецъ Коранъ начнетъ Назику осмѣвать,
Что тщетно будетъ въ немъ искать своей корысти.
Не допрыгнетъ лиса до виноградной кисти. [2])
Никакъ смѣешься мнѣ, иль ты съума сошелъ, [3])
Что темныя сіи теперь слова запѣлъ?
Что сбудеться, иль нѣтъ, Улиссъ, гадать я силенъ:
Великій Аполлонъ сей даръ мнѣ далъ обиленъ.
Однако истолкуй, что баснь сія значитъ.
Какъ храбрый Юноша злыхъ Пареянъ устрашитъ, [4])
Ведущій дальній родъ отъ древняго Энея,
Кой моремъ и землей, прославится, владѣя;
То за Корана дочь Назики посягнетъ,
Въ надеждѣ, что къ отцу наслѣдство перейдетъ,
Кой все приданое дать зятю пожалѣетъ.
Взаимно тотъ ему въ духовной порадѣетъ,
И оную вручивъ, чтобъ челъ, начнетъ просить:
Назика отъ него прочь будетъ отходить,
Но взявши наконецъ тихонько прочитаетъ,
И найдетъ, что одни лишь слезы оставляетъ.

---

[1]) Т. е., насмѣется Назикѣ. Тирезій говоритъ о будущемъ времени, какъ прорицатель. Извѣстна Езопова притча о воронѣ, который сидя на высокомъ деревѣ держалъ во рту кусокъ сыру, и когда лисица похвалила его изрядный голосъ, то онъ разинувъ ротъ добычу свою выронилъ.

[2]) Т. е., не получитъ Назика желаемаго наслѣдства. Также примѣръ взять изъ Езоповой притчи о лисицѣ, которая прыгая не могла достать виноградной кисти, и для того оставя оную, будто незрѣлую, ѣсть не хотѣла.

[3]) Улиссъ негодуетъ на Тирезія, что онъ говоритъ ему весьма не ясно.

[4]) Тирезіи рѣчь свою изъясняетъ. *Храбрый юноша*, т. е. Цесарь Августъ, который Пареянъ побѣдилъ.

Къ тому жъ еще велю тебѣ я наблюдать:
Какъ глупымъ старикомъ случится управлять
Дворецкому, или прислужницѣ лукавой,
Товарищемъ имъ будь, хвали поступокъ правой,
Чтобъ за-очи тебя хвалили и они;
И то тебѣ въ свои полезно будетъ дни.
Коль паче самому услуживать старайся;
Худые ли стихи слагаетъ, удивляйся;
Прелюбодѣй ли онъ, ты прозьбу упреди;
Кто щедрѣе, къ тому Пенелопу сведи. [1])
Пойдетъ ли честна столь жена и благонравна, [2])
Коль не могли прельстить любовники издавна?
Да, щоголи большихъ подарковъ не даютъ;
Обыкли прилагать для брюха большій трудъ,
Нежь склонность получить стараются любезной.
Вотъ какъ не портится Пенелопы нравъ честной:
Когда бъ изъ старика хоть разъ пожала сокъ,
И раздѣлила бы съ тобою барышокъ,
То столь же бы на путь привелъ жену ты первый,
Какъ трудно отогнать пса палкою отъ стервы.
Скажу, что здѣлалось на памяти моей:

---

[1]) Пенелопа, жена Улиссова, была весьма благонравная. Сими словами, Горацій язвитъ Римлянъ, которые женъ своихъ, впротчемъ стыдливыхъ и честныхъ, для полученія наслѣдства неволею отводили къ старикамъ прелюбодѣямъ.

[2]) Тѣ, кои старались склонить къ любви Пенелопу, были не столь достаточны, чтобъ при такихъ случаяхъ великую щедрость оказывать и богатые подарки давать могли, потому что они больше о роскоши стараются; а старики зараженные любовною страстью ни чего не жалѣютъ, и для того которая хотя разъ и неволею оказать склонность принуждена будетъ, то полученная великая отъ того прибыль столь будетъ пріятна, сколь страсть неутолима.

Старуха Өивская по смерти несть своей
Себя наслѣднику нагому завѣщала,
И чтобъ хоть мертвая изъ рукъ его упала,
Обмазать масломъ трупъ нагой велѣла вкругъ;
Что можетъ быть хотѣлъ сыскать наслѣдство вдругъ [1])
Ты пролагать къ тому слѣдъ долженъ осторожно;
Старайся угождать умѣренно, какъ можно.
Кто строгъ и нравенъ, тотъ не любитъ болтуновъ;
Однако для сего не будь совсѣмъ безъ словъ,
Но комическимъ быть ты Давомъ да потщишься; [2])
Потупя голову стой, какъ чего боишься:
Всѣ мѣры для услугъ ему употребляй;
Когда порывной вѣтръ подуетъ, представляй,
Чтобъ онъ покрывъ главу, берегъ животъ безцѣнной;
Тащи на раменахъ вонъ изъ толпы стѣсненной;
Подставь ему ушко ко всякому словцу;
Коль нравны похвалы излишнія глупцу,
Хвалами возноси тщеславнаго до толѣ,
Пока онъ руки вздѣвъ, вскричитъ: чего жъ мнѣ болѣ?
И отъ паровъ давно раздувшійся пузырь
Словами пышными и льстивыми разширь. [3])
Какъ кончитъ смерть его твой трудъ и службу скучну,
Познаешь долю ты твою благополучну;

---

[1]) Тирезій симъ примѣромъ учитъ Улисса, чтобъ онъ искалъ наслѣдства, но не весьма примѣтно и упорно. Сія старуха нарочно велѣла трупъ свой масломъ вымазать, чтобъ хотя мертвая изъ рукъ наслѣдника выскользнуть могла, отъ котораго за живо не могла вырваться.

[2]) Имѣй поступки такія, какія услужливому и проворному слугѣ приличны, каковъ Давъ въ Терентіевой комедіи представляется.

[3]) Весьма изрядно чрезъ раздутой пузырь самолюбца, а чрезъ пышныя слова тщетныя хвалы изображаетъ.

А не услышавъ въявь сихъ точныхъ словъ, не льстись:
Четвертой части будь наслѣдникомъ Улиссъ.
Тогда уже скажи: на свѣтѣ дамы нѣту! [1])
Лишившись вѣрнаго дружка, лишился свѣту!
Усыпь цвѣтами одръ, хоть мало слезъ пролей:
Притворнымъ радость скрыть лицемъ всего нужнѣй.
Богатое отправь, какъ должно, погребенье,
Коль будетъ на твое дано соизволенье.
Сосѣди честный зря обрядъ со всѣхъ сторонъ,
Великолѣпіе похвалятъ похоронъ.
Когда жъ изъ старшихъ кто товарищей въ наслѣдствѣ
Захочетъ домъ купить иль вотчину въ сосѣдствѣ,
А самъ подъ старость горбъ таскаетъ за спиной,
И ту же видитъ ужъ могилу предъ собой;
Тому изъ части ты твоей радѣть потщися,
И малу цѣну взявъ отъ дому отступися.
Но Прозерпина мнѣ велитъ теперь молчать: [2])
Прощай, желаю вѣкъ щастливо пребывать.

САТИРА VI.

Загородной домъ.

Въ сей сатирѣ стихотворецъ, описывая пріятное увеселеніе своей деревни, похваляетъ выгоды и безопасность деревенскаго житья, а напротивъ того упоминаетъ о безпокойствахъ, которыя онъ въ угодность Меценату, живучи въ городѣ, имѣлъ; чѣмъ доказываетъ, что деревенское житье спокойнѣе, нежели городское.

---

[1]) *Дама* разумѣется тотъ богатой подлецъ, котораго Улиссъ презиралъ.

[2]) *Прозерпина* адская богиня, которая надъ тѣньми умершихъ власть имѣла.

Желалъ имѣть земли посредственной удѣлецъ,
Гдѣбъ собственной я былъ деревнишки владѣлецъ,
Гдѣбъ вѣчной близь двора источникъ водъ бѣжалъ,
И не большой съ сторонъ лѣсъ все то окружалъ;
Но больше даровать боговъ судилось волѣ.
Доволенъ, и къ тому я не желаю болѣ,
Какъ только, чтобъ сей даръ тобою былъ хранимъ,
Меркурій! Чтобъ всегда считался онъ моимъ,
Когда имѣнье то я не стяжалъ алчбою,
Ни расточу его поступкой мотовскою,
Когда такихъ выгодъ безумно не прошу,
О естьли бъ ближней край прешелъ въ мою межу, [1])
Которой въ нашу палъ противъ размѣру дачу!
О естьли бы я кладъ найти имѣлъ удачу!
Какъ тотъ наемщикъ, кой сокровище обрѣлъ, [2])
И съ Геркулесовой руки разбогатѣлъ;
Купивши землю ту наемну суммой сею;
Когда благодарю за то, что я имѣю.
Въ сей часъ тебя прошу я и молю весьма,
Чтобъ тученъ скотъ мой былъ, и все, кромѣ ума, [3])
И чтобъ, какъ ты обыкъ, хранилъ меня всечасно.

---

1) Безумное желаніе завидливыхъ людей показывается.

2) Геркулесъ почитался хранителемъ и раздавателемъ сокровищъ. Нѣкоторой наемщикъ земли просилъ его, чтобъ наградилъ какимъ нибудь благополучіемъ, коего Геркулесъ отведши къ Меркурію, показалъ ему желаемое сокровище. Земледѣлецъ выкопавъ оное купилъ туже самую землю, которую прежде нанималъ, и по прежнему въ земледѣльствѣ упражнялся, чѣмъ явно сказалъ, что онъ никакимъ щастіемъ доволенъ быть не можетъ.

3) Отъ сластолюбія тупѣетъ разумъ, и глупаго разумъ *толстымъ* простой народъ называетъ, какъ говорятъ: *крупно и толсто смыслишь,* т. е. худое понятіе имѣешь.

И такъ я живучи въ деревнѣ безопасно,
Не знаю, что въ моихъ приличнѣй пѣть стихахъ,
Какъ сатировъ, лѣса и злаки на поляхъ.
Отъ злости воздуха и вѣтровъ не робѣю, [1])
И въ осень развозя поклоны не колѣю;
Чрезъ погребальный торгъ прибытковъ не ищу, [2])
Въ надеждѣ, что себя чрезъ то обогащу.
Вспомочникъ въ утреннихъ трудахъ, къ тебѣ взываю,
О Янъ! И сихъ стиховъ начало посвящаю,
Кой избранъ лишь на то едино отъ боговъ,
Чтобъ всякой отъ тебя начатки велъ трудовъ.
Повѣреннымъ спѣшу стать въ Римѣ я по другѣ, [3])
Кой нудитъ, чтобъ другой не помѣшалъ въ услугѣ. [4])
Хотя свирѣпой вѣтръ, взвѣвая прахъ, оретъ,
Хоть лютая зима короткой день даетъ,
Но нельзя отъ того для друга отказаться.
Потомъ, какъ принужденъ въ чемъ буду обязаться
И не-хотя въ судѣ о дѣлѣ хлопотать,
Судящихся толпу мнѣ придетъ разгонять,
И поздо явльшихся къ суду обидѣть смѣло,
Когда предъупрежду, и ихъ испорчу дѣло.
Однакъ сердясь меня торопитъ глупой такъ, [5])

---

[1]) Говоритъ о выгодахъ деревенскаго житья.

[2]) Въ древнія времена продавали публично принадлежащія до похоронъ вещи при нѣкоторой рощѣ, посвященной богинѣ Либитинѣ, присутствовавшей при погребальныхъ церемоніяхъ.

[3]) Исчисляетъ труды безпокойной и тягостной городской жизни.

[4]) Т. е., понуждаетъ скорѣе итти за себя въ судъ, чтобъ другой предупредивъ его прозьбу о собственномъ дѣлѣ, не воспрепятствовалъ ему оказать свою услугу, потому что въ такомъ случаѣ надлежало бы ожидать окончанія посторонняго дѣла.

[5]) Другъ Гораціевъ, котораго ему на судѣ защищать должно, совѣтуетъ напередъ итти къ Меценату, представляя, что помощію его все дѣло безъ дальнихъ хлопотъ обойдется.

Пустое затѣвать ты думаешь, дуракъ;
Не будетъ въ томъ тебѣ ни мало затрудненья,
Лишь къ Меценату ты прибѣгни безъ медленья,
И дѣло все ему подробно разскажи.
Мнѣ лучше нѣтъ сего; не стану путать лжи. [1])
Какъ только я къ его пришелъ въ Эсквилы дому,
Услуживать тому сталъ долженъ и другому;
Увидѣлъ вдругъ сто дѣлъ еще передъ собой.
Тотъ проситъ заступить, совѣтъ подать иной,
Отъ Росція другой съ поклономъ ожидаетъ,
Чтобъ завтра въ Путеалъ шелъ рано, умоляетъ, [2])
И чтобы за него замолвилъ слово я.
Вдругъ нужда общая съ приказными моя
Велитъ, чтобъ съ ними тамъ севодни жъ повидался. [3])
Проси, чтобъ Меценатъ подъ дѣломъ подписался,
Напросливый твердитъ пріятель мнѣ разъ сто.
Отвѣдаю, сказалъ. Коль хочешь, можешь то. [4])
Со времени того семь лѣтъ преходитъ цѣлыхъ, [5])
Какъ Меценатъ меня для шутокъ лишь веселыхъ
Достойнымъ своего быть дружества вмѣнилъ,
И всюду для того съ собой меня возилъ,
Чтобъ скуку прогонялъ чрезъ разговоръ забавной:
Которой идетъ часъ? въ бояхъ Траксъ Сиру равной; [6])

---

[1]) Горацій принимаетъ за благо совѣтъ друга своего.

[2]) *Путеаломъ* называлось судебное мѣсто, гдѣ преторъ судъ давалъ обидимымъ.

[3]) Прежде суда надлежитъ повидаться съ приказными, для благодаренія за такую услугу, которой они еще не оказали.

[4]) Пріятель Горацієвъ говоритъ.

[5]) Горацій объявляетъ время съ котораго Меценатомъ знаемъ сталъ.

[6]) Такіе были разговоры для препровожденія времени, *Траксъ* и *Сиръ* имена поединщиковъ.

Морозы по утрамъ жестокіе стоятъ,
И щиплютъ, здравія которы не хранятъ.
Употребляли мы въ бесѣдѣ лишь бездѣлки,
Не труся, что скользнутъ вонъ сквозь ушныя щелки. [1])
Подверженъ зависти всякъ день и часъ я былъ;
Почтенной подлости дивясь, иной твердилъ;
И нашъ смотрѣлъ игоръ съ нимъ вмѣстѣ Рыцарь мнимой; [2])
Игралъ на площади Фортуны сынъ любимой, [3])
Свербящей ненависть чесала тамъ языкъ.
Промчался ли гдѣ слухъ, хоть малъ, хотя великъ,
Ужъ всякой въ робости по перекресткамъ рыщетъ,
И новыхъ вдругъ вѣстей, встрѣчаясь, всюду ищетъ:
Не слышалъ ли чего о Дакахъ ты, дружокъ, [4])
Затѣмъ что лучшій въ томъ ты долженъ быть знатокъ,
Имѣя къ знатнѣйшимъ свободный доступъ въ домы?
Тѣ вѣсти, говорю, отнюдь мнѣ не знакомы.
Не первое тебѣ смѣяться надъ людьми;
Скажи нескрытно, другъ, и не всегда глуми.
Пусть боги такъ меня караютъ, отвѣчаю,
Какъ естьли зная что я отъ тебя скрываю.
Гдѣ Цесарь обѣщалъ дать воинамъ поля?
Италія ль, иль Сицильская земля
Назначена для нихъ, скажи другъ, къ межеванью?

---

[1]) Не опасаясь, что наши рѣчи наружу выдутъ, потому что они не важныя и не тайныя.

[2]) Завистники Гораціевы, насмѣхаясь ему, говорили, что и онъ вмѣстѣ съ Меценатомъ при позорищахъ народныхъ присутствовалъ.

[3]) *Фортуны сынъ* значитъ совершенно благополучнаго человѣка, какимъ Горація для дружества Меценатова почитали.

[4]) Сей народъ бунтовалъ тогда противъ Римлянъ. Горацій говоритъ здѣсь съ охотникомъ до новизнъ, которой любопытствуя безпокойство ему причиняетъ.

Дивятся моему глубокому молчанью,
И особливо чтутъ за крѣпкаго меня,
Что я въ незнаніи божусь, себя кленя.
Межъ тѣмъ проходитъ день въ пустомъ ни за полушку.
Когда увижу я любезну деревушку!
Когда веселу жизнь имѣть удастся мнѣ,
Книгъ древнихъ въ чтеніи, въ забавахъ и во снѣ [1])
Пріятныя часы спокойно провождая,
И городскихъ суетъ, мятущихъ мысль, не зная!
Дождусь ли я когда щастливой той поры,
Чтобъ, позабывъ совсѣмъ роскошные пиры,
Могъ, Пиѳагоровой родней, бобомъ питаться [2])
Иль овощемъ простымъ, но вкуснымъ наслаждаться?
О ночи сладкія! О пиршества боговъ!
Чѣмъ самъ съ домашними доволенъ безъ трудовъ,
И слугъ остатками безпечныхъ насыщаю!
На волю пить гостямъ, какъ правно, оставляю,
И у меня для нихъ законовъ глупыхъ нѣтъ,
Стаканомъ ли большимъ, иль чаркою кто пьетъ,
И въ мѣру веселъ быть благоразумно тщится.

---

1) Стихотворецъ полагаетъ троякое увеселеніе деревенскаго житья, а именно: чтеніе книгъ древнихъ писателей, забавы, отдохновеніе по трудахъ, и сонъ, коими живучи въ городѣ безъ помѣшательства наслаждаться не можно.

2) Пиѳагоръ отъ всѣхъ животныхъ воздерживался, для мнимаго имъ переселенія душъ, также и бобовъ не ѣлъ для того, что оные чрезъ нѣсколько времени будучи содержаны въ мѣдномъ ковчежцѣ, когда еще зелены, кровяной видъ получаютъ; и для того, какъ о немъ повѣствуется, лучше желалъ попасться въ руки разбойниковъ, нежели перейти черезъ поле, на которомъ бобы растутъ; потому что онъ сомнѣвался, не заключена ли въ нихъ душа отца его или другаго сродника, въ чемъ Горацій его и послѣдователей онаго осмѣиваетъ.

Никто о вотчинахъ чужихъ не суетится,
И о богатыхъ тутъ домахъ не говорятъ,
Ни худо ль, хорошо ль умѣетъ Лепъ плясать; [1])
Но идетъ тихая бесѣда тутъ любезно
О томъ, что нужно, что знать умному полезно:
Въ богатствѣ ли людей блаженство состоитъ,
Иль въ добродѣтели, кто прямо ону чтитъ?
И польза ль къ дружеству насъ больше привлекаетъ,
Иль честной нравъ къ любви взаимной побуждаетъ?
Прямое благо въ чемъ должны мы познавать,
И что въ немъ надлежитъ за главное считать?
Межъ тѣмъ, какъ богача Арелла хвалятъ, Червій
Не даромъ сказывать сталъ бабью сказку первый. [2])
Сошлися вмѣстѣ двѣ подруги межъ собой, [3]
И полевая мышь увидясь съ городской,
Просила посѣтить свою убогу нору,
Гдѣ грубо жизнь вела сурову безъ разбору,
Натасканнымъ въ запасъ довольствуясь харчемъ:
Но чтобы угодить спесивой гостьѣ чемъ,
Безъ дальнихъ къ ней учтивствъ вдругъ стала таровата,
И подчивала всѣмъ, чѣмъ ни была богата.
Довольно нанесла гороху и овса,
И винограду, кой рождали ей лѣса;
Оглоданныхъ мословъ ветчинныхъ не жалѣла;

---

[1]) Лепъ былъ первый шутъ при дворѣ Цесаря Августа, которой весьма искусно плясалъ и говорилъ нѣжно.

[2]) *Арелль* имя скупаго богача, а Червій нѣкоего веселаго гостя.

[3]) Сія сатира заключается Езоповою баснею о полевой и городской мыши, коею доказывается, что деревенское житье безопаснѣе нежели городское.

Чтобъ яствы разныя пріятнѣй гостья ѣла.
Но гордымъ зубомъ та, охоча до сластей,
Прикусывала всѣхъ по малу овощей;
Хозяйка между тѣмъ сама мякину жостку
И вялу грызла рожь, и то жевала въ чотку;
Подругѣ лучшею тщась пищей угодить,
Котора наконецъ ей стала говорить:
Какъ, кумушка, тебѣ такая жизнь угодна,
Что мычешь горе такъ, какъ сирота безродна,
Снося въ глухихъ лѣсахъ пустынный всякій часъ?
Не лучше ль межъ людей жить дичи сто разъ?
Повѣрь, сестрица мнѣ, и слѣдуй въ путь за мною.
Коль всѣмъ животнымъ смерть предписана судьбою,
И избѣжать ея не можетъ ни одно,
Хотя великое, хоть малое оно;
То зная, сколь твой вѣкъ на свѣтѣ семъ есть краткій,
Въ забавахъ провождай мирскихъ житья остатки,
Доколѣ время есть пожить въ покоѣ намъ.
Обрадовавшись тѣмъ безумная рѣчамъ,
Не медля выползла лѣсная мышь изъ щели,
И обѣ прямо въ путь бѣжать не укоснѣли,
Чтобъ въ городъ вкрасться имъ въ ночную темноту.
Ужъ полночь минула, какъ прибѣжавъ въ поту
Подруги забрались щастливо въ домъ богатый,
Блистали гдѣ парчой покрытыя кровати,
И полны кошницы стояли явствъ драгихъ,
За пышнымъ ужиномъ вчера лишь початыхъ.
И такъ на той парчѣ уклавши поселянку,
Хозяйка приняла заботливой осанку,
И суетясь за тѣмъ и за другимъ для ней,
Старалась честь воздать услугою своей,
И кушанье сама отвѣдывала прежде.

Пріятно было то пирующей невѣждѣ,
И щастья веселясь премѣной таковой,
Тянулась, нѣжилась, гнушалася норой.
Поднялся сильной стукъ, вдругъ двери заскрыпѣли,
Подруги бросились отъ ужаса съ постели;
Метались безъ души, не зная скрыться гдѣ.
Межъ тѣмъ, какъ лаянье псовъ слышалось вездѣ.
Сказала городской въ томъ страхѣ мышь лѣсная:
Не надобна, мой свѣтъ, во вѣкъ мнѣ жизнь такая,
И пропадай она. Мякину я жую
Здоровѣе въ лѣсу, да знаю щель свою.

САТИРА VII.

Давъ.

Горацій представляетъ слугу, разговаривающаго съ господиномъ своимъ о разныхъ человѣческихъ обычаяхъ, которой притомъ дерзновенно обличаетъ господскіе пороки, что онъ инако живетъ, нежели какимъ себя показываетъ.

Давно все дѣло такъ, какъ дважды два, я знаю [1])
И слушаться готовъ; но много не болтаю:
Хоть радъ бы нѣсколько съ тобой поговорить,
Но какъ слуга, и рта не смѣю растворить.
Не Даваль слышу? Да, я здѣсь, слуга твой вѣрной,
И такъ, какъ лучше быть нельзя, тебѣ усердной,
То есть, что могъ бы все ты мнѣ на волю дать.

---

1) Начинается разговоръ между слугою Давомъ и его господиномъ, такъ, какъ обыкновенно въ комедіяхъ чинится ко всему приступъ отрывочною рѣчью.

Свободу въ Декабрѣ умѣй употреблять, [1])
Когда обычай тотъ издавна такъ ведется,
И вольность отъ господъ рабамъ въ тѣ дни дается.
  Въ пороки вдавшись, часть людей коснѣетъ въ нихъ, [2])
И устремляетъ мысль въ безпутство нравовъ злыхъ;
Непостоянно жизнь часть большая проводитъ,
То въ правой идетъ путь, то въ кривизны заходитъ.
Примѣчено, что Прискъ такъ вѣтрено живалъ,
Кой по три вдругъ кольца на лѣвую вздѣвалъ, [3])
Другою не имѣлъ ни одного порою;
Сенаторскій уборъ одеждою простою,
Колеблясь, всякой часъ обыкъ перемѣнять;
Изъ пышныхъ въ хижину переходилъ палатъ,
Въ которой бы жить всякъ обрядной постыдился,
Хотя бы отъ раба свободнаго родился.
То въ Римѣ за ничто чтилъ любодѣйцомъ слыть,
То лучше Риторомъ хотѣлъ въ Аѳинахъ жить;
Въ благой часъ [4]) посему родился вертопрахомъ.
Не могши Воланеръ метать костьми съ размахомъ,
Когда жестокою хирагрою страдалъ,
Другова за себя поденно нанималъ,
Чтобъ кости тотъ сбиралъ, трясъ и пускалъ на зерни.
Чѣмъ больше былъ въ своихъ порокахъ непомѣрный,
Тѣмъ меньше бѣденъ онъ и лучше передъ тѣмъ,

---

[1]) Въ семъ мѣсяцѣ отправлялись празднества Сатурновы, въ которое время какъ рабы такъ и вольные въ равенствѣ были между собою, въ память златаго вѣка, въ коемъ Сатурнъ царствовалъ.

[2]) Давъ говоритъ.

[3]) Много колецъ имѣть на рукѣ въ порокъ ставили; а носили ихъ только извѣстнаго достоинства люди.

[4]) Т. е., въ худую пору.

Кто слабкимъ тянетъ грузъ и навитымъ гужемъ. 1)
Не перескажешь, знать, бездѣльникъ ты севодни; 2)
Къ чему слова сіи болтаешь такъ негодны?
Къ тебѣ веду я рѣчь. Какъ? мерзкой человѣкъ!
Ты хвалишь простотой щастливый древній вѣкъ; 3)
А естьли бы какой богъ сдѣлалъ, что пріятно,
Отъ щастья бы того отрекся ты стократно,
Или не зная, что и самъ блаженствомъ чтишь,
Или, что о прямомъ блаженствѣ не радишь,
И на берегъ ползя, самъ путаешься въ тинѣ. 4)
Какъ въ Римѣ ты живешь, въ деревню радъ хоть нынѣ;
А естьли скучитъ вдругъ въ деревнѣ дикой лѣсъ,
То городскую жизнь возносишь до небесъ.
Какъ не зоветъ никто на ужинъ милость вашу,
То лучше хвалишь ты домашни щи да кашу,
И такъ себя тогда высоко ужъ несешь,
Что связанной къ столу чужому не пойдешь,
Затѣмъ что негдѣ пить пришло тебѣ ужъ болѣ.
Вдругъ Меценатовой послушенъ будешь волѣ,
И если въ гости онъ велитъ посожже быть,
Со всѣхъ ногъ бросясь, радъ тѣмъ другу услужить.
Когда же скоро кто не принесетъ умыться,
Кто слышитъ? горломъ всѣмъ вопя, начнешь бѣситься.
А Мильвій съ протчими тебя облаютъ вслѣдъ. 5)

---

1) Чѣмъ сильнѣе Воланеръ держался одного намѣренія, тѣмъ онъ щастливѣе Приска, который жилъ иногда роскошно, а иногда крѣпко.

2) Продолжаетъ разговоръ далѣе.

3) Слуга обличаетъ непостоянство господина своего.

4) Стараясь оказать себя постояннымъ, не то дѣлаешь, что говоришь.

5) Т. е, всѣ прихлѣбатели и объѣдалы тебя бранить станутъ, что ты приходомъ своимъ лишишь ихъ обѣда, и они голодные вытти принуждены будутъ.

Что, какъ отозванъ ты, у нихъ пропалъ обѣдъ.
Пусть скажетъ кто, что я брюзгливой и обжора, [1])
Лѣнивецъ некошной, иль съ кабака мотора,
Готовъ признаться въ томъ, а ты хоть тожъ, что я,
И можетъ быть еще сквернѣе жизнь твоя,
Носъ гнѣвомъ на меня великимъ нападаешь,
И красными рѣчьми порокъ свой закрываешь.
Готовъ я доказать, что ты глупѣй меня,
За коего дана пятьсотъ драхмъ вся цѣна?
Лишь взоромъ не стращай, и не дерзай рукою,
Доколѣ часть твоихъ проказъ тебѣ открою,
О коихъ разсказалъ слуга Криспиновъ мнѣ [2]).
Къ чужой таскаться ты повадился женѣ;
Съ податливой сестрой знакомство Давъ имѣетъ.
Кого же болѣе изъ насъ карать довлѣетъ?
Когда любовь меня жестокая палитъ,
Я всякой склонностью могу доволенъ быть,
И не пекусь, чтобъ кто до дѣлъ подобныхъ лакомъ
Чрезъ деньги иль красу не сдѣлался свойкомъ;
Притомъ ни мало тѣмъ себя не остыжу,
Что отъ любовницы изъ дому выхожу.
Ты жъ сбросивъ всѣ съ себя достоинства признаки,
Колечко и уборъ приличный честнымъ всякій [3]),

---

1) Давъ говоритъ о себѣ самомъ.

2) Криспинъ былъ стоической философъ, о которомъ Горацій упоминаетъ въ книгѣ первой, въ сатирѣ второй. Впрочемъ Давъ укоряетъ своего господина, что пороки его такъ явны всѣмъ, что и Криспиновъ слуга о нихъ вѣдаетъ.

3) Колецъ не дозволено было носить Римскимъ дворянамъ, кромѣ того ежели оныя имъ Преторами подарены будутъ.

Выходишь подлому и Дамѣ на позоръ [1]),
И озираешься вокругъ себя, какъ воръ,
Чтобъ въ сермякѣ людскомъ не узнанъ былъ по виду,
Которымъ обвертѣлъ ты голову маститу.
Такъ развѣ мнишь, что ты представившись слугой,
Бояринъ надъ людьми, а самъ и не такой?
Дрожатъ отъ ужаса въ тебѣ и жару кости [2]),
Когда въ чужой ты домъ къ любезной идешь въ гости.
Какая разность въ томъ, чтобъ сдѣлавшись бойцомъ [3])
Лозами биту быть, разстаться съ животомъ?
Иль жаться втискану въ сундукъ прелюбодѣю,
Гдѣ заперла раба, и гнуть къ колѣнкамъ шею?
И можетъ ли такой преступницы супругъ
Мстить равной мѣрою за то обѣимъ вдругъ?
Иль болѣе себя покажетъ справедливымъ,
Какъ горесть выместитъ свою надъ нечестивымъ [4])?
Не премѣняется жена во гнусной видъ,
Не знаетъ щеголькамъ обычныхъ волокитъ,
И потаенный грѣхъ наружностью скрываетъ,
Межь тѣмъ боясь любви твой не довѣряетъ.
Свободенъ будучи, спѣши въ оковы самъ;

---

[1]) *Дама* имя слуги, о которомъ выше въ сатирѣ шестой упоминалось.

[2]) Т. е., тебя терзаютъ двѣ страсти, а именно: страхъ и сильная любовь.

[3]) Т. е., нѣтъ разности между бойцомъ и прелюбодѣемъ, потому что бойцы, продавая себя, включили въ записи, чтобъ ихъ вольно было сѣчь лозами и живота лишать.

[4]) По Аѳинскимъ законамъ прелюбодѣя пойманнаго въ прелюбодѣяніи съ чужою женою мужу вольно было убить; но сіе узаконеніе Юліевымъ закономъ отрѣшено, и въ такихъ случаяхъ велѣно о томъ доносить въ судебныхъ мѣстахъ.

И раболѣпствуй злымъ подвергнувшись страстямъ,
И поручивъ во власть имѣнье, жизнь и славу.
Когда жъ случилось жизнь спасти отъ бѣдства здраву,
Бояться станетъ, мню, ворона и куста [1]).
Обратно пойдешь въ тѣжъ опасныя мѣста,
Гдѣ снова трепетать и бѣдъ искать ты станешь.
О рабъ толико кратъ! И звѣря не обманешь,
Чтобъ разъ ушедши въ тѣжъ тенета забѣжалъ.
Пускай бы о себѣ, что ты не мотъ, сказалъ,
Скажи, что ты не мотъ; я воромъ не зывался,
Когда страшась бѣды, чужое красть боялся.
Скинь наложенную отъ ужаса узду,
Поступитъ ползкая натура на бѣду.
Тебѣ ль, толикихъ рабъ страстей и толь различныхъ [2]),
При сихъ повелѣвать мной нравахъ необныхъ,
Кой могъ бы завсегда избѣгнуть отъ оковъ,
Ты жъ вѣчно въ страхѣ быть невольникомъ готовъ?
Къ тому жъ не меньше сей доводъ имѣетъ силы:
Когда бы въ званіи единомъ двое были,
Изъ коихъ бы одинъ другому рабъ служилъ;
То бъ иль намѣстникомъ его слыть долженъ былъ,
Иль равными вмѣнить обѣихъ надлежало,
Какъ вашъ обычай есть. Какъ счесть меня пристало?
За тѣмъ что ты, кой власть имѣешь надо мной,

---

[1]) Пословица русская: *пуганая ворона и куста боится*; или: *кто разъ ожжется молокомъ, будетъ и на воду дуть*, т. е., искусившись.

[2]) Заключаетъ Давъ, что состояніе господина его гораздо хуже и бѣднѣе, нежели его, потому что онъ давъ за себя втрое или вчетверо выкупъ можетъ быть свободнымъ, а господинъ его будетъ во всегдашней неволѣ и страхѣ.

Самъ власти подчиненъ, какъ я тебѣ иной,
И какъ кубарь на льду гонимъ вертится плетью [1]),
Такъ движешься и ты опутавшись вкругъ сѣтью.
Кого же надлежитъ свободнымъ почитать? [2])
Премудраго, собой кто знаетъ управлять [3]),
Кто бѣдъ, нищетства, узъ и смерти не боится,
Противится страстямъ, и честію не льстится,
Порядокъ съ равенствомъ во всѣхъ дѣлахъ блюдетъ,
Къ которому ни что порочное не льнетъ,
И щастье духъ его не сильно безпокоитъ.
Возможно ль что нибудь изъ сихъ тебѣ присвоить?
Любовница пяти талантовъ проситъ вдругъ;
Не хочетъ безъ того являть тебѣ услугъ,
И муча какъ водой студеной обливаетъ;
За дверью выторивъ, вдругъ паки призываетъ.
Сложи же ты сіе безчестно иго съ плечъ;
Я воленъ, воленъ, тѣмъ оспорь мою ты рѣчь.
Никакъ; умомъ твоимъ страсть люта обладала;
Не можетъ слабой снесть къ злу нудящаго жала,
Хотя бы оной ты противиться хотѣлъ.
Когда бъ на живопись ты Павзіеву зрѣлъ [4]),
И ротъ разинувъ, пнемъ стоялъ и удивлялся,
Тобъ меньше ль, нежель я, виновнымъ въ томъ позналcя?

---

[1]) Т. е., любовница, опутавъ тебя своею сѣтью, такъ тобою повелѣваетъ, какъ ей угодно, подобно тому, какъ ребята, играя кубаремъ на льду, гонятъ его плетью въ любую сторону.

[2]) Господинъ спрашиваетъ у Дава.

[3]) Слуга отвѣчаетъ.

[4]) Павзій былъ весьма искусной живописецъ. Тотъ, кто безмѣрное любопытство въ маловажныхъ дѣлахъ имѣетъ, есть также рабъ своей страсти.

Когда бы Фульвіевъ съ Пацидіаномъ бой
Зря на картинѣ я написанный драгой [1]),
И выгнувшаго грудь Рутуба и колѣни,
Дивился живости представленныхъ сраженій,
Такъ какъ бы оныя происходили вьявь;
То бъ слылъ негодницей и пучеглазомъ Давъ:
Ты жъ строгой древностей судья и любопытной [2]).
За пряникъ ли примусь, или за хлѣбъ я ситной,
Мизирной тварью чтутъ, негоднымъ ни къ чему;
Ты добродѣтеленъ и хваленъ потому,
Что не любы, какъ мню, богатыя пирушки.
Почтоже прихоти моей вредняй мнѣ душки [3]),
И кожу со спины за лакомство дерешь?
А развѣ самъ за тожъ пощаженъ ты живешь [4]),
Что сотое съ мастьми ужъ очищаешь блюдо?
Прожорливой варитъ желудокъ яствы худо,
И ноги хлипкія уже гнутся подъ тобой,
Отягчены твоей брюшины толстотой.
Пролакомивъ скребло украденно слуга,
Не кажется ль за то достойнымъ батога?
А тотъ, кто продаетъ и цѣлыя помѣстья,
Чтобъ не нажить житьемъ умѣреннымъ безчестья,
Но паче, чтобъ себя роскошнымъ показать,
Не тожъ ли дѣлаетъ шальство слугѣ подъ стать?

---

[1]) Фульвій, Поцидіанъ и Рутубъ суть имена бойцовъ.

[2]) Т. е., ты самъ о всемъ прилѣжно любопытствуешь.

[3]) Порядокъ оныхъ рѣчей есть сей: почто прихоти моей душки вреднѣе мнѣ, нежели тебѣ.

[4]) Т. е., почему сказать можешь, что ты меньшему наказанію за сластолюбіе подверженъ, нежели я, потому что меня за то бьютъ, а ты отъ неумѣреннаго яденія слабѣешь и дрябнешь тѣломъ.

Прибавь къ сему и то, что ни на часъ единый
Не можешь равенства держаться и средины;
Не знаешь лишній часъ употребить на прокъ,
Чуждаешься себя и мыслію легокъ,
То ищешь Бахусомъ, то сномъ прогнать всю скуку,
Но тщетно, и всегда тужъ ощущаешь муку,
Которою твой духъ жестока страсть томитъ,
И всюду за тобой, какъ прочь бѣжишь, спѣшитъ.
Гдѣ бъ камень мнѣ найдти? На что тебѣ? Гдѣ бъ стрѣлы? [1])
Иль бѣсится Піитъ, иль потерялъ умъ зрѣлый!
Девятой на полѣ Сабинскомъ за сохой
Таскаться станешь, коль съ глазъ не уйдешь долой.

САТИРА VIII.

Фунданій.

Фунданія, пріятеля своего, вопрошаетъ Горацій, каковъ былъ ужинъ у богатаго Назидіена, у котораго онъ былъ на вечеринкѣ. Между тѣмъ описывая оной по порядку показываетъ, что Назидіенъ тѣмъ болѣе далъ знать о своемъ гадкомъ житьѣ, чѣмъ больше старался оказать себя роскошнымъ и тароватымъ. Сія сатира содержаніемъ своимъ сходствуетъ почти съ четвертою, потому что такія же глупыя правила и Назидіенъ предлагаетъ, какія Катій предписываетъ.

Каковъ Назидіенъ за ужиномъ казался,
Богато ль потчивать щастливецъ сей старался?
Желалъ, чтобъ у меня ты въ домѣ гостемъ былъ,
Но сказано, что тамъ вчера съ полудни пилъ.

---

[1]) Господинъ, сердяся на слугу, хочетъ отмстить ему досаду, котораго слуга наипаче раздражаетъ.

Такъ хорошо, что въ жизнь мнѣ лучше не случалось. [1]
Чтожъ напередъ гостямъ голоднымъ преставлялось,
Коль не противно то, спросить себя позволь?
Сперва Луканскій вепрь поставленъ былъ на столъ,
Пойманный, какъ онъ рекъ, въ тихую погоду;
Коренья пряныя и зелень съ огороду,
И съ Койскимъ соусы составленны виномъ
Стояли на столѣ передъ гостьми кругомъ,
Какія сытому приличны яствы брюху,
И только нравятся для вкусу и для духу.
Какъ пурпурою столъ накрылъ слуга, снявъ здоръ,
И какъ межъ тѣмъ другой все собралъ, сметши соръ,
Служащій всѣмъ гостямъ къ гнушенію и гнѣву,
Съ Церериной Гидаспъ представилъ жертвой дѣву, [2]
Неся на головѣ шампанское вино;
Алканомъ Хійское вдругъ было внесено,
Которое съ водой несмѣшано морскою. [3]
Тщеславясь молвилъ тутъ хозяинъ до запою:
Когда угоднѣе Албанско, Меценатъ,
Или Фалернско, тѣмъ я и другимъ богатъ.
О бѣдной сей богачъ! Но знать хочу, Фунданій, [4]
Кто были изъ гостей съ тобою вмѣстѣ званы?
Я впереди, Туринъ повыше возлежалъ, [5]

1) Фунданій Горацію отвѣчаетъ.

2) *Церерины жрицы*, которыя назывались кошеносицами (caniſtriſoræ), поднявъ на голову руки Церерѣ въ кошницахъ жертву приносили. *Гидаспъ* имя слуги.

3) Греки приливали въ вина морскую воду, чтобъ не скоро портилось; почему у Назидіена не настоящее Хійское вино было, но поддѣльное.

4) Горацій долѣе любопытствуетъ.

5) Исчисляетъ имена пришедшихъ съ Меценатомъ гостей, и какимъ порядкомъ при столѣ возлежали.

А ниже мѣсто Варъ, какъ помню, занималъ;
Сервилій, Балатронъ съ Вибидіемъ лежали,
Всѣ непослѣдніе въ пирушкахъ объѣдалы,
Которыхъ Меценатъ на ужинъ тотъ привелъ;
Середне мѣсто самъ Назидіенъ имѣлъ,
Повыше Номентанъ его, а Порцій ниже,
Кой вдругъ по пряженцу глоталъ на смѣхъ безтыже.
А Номентанъ къ тому нарочно подстрекалъ,
И перстомъ о другомъ, что лучше, намѣкалъ,
Чего тотъ самъ не могъ межъ разныхъ яствъ дознаться.
Мы жъ, прочая толпа, тутъ не могли приняться,
Кромѣ птицъ, устерсовъ и рыбы, ни за что,
Затѣмъ что кушанье вкуснѣе было то,
Какъ необычныя Епикурейски здобы.
Неудовольства знакъ являлъ я тѣмъ особый,
Что рыбьихъ потроховъ представленныхъ не ѣлъ.
О яблокахъ вдругъ рѣчь Назидіенъ завелъ, [1])
Что должно при Лунѣ збирать наливъ растущей;
Чѣмъ больше та растетъ, тѣмъ онъ краснѣетъ пуще.
Къ какой же стати тѣ онъ вымолвилъ слова,
Пусть умна изъяснитъ сама тебѣ глава.
Тутъ Балатрону такъ сказалъ смѣясь Вибидій:
Чѣмъ даромъ пропадать, не отомстивъ обиды,
Тѣмъ лучше хоть питьемъ убытокъ навести,
Побольше стопы самъ веля на столъ нести.
Незапно видъ лице покрылъ хозяйско блѣдной,
И ничего онъ такъ не испужался бѣдной,
Какъ жадныхъ питуховъ, иль болѣе того,
Что не смолчатъ подпивъ о гадкости его,

---

[1]) Примѣтивъ, что Фунданію рыбьи потрохи противны были.

Или жъ, что вкусовъ ужъ не распознаютъ пьяны.
До капли высушать вдругъ начали стаканы
Вибидій съ протчими гостьми и Балатронъ,
И дѣлая лишь стыдъ бѣдняжкѣ и уронъ,
Столь были до питья охочи тутъ и жадны,
Что пусты сткляницы на столъ летѣли задній.
Межъ плавающею на блюдѣ мѣлузгой
Въ тожъ время принесенъ и угорь былъ морской.
Въ плодуще, говорилъ хозяинъ, поиманъ время,
И хуже бъ вкусомъ былъ, когда бъ пустилъ онъ сѣмя [1])
Составлена уха изъ разныхъ та сластей;
Венафрской маслины, Гишпанскихъ рыбъ сокъ въ ней
Варился спущенный съ напиткомъ Италійскимъ;
Но лучше супъ варить съ виномъ пристало Хійскимъ;
И перцу бѣлаго подсыпавъ, уксусъ лить,
Чтобъ суровость вина Мееимнскаго отбить.
Я способъ изыскалъ другихъ для наставленья,
Какъ должно горькія выварипать коренья,
И заморить въ ухѣ горчицу, девесилъ.
Не вымочивъ варить морскихъ ежей Куртиллъ [2])
Совѣтуя, манеръ сей лучшимъ почитаетъ,
Какъ тотъ, когда кто съ щукъ росолъ въ уху вливаетъ.
Межъ тѣмъ, какъ онъ сіи разсказы намъ мололъ,
Навѣшенный коверъ обрушась палъ на столъ,
И столько съ онаго стряслося пыли черной,

---

[1]) Нѣкоторые медики утверждаютъ, что мясо дикихъ звѣрей нездорово, потому что въ ономъ меланхолическая кровь содержится, и развѣ только тогда ѣсть его можно, когда они скоро плодиться начнутъ; а о рыбахъ можно ли тоже самое сказать, неизвѣстно; только видно, что Горацій смѣется сей Назидіеновой физической причинѣ.

[2]) *Куртиллъ* былъ нѣкто изъ числа Епикуровыхъ послѣдователей. О морскихъ ежахъ смотри въ примѣчаніяхъ къ сатирѣ четвертой.

Колико на поляхъ Кампанскихъ вѣтръ безмѣрной,
Дыханьемъ сильнымъ прахъ взвѣвая, не мятетъ.
Боялись мы, что домъ совсѣмъ на насъ падетъ,
Но усмотрѣвъ, что нѣтъ бѣды, вскочили разомъ;
Повѣсивъ голову, завылъ Руфъ [1]) волчьимъ гласомъ,
Какъ по сынѣ въ лѣтахъ умершемъ молодыхъ.
Не сдѣлалъ бы конца нещастной слезъ своихъ,
Когда бъ не ободренъ былъ рѣчью Номентана:
Какой богъ злѣй тебя, Фортуна окаянна?
Сколь издѣваться ты обыкла надъ людьми,
Ругаясь смертныхъ всѣхъ дѣлами и вещьми!
Едва отъ смѣха могъ тутъ Варій удержаться,
Кой принужденъ былъ, ротъ закрывъ салфеткой, жаться;
А Балатронъ, кой все въ смѣхъ ставилъ и шутилъ,
Вотъ какова людей жизнь въ свѣтѣ, говорилъ:
И такъ по симъ трудамъ твоимъ достойной славы
Достигнуть завсегда рокъ воспятитъ лукавый.
Къ чему жъ тебѣ имѣть столь много суеты,
Чтобъ могъ мнѣ учинить пріемъ богатый ты?
Чтобъ хлѣбъ не подгорѣлъ, была бъ уха вкуснѣе,
Чтобъ слуги не были притомъ въ худой ливреѣ?
Что, естьли сверхъ сего обрушится коверъ,
Какъ сдѣлалось сіе нечаянно теперь,
Иль блюдо разобьетъ ногой, упавши малой?
Но какъ въ войнахъ, сколь умъ имѣетъ вождь удалой,
Чрезъ случаи живетъ злощастны явно всѣмъ,
Во время жъ щастія не зрится то ни кѣмъ;
Такъ и въ пирахъ сему подобное бываетъ,
Гдѣ всякъ хозяйское проворство примѣчаетъ.
Благодарилъ дружка за то Назидіенъ,

[1]) Т. е. Назидіенъ, потому что онъ былъ двуимянной.

Желаю, чтобъ ты всѣмъ былъ отъ боговъ снабдѣнъ,
И чтобъ въ желаніяхъ имѣлъ успѣхъ полезный,
Столь дорогъ гость ты мнѣ и столь пріятель честный!
Велѣлъ подать себѣ онъ туфли поскорѣй: [1])
Поднялся шорохъ вдругъ и ропотъ межъ гостей,
И на ухо они другъ съ другомъ всѣ шептали.
Не столь бы зрѣлища меня увеселяли, [2])
Повѣрь, Фунданій; чтожъ еще смѣшило васъ?
Вибидій спрашивалъ у слугъ межъ сихъ проказъ,
Не всѣ ли въ домѣ ужъ бутылки перебили,
Что болѣе гостямъ вина не подносили;
И какъ тутъ Балатронъ комедію игралъ, [3])
Вошедъ Назидіенъ иной ужъ видъ казалъ,
Какъ будто бъ случай злой искуствомъ мнилъ поправить.
Потомъ вдругъ начали на столъ жаркія ставитъ:
Представленъ былъ журавль расщипанной въ куски,
На коего пошла тьма соли и муки,
И печень кормнаго намъ гуся предложили,
И зайца передки оторванные были,
Какъ лучшая ѣда, нежь задъ, принесены,
И чайки, коихъ хлубь и зобъ подожжены,
И дики голуби безъ гузокъ тутъ лежали,
Которы явства мы бъ за лучшія признали,
Когда бъ хозяинъ намъ причинъ не изъяснялъ,
Для коихъ отнялъ задъ, и гуски оторвалъ,
Которому мы тѣмъ несноснѣй досадили,

---

[1]) Древніе во время ужина скидывали съ ногъ туфли, чтобъ не замарать дорогихъ наметовъ, коими покрыты были постели.

[2]) Горацій говоритъ.

[3]) Т. е. проказами своими смѣшилъ гостей.

Что ничего изъ явствъ похвальныхъ не вкусили.
Какъ будто бъ дунула на нихъ ворожея
Канидья, [1]) ядомъ злѣй, какъ Афрская змѣя.

---

1) *Канидья* есть та волшебница, которую Горацій описалъ въ книгѣ первой, сатирѣ осьмой.

ФЕДРА,
АВГУСТОВА ОТПУЩЕНИКА,
НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ БАСНИ,

съ

ЕЗОПОВА ОБРАЗЦА СОЧИНЕННЫЯ,

а

съ латинскихъ

РОССІЙСКИМИ СТИХАМИ

преложенныя,

АКАДЕМІИ НАУКЪ ПЕРЕВОДЧИКОМЪ

Иваномъ БАРКОВЫМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

При Императорской Академіи Наукъ.

1764 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О пользѣ басенъ пространно изъяснять за излишнее признаваю, потому что оная почти всякому сама собою есть видима. Дѣти предлагаемыми въ басняхъ простыми примѣрами пріучаются способнѣе къ добродѣтели, нежели философскимъ нравоученіемъ. Смѣшные разговоры, дѣйствія и различная натура животныхъ показываютъ сходство дѣяній въ обществѣ человѣческомъ, по колику люди, такъ какъ и звѣри, бываютъ добрые и злые. Хищная натура волка изъявляетъ наглость и зависть; простота и незлобіе овцы—кротость и чистосердечіе; хитрость лисицы—коварство; свирѣпство льва надъ звѣрями, и гидра надъ жабами—тиранскую власть и насильство; злость отогрѣтой змѣи — неблагодарность; украшеніе галки павлиными перьями — гордость и тщеславіе; непрсворство осла—лѣность и безуміе и пр. Примѣняя сіи и другіе многіе басенные прилоги къ обращеніямъ житейскимъ, находимъ мы слѣды, чего держаться и чего убѣгать долженствуемъ. И какъ живыя изображенія на картинахъ возбуждаютъ въ насъ пріятное чувство и удовольствіе, такъ и басни, изъясняя живо примѣрами дѣйствія, вливаютъ въ юныхъ охоту съ большимъ прилѣжаніемъ вникать въ оныя, и чѣмъ короче и яснѣе писаны, тѣмъ имъ памятнѣе и внятнѣе. Что касается до моего перевода, то старался я, сколько возможно, соглашать свои мысли съ Федровыми. Вмѣсто того, что нѣкоторыя басни для непристойнаго содержанія мною не переведены, на концѣ

присовокупилъ я Катоновы двустрочные стихи о благонравіи къ сыну, желая, чтобъ учащееся юношество, а особливо любящее стихотворство и словесныя науки, симъ моимъ трудомъ съ добрымъ успѣхомъ пользовалось.

ЖИТІЕ

ФЕДРОВО.

Федръ родился во Фракіи, при владѣніи Цесаря Октавія Августа. Въ молодыхъ лѣтахъ попавшись въ неволю, привезенъ въ Римъ, и вѣроятно, что отъ господина своего отданъ былъ въ наученіе. Оказавъ довольные въ наукахъ успѣхи, по случаю взятъ былъ ко двору Августову, и по нѣкоторомъ времени для отмѣннаго своего разума и благонравнаго житія отпущенъ на волю. Вскорѣ по смерти сего Цесаря впалъ онъ въ нещастіе, будучи оклеветанъ Сеяномъ преемнику его Тиверію, при которомъ имѣлъ онъ великую силу, о чемъ самъ Федръ въ книгѣ 3 въ предъизвѣщеніи упоминаетъ слѣдующимъ образомъ:

Когда бы не Сеянъ донесъ, но тотъ иль сей,
Когда бы обличилъ иной и осудилъ бы,
Толикихъ бѣдъ себя достойнымъ я явилъ бы,
И сей утѣхою не обличалъ бы зла.

Басни писалъ по причинѣ онаго приключившагося себѣ злополучія, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ подъ видомъ шутокъ и собственнаго утѣшенія обличить въ нихъ неправедные поступки сильнаго своего гонителя, что скрытно знать даетъ въ томъ же мѣстѣ, и въ 1 баснѣ о Волкѣ и Ягненкѣ. Слогъ его, по свидѣтельствамъ ученыхъ людей, есть самой простой, вразумительной

и чистой, въ которомъ подражалъ онъ Виргинію, Терентію, Овидію и Плавту. Самый древній писатель, которой о сихъ басняхъ упоминаетъ, есть Авіенъ; а въ свѣтъ оныя изданы и напечатаны въ первой разъ въ Отюнѣ, во Франціи, въ 1696 году, стараніемъ Петра Питея. О смерти жъ Федровой ничего извѣстнаго и понынѣ не находится.

ФЕДРА
АВГУСТОВА ОТПУЩЕНИКА,
ПРИТЧЕЙ
СЪ ЕЗОПОВА ОБРАЗЦА СОЧИНЕННЫХЪ
КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРЕДЪИЗВѢЩЕНІЕ.

Что вымыслилъ Езопъ, то скрасилъ я стихами,
Двояку похвалу мня заслужить трудами;
Такъ какъ и плодъ сокрытъ двоякой въ книгѣ сей,
Во перьвыхъ, баснями смѣшитъ она людей,
Другое, учитъ жизнь вести благоразсудно.
Когдажъ кому смѣшно покажется и чудно,
Что звѣри и древа имѣютъ разговоръ,
Тотъ вѣдалъ бы, что здѣсь шутливыхъ басенъ сборъ.

БАСНЬ 1.
Волкъ и Ягненокъ.

Изъ одного ручья для утоленья жажды
Ягненку съ волкомъ пить случилося однажды:
Ягненокъ ниже былъ, а выше волкъ стоялъ.
Тогда, разинувъ пасть, затѣялъ здоръ нахалъ:
Я пью; какъ смѣешь ты мутить, бездѣльникъ, воду?
Ягненокъ отвѣчалъ, боясь, сумазброду:

Льзяль статься оному, пожалуй разсуди?
Ко мнѣ бѣжитъ вода, а ты вѣдь впереди.
Опѣшилъ грубіянъ, какъ правду тутъ увидѣлъ;
Потомъ рекъ: Ты еще за полгода обидѣлъ.
Я въ тѣ поры, сказалъ ягненокъ, не рожденъ.
Да я отцомъ твоимъ злословно обнесенъ,
Сказавъ, схватилъ его и растерзалъ напрасно.
Всякъ можетъ разумѣть чрезъ оную баснь ясно,
Какъ пріобыкшіе невинныхъ подавлять
Умѣютъ ложныя причины составлять.

БАСНЬ 2.

Лягушки, царя просящія.

Повольные имѣвъ Аѳиняне уставы,
По волѣ жили всѣ и управляли нравы,
И свергли прежнюю продерзостью узду.
Симъ средствомъ ту нашли за своевольство мзду,
Что Пизистратъ Тираннъ, взявъ власть чрезъ сонмъ мятежныхъ,
О вольности ихъ въ вѣкъ оставилъ безнадежныхъ.
Когда Аѳинянъ родъ подъ игомъ симъ стеналъ,
И въ горѣ на судьбу класть пѣни начиналъ,
Хотя не поступалъ онъ съ гражданами злосно,
Но не обыкшимъ все казалося не сносно;
Езопъ такую баснь сказалъ на случай тотъ:
Лягушки подняли вопль сильной изъ болотъ,
Прося, чтобъ Юпитеръ ихъ въ нуждѣ не оставилъ,
И шатки, давъ царя, обычаи исправилъ.
Съ усмѣшкой ихъ мольбу Отецъ боговъ внушилъ,
И небольшой для нихъ осколокъ ниспустилъ,

Которой въ лужу павъ въ нечаянное время,
Незапнымъ стукомъ въ страхъ привелъ пужливо племя.
Примѣтивъ, что давно лежитъ въ илу лентяй.
Одна всплыла на верьхъ тихонько невзначай,
И высмотрѣвъ царя, встревожила всю лужу.
Лягушки выплывши безъ ужаса наружу,
И смѣло наскакавъ ругались надъ щепой;
Межъ тѣмъ, чтобъ посланъ былъ правитель имъ иной,
Послали къ Іовишу съ прошеньемъ дерзки жабы,
За тѣмъ что данной былъ для нихъ негожъ и слабый.
Тогда владѣтеля Дракона жабамъ далъ,
Кой лютымъ зубомъ всѣхъ по одиначкѣ рвалъ;
Спастися робкія вотще онѣ хотѣли,
И въ страхѣ онѣмѣвъ разинуть рта не смѣли,
Черезъ Меркурія просили втай за тѣмъ,
Чтобъ Юпитеръ помогъ имъ въ крайнемъ бѣдствѣ семъ.
На то божокъ сказалъ: Теперь сноситежъ злаго,
Коль добраго царя не приняли за благо.
И вы, рекъ, граждане, сіе терпите зло,
Чтобъ горшее еще постигнуть не могло.

БАСНЬ 3.

Спѣсивая Галка и Павлинъ.

Въ тщеславіи чужимъ, кромѣ стыда, нѣтъ чести,
И то не новыя, да старыя ужъ вѣсти;
А лучше пробавлять жизнь всякому своимъ,
Какъ научаетъ насъ Езопъ примѣромъ симъ.

Надменна галка бывъ кичливостью безмѣрной,
Павлины перья скравъ, свой скрасила видъ черной.
Съ тѣхъ поръ презрѣвъ она одноплеменной родъ,

Вмѣшалась съ той красой въ Павлиной караводъ.
Тѣ перья выщипавъ, прогнали вонъ изъ стада.
Познавъ безстыдная, что ей худа награда,
Въ печали отходить къ подругамъ начала,
Но не мила уже и имъ она была.
Тогда одна изъ тѣхъ, которыхъ презирала,
Презрѣнной наконецъ безстыдницѣ сказала:
Когдабъ, какъ говорятъ, сверчокъ свой зналъ шестокъ,
И тыбъ натуры даръ не ставила въ порокъ,
Но тѣмъ, чѣмъ снабдѣна, довольнабъ быть хотѣла;
Тобъ наругательства такова не терпѣла,
И бѣдствія бъ сего не ощущала, вѣрь,
Какое прогнанна ты чувствуешь теперь.

БАСНЬ 4.

Плывущая Собака черезъ рѣку.

Кто гнаться за чужимъ охочъ, свое теряетъ,
Какъ подлинно о томъ насъ басня увѣряетъ.

Собака мяса часть черезъ рѣку несла,
И тѣнь свою узрѣвъ въ водѣ, когда плыла,
Подумала, что песъ такуюжъ мчитъ находку,
И чтобы вырвать, вдругъ хотѣла взять за глодку.
Завистливой кобель какъ ракъ на мѣль попалъ,
Свой упустилъ кусокъ, другова не досталъ.

БАСНЬ 5.

Корова и Коза, Овца и Левъ.

Кто съ сильнымъ хоть одинъ разъ въ правдѣ похлопочетъ,
Тотъ никогда имѣть съ нимъ дѣла не захочетъ;

Дуть станетъ на воду ожегшись молокомъ,
И за правдиву басня сію признаетъ въ томъ.

Въ товарищахъ со Львомъ три богатырки были,
Которыя на ловъ съ нимъ за одно ходили,
Корова и Овца беззлобна и Коза.
Поймали тучнаго оленя, вшедъ въ лѣса,
И по частямъ дѣлить хотѣли межъ собою.
Тутъ Левъ сказалъ: Я часть себѣ за то присвою,
Что именуюсь Львомъ; другую дайте вы,
За то, что межь звѣрьми бываютъ храбры львы;
А третью я и самъ беру, что всѣхъ сильнѣе;
Лишь за четверту часть примись кто посмѣлѣе,
Я дамъ себя узнать. Такъ всю добычу Левъ
Въ широкой посадилъ свой и ужасной зѣвъ.

БАСНЬ 6.

Лягушки къ Солнцу.

Въ сосѣдствѣ свадьбу воръ, какъ принцъ, игралъ на славу;
Вдругъ къ стати басню Езопъ сказалъ другимъ въ забаву:

Не знаю, отъ кого случилось жабамъ знать,
Что солнце за себя невѣсту хочетъ взять;
Вопѣли къ небесамъ по той молвѣ всей свалкой.
До Юпитеровыхъ ушей дошелъ вопль жалкой.
Какая жалобы, спросилъ божокъ, вина?
Изъ старожилыхъ жабъ сказала тутъ одна:
Теперь отъ солнца всѣ почти засохли лужи,
И съ жажды мы мереть принуждены отъ суши.
Чегожъ осталось намъ другова ждать впередъ,
Когда родитъ дѣтей, какъ только злѣйшихъ бѣдъ?

БАСНЬ 7.

Лисица къ трагической личинѣ.

Попалась невзначай Лисѣ въ глаза личина;
Куда сколь пригожа, сказала, образина!
Да только жаль тово, что нѣту мозгу въ ней.
Почтеннымъ молвена глупцамъ рѣчь въ баснѣ сей.

БАСНЬ 8.

Волкъ и Журавль.

Двояко тотъ грѣшитъ, кто мзды отъ злыхъ желаетъ,
Что недостойнымъ онъ услуги содѣваетъ,
Потомъ и самъ едва избѣгнуть можетъ зла.

Отъ поглощеннаго страдая волкъ мосла,
Великую сулилъ дать всякому награду,
Ктобъ сдѣлалъ отъ бѣды, кость вытащивъ, отраду.
Давъ клятву журавлю, къ тому глупца склонилъ,
Что въ волчью долгой носъ пасть для цѣльбы вложилъ.
Какъ платы требовалъ Журавль противу ряды;
Такъ развѣ думаешь, что мало той награды,
Что не отгрызъ, сказалъ волкъ, шеи за труды,
А ты еще, глупецъ, безстыдно просишь мзды?

БАСНЬ 9.

Воробей и Заяцъ.

Кто учитъ всѣхъ, а самъ живетъ не осторожно,
Того за умнаго счесть межъ людьми не можно.

Трусъ заяцъ испускалъ въ нещастьѣ жалкой стонъ,
Попавшися орлу злымъ рокомъ въ когти онъ;
А воробей надъ нимъ смѣяся издѣвался:

Куда твой быстрой скокъ, мой свѣтъ, теперь дѣвался?
Какой страхъ скорыя вдругъ ноги подкосилъ?
Тутъ ястребъ самого незапно подхватилъ.
Тужъ съ тщетнымъ пискомъ смерть злой претерпѣлъ за
смѣхи.
Впослѣдни заяцъ рекъ, кончаясь, для утѣхи:
Оплакивай теперь безвременье твое,
Кто сей часъ ставилъ въ смѣхъ злощастіе мое.

БАСНЬ 10.

Судъ у Волка съ Лисицею предъ Обезьяною.

Хотя однажды кто коварнымъ приличится,
Тотъ вѣроятности и въ правдѣ ужъ лишится,
Какъ въ краткой притчѣ намъ Езопъ даетъ въ
томъ толкъ.

Лисицу обличалъ предъ Обезьяной Волкъ,
И въ кражѣ на нее показывалъ улику;
Та спорила, что волкъ взвелъ ябеду толику.
Мартышка, слушавъ ихъ въ сей тяжбѣ спорныхъ словъ,
Сказала приговоръ, какъ говорятъ, таковъ:
Мнѣ кажется, одинъ не потерялъ ни мало,
Хотя бы у него что подлинно пропало;
А можетъ быть другой понравилось унесть,
Въ чемъ отговорки столь красно умѣетъ сплесть.

БАСНЬ 11.

Оселъ и Левъ на ловлѣ.

Кто въ силахъ не удалъ, но славится хвастливо,
Тотъ знаемымъ въ посмѣхъ бываетъ, прочимъ въ
диво.

На ловлю взявъ Осла въ товарищество Левъ,
И хворостомъ ево обклавъ вокругъ отъ древъ,

Велѣлъ стращать звѣрей не обычайнымъ крикомъ,
А самъ ловить взялся бѣгущихъ въ лѣсѣ дикомъ.
Ужасной вопль поднявъ оселъ изъ силы всей,
Вдругъ страннымъ чудомъ тѣмъ встревожилъ всѣхъ звѣрей.
Межъ тѣмъ какъ бросились врознь звѣри устрашенны,
Свирѣпымъ были льва набѣгомъ пораженны.
Какъ отъ убійствъ уже Левъ выбился изъ силъ,
Велѣлъ, чтобъ болѣе оселъ не голосилъ.
Спросила, выдравшись изъ хворосту звѣрина:
Добраль тебѣ моя казалась голосина?
Столь хороша, сказалъ, что естьлибъ я не зналъ
Ни духа твоего, ни роду, тобъ бѣжалъ.

БАСНЬ 12.

Олень при источникѣ.

Полезнѣй часто намъ тѣ вещи, кои худы,
Какъ тѣ, которыя за лучшія чтутъ люди.

Олень, пивъ изъ ручья, и вдругъ остановясь,
Увидя образъ свой въ водѣ, и удивясь,
Тутъ вѣтвисты свои выхваливать сталъ роги,
А тонкія въ икрахъ, гнушаясь, хулить ноги.
Охотниковъ вблизи почувъ незапно гамъ,
Отъ страха побѣжалъ по ровнымъ онъ полямъ,
И какъ стрѣла летѣлъ далече передъ псами.
Потомъ бывъ загнанъ въ лѣсъ, запутался рогами,
Гдѣ начали ево собаки зло терзать.
Тогда при смерти то одно успѣлъ сказать:
О сколь нещастливъ я! теперь ужъ вызналъ точно,
Колико для меня, что презрилъ, было прочно;
Чтожъ прежде напротивъ того предпочиталъ,
Злощастье отъ того велико пострадалъ.

БАСНЬ 13.

Лисица и Воронъ.

Которымъ хитрое льстецовъ пріятно льщенье,
Тѣ поздо вскаются, пришедши въ сожалѣнье.

Съ окна унесши сыръ, на древѣ Воронъ сѣлъ,
И радъ добычѣ той, лишь только ѣсть хотѣлъ;
Увидѣвъ онаго, Лисица подбѣжала,
И ласковы слова безумцу распложала:
Павлиныхъ перьевъ ты превысилъ красоту!
Какуюжъ станомъ всѣмъ являешь доброту!
Ярчае зритъ Орла твоя, драгой, зеница!
Дражайшаябъ была ты всѣхъ на свѣтѣ птица,
Когдабъ при красотѣ толикой былъ и гласъ.
Безумной краснопѣвъ хотѣлъ зѣвнуть въ тотъ часъ,
Желая показать свои пресладки пѣсни;
Упалъ на землю сыръ; умолкъ и гласъ небесный.
Проворно хитрая Лиса схватила куѥъ,
И съ радостью тотчасъ побѣгла въ свой улусъ.
А Воронъ, какъ шальной, взглянулъ лишь въ слѣдъ за нею.
И съ горести вздохнулъ, обманутъ лестью сею.

Что можетъ чрезъ хвалу искусной лицемѣръ;
Сколь острота сильна, являетъ сей примѣръ.

БАСНЬ 14.

Врачъ изъ Сапожника.

Худой Сапожникъ былъ, къ томужъ весьма убогой,
Кой индѣ хлѣба сталъ искать другой дорогой,
И вздумалъ стать врачемъ, оставя ремесло;
За тѣмъ въ незнаемо онъ перешелъ село,
И тамо продая фальшивыя лѣкарства,

Посредствомъ онаго вошелъ онъ въ знать коварства.
По случаю тѣхъ странъ владѣтель захворалъ,
И новаго врача искусство знать желалъ.
Призвавъ его велѣлъ подать сосудъ проворно,
А самъ съ лѣкарствомъ сталъ мѣшать въ немъ ядъ притворно,
И обѣщалъ врачу за то награду дать,
Когда отважится лѣкарство онъ принять.
Несмысленной глупецъ тутъ смерти убоялся,
И совѣстно Царю въ семъ случаѣ признался,
Что лѣкарской во вѣкъ науки онъ не зналъ,
Но отъ людской молвы безпутной славенъ сталъ.
Услышавъ отъ него сіе признанье само,
И о не знаніи его извѣдавъ прямо,
Въ тожъ время созвалъ Царь къ себѣ градскихъ вельможъ,
И новаго врача открылъ обманъ и ложь:
Сколь легкомысленны теперь вы обличились,
Что ввѣрить жизнь свою тому не усумнились,
Которому никто сего не поручилъ,
Чтобъ обувь на ноги такой безумецъ шилъ.
Къ чему же сей прилогъ касается, открою;
А какъ я право мню; то баснею такою
Тѣхъ заключается безумцовъ въ свѣтѣ родъ,
Отъ коихъ глупости живетъ безстыднымъ плодъ.

БАСНЬ 15.

Оселъ и старый Пастухъ.

Какъ премѣняется правленіе народно,
Однимъ временьщикамъ то можетъ быть выгодно;
А бѣдной черни все равно, ктобъ ни владѣлъ,
Затѣмъ что всякъ терпѣть тожъ долженъ, что терпѣлъ.

Трусливой пасъ старикъ Осла въ привольномъ полѣ;
Почувъ вопль съ стороны невѣдомо отколѣ,
Подумалъ, что вблизи тамъ непріятель былъ,
И совѣщалъ Ослу, чтобъ онъ скорѣй далъ тылъ,
За тѣмъ, что оробѣвъ пастухъ того боялся,
Чтобъ непріятелямъ съ Осломъ онъ не попался.
А не проворной звѣрь спросилъ у старика:
Неушто на меня взворотятъ два возка?
Старикъ сказалъ: Никакъ. Такъ что же мнѣ и нужды,
Тебѣ ль служить, или попасть мнѣ въ руки чужды,
Когда тожъ бремя несть должна моя спина,
И гдѣ бы ни былъ я, однакъ судьба одна.

БАСНЬ 16.

Олень и Овца.

Обманщикъ, кой въ долгахъ даетъ порукъ зло-
нравныхъ,
Приводитъ до хлопотъ заимодавцовъ явныхъ,
А не съ такимъ въ заемъ намѣреньемъ беретъ,
Чтобъ дѣло безо всѣхъ минулося суетъ.

Просилъ въ долгъ у Овцы Олень пшеницы мѣру;
Ручался Волкъ по немъ, Овца чтобъ яла вѣру.
Отъ хитрости она себя тщась остеречь,
Сказала обоимъ въ отвѣтъ такую рѣчь:
Худую оба вы имѣете привычку;
Волкъ похищать всегда и уносить добычку,
А ты, какъ вихрь, изъ глазъ поспѣшно пропадать;
Какъ придетъ срокъ платить, гдѣ васъ тогда искать?

БАСНЬ 17.

Овца, Собака и Волкъ.

Бываетъ злобнымъ месть лжецамъ обыкновенна

Собака клевету взвела, что одолженна
Во время нужное отъ ней Овца была,
И цѣлой хлѣбъ въ заемъ при скудости взяла.
Съ собакою и Волкъ въ одно стакался слово,
И вящще подтвердилъ оклеветанье псово,
Сказавъ, что не одинъ, да десять ей дано.
Хоть ложно было то на Овцу взведено,
Но заплатила искъ Овечка по неволѣ.
Чрезъ три, четыре дни, или не много болѣ
Увидѣла Овца, что въ яму Волкъ попалъ:
Вотъ, что за ложь себѣ, сказала, ты снискалъ.

БАСНЬ 18.

Жена родами мучащаяся.

На туже лошадь сѣсть боится всякой болѣ,
Которая ногой ударила дотолѣ.

Ходила на часахъ беременна жена,
И ужъ совсѣмъ родить должна была она,
За тѣмъ что ей пора урочна миновала.
Металась по полу, и тяжко воздыхала:
Просилъ мужъ, чтобъ жена на мягкой одръ легла,
На коемъ бы родить удобнѣе могла.
На то жена ему отвѣтствовала прямо:
Не мню, чтобъ помогло мнѣ тоже мѣсто само,
И отъ болѣзни чтобъ моей я тамъ спаслась,
Гдѣ прежде оная, какъ знаешь, началась.

БАСНЬ 19.

Собака передъ родами.

Въ ласкательствѣ людей злыхъ ковъ сокрытъ
бываетъ,
Отъ коего сія насъ баснь остерегаетъ.
Искавши сука мѣстъ, чтобъ ощениться ей,
Подругѣ докучать съ тѣмъ начала своей,
Чтобъ только для родовъ канурой посудилась,
На что та до-слова охотно согласилась.
А какъ хозяйка домъ назадъ хотѣла взять,
Родильница у ней просила и опять,
Чтобъ малое еще ей время потерпѣти,
Пока повыростутъ и укрѣпятся дѣти.
Когдажъ и та пора давно уже прошла,
Усильно требовать кануру начала;
Но вмѣсто онаго, чтобъ возвратить чужое,
твѣтствовала ей родильница иное:
Когда ты въ силахъ мнѣ противиться съ ордой,
То возвращу тебѣ охотно твой покой.

БАСНЬ 20.

Голодныя Собаки.

Не только получить успѣхъ въ томъ дѣлѣ трудно,
Которо начато съ отвагой безразсудно;
Но часто съ пагубой оно сопряжено,
Какъ смертнымъ въ баснѣ сей о томъ изъяснено.
Увидѣвъ въ глубинѣ псы кожу истощалы,
Прилѣжно доставать готовый кормъ всѣ стали;
А чтобъ удобнѣе то въ дѣйство произвесть,
И изъ рѣки бъ доставъ скорѣй голоднымъ съѣсть,

Всѣ начали лакать припавши жадно воду,
И думали рѣку всю осушить до броду;
Но прежде требуха въ нихъ лопнула полна,
А нежели корысть достать могли со дна.

БАСНЬ 21.

Престарѣлый Левъ, Вепрь, Волъ и Оселъ.

Кто, прежняго лишась достоинства, сталъ бѣднымъ,
Бываетъ тотъ въ посмѣхъ негоднымъ и послѣднимъ.

Достигши старости глубокой, дряхлъ Левъ сталъ,
И лежа слабъ, конца послѣдняго ужъ ждалъ.
Свирѣпый Вепрь явилъ надъ жалкимъ лютость яру,
Прибѣгъ и поразилъ, мстя за обиду стару.
Направилъ на негожъ и Волъ свои рога,
И тяжко уязвилъ жестокаго врага.
А наконецъ когда Оселъ сіе увидѣлъ,
Что безопасно всякъ противника обидѣлъ,
Копытами въ чело ударилъ Льва и онъ.
Тутъ Левъ отчаянъ рекъ, какъ выходилъ духъ вонъ:
Когда и сильные дерзали что противно,
То и того не могъ сносить я терпѣливно;
Теперь, что отъ Осла терпѣть Левъ принужденъ,
Двукратно, кажется, тѣмъ живота лишенъ.

БАСНЬ 22.

Ласточка и человѣкъ.

Просила Ласточка попавшись человѣку,
Чтобъ не пресѣкъ ея безвинно смертью вѣку:
Помилуй, хоть за то обрадуй животомъ,
Что я отъ злыхъ мышей твой очищаю домъ.

Когдабъ ты для меня, сказалъ, о томъ радѣла,
Пріятнобъ было мнѣ, отъ карыбъ уцѣлѣла;
А ты вить для себя стараешься самой,
Чтобъ сытой лишь тебѣ крохами быть одной,
Которыя мышамъ могли бы доставаться:
Такъ должно ли сіе въ услугу причитаться,
Какъ нареканье въ томъ кладешь ты на людей?
И такъ убилъ ее онъ послѣ тѣхъ рѣчей.
Легко по симъ словамъ догадываться можно,
Что многие и то чтутъ за услугу ложно,
Въ чемъ только собственна ихъ польза состоитъ,
А изъ того другой со всѣмъ плода не зритъ.

БАСНЬ 23.

Вѣрная Собака.

Пріятенъ дуракамъ живетъ не къ статѣ чивой,
А скрытой въ щедрости ковъ видитъ прозорливой.
Чтобъ ночью промышлять могъ безопасно воръ,
Собакѣ бросилъ хлѣбъ, закравшися на дворъ.
То думалъ, что ее симъ средствомъ онъ обманетъ,
И лаять на него Собака ужъ не станетъ.
Пустое въ голову ты принялъ, Песъ сказалъ,
Чтобъ красть тебѣ я далъ и изъ куска молчалъ.
Когдабъ не оказалъ себя вдругъ тароватымъ,
Тобъ, можетъ быть, меня ты здѣлалъ простоватымъ;
Да щедрость, кою ты не къ статѣ кажешь мнѣ,
Бдѣть нудитъ, чтобъ не быть мнѣ отъ тебя въ винѣ.

БАСНЬ 24.

Треснувшая Лягушка и Быкъ.

Не долженъ никогда равняться съ сильнымъ бѣдный;
Въ противномъ случаѣ конецъ получитъ вредный.

Увидѣвъ Жаба, что гуляетъ въ полѣ быкъ;
Позарилась, что онъ предъ ней чрезъ чуръ великъ,
И дулась съ зависти, чтобъ морщевата кожа
Была величиной во всемъ съ бычачьей схожа.
А какъ потомъ она спросила у дѣтей:
Уже ли болѣе быка? Сказали ей:
Нѣтъ, матушка, еще ты меньше, какъ звѣрина.
По ширѣ раздалась у жабы кожурина.
За тѣмъ что дулася всей силою она,
Чья больше, вопросивъ опять, величина?
Быкъ болѣе, на то отвѣтствовали дѣтки.
Досадней сей отвѣтъ былъ жабѣ горькой рѣтьки,
И напыщалась столь, что крѣпче не могла;
Доколѣ дрожжи всѣ на мѣстѣ пролила.

БАСНЬ 25.

Собака и Крокодилъ.

Кто осторожнымъ злы совѣты падаваетъ,
Пріемлетъ тщетный трудъ, и посрамленъ бываетъ.

Изъ Нила воду псы лакаютъ на бѣгу,
Чтобъ крокодилу ихъ не изловить врагу.
И такъ когда бѣжа лакалъ песъ воду тамо,
То молвилъ Крокодилъ, какъ доброхотный, прямо:

Изволь тамъ кушать, гдѣ похочешь, мой дружокъ,
Приближись, не спѣша твой наполняй ротокъ,
И тщетно никакихъ обмановъ не страшися.
Пожалуй обо мнѣ, сказалъ Песъ, не крушися;
Охотнобъ исполнять готовъ былъ твой приказъ,
Когдабъ не зналъ, что вы до нашихъ падки мясъ.

БАСНЬ 26.

Лисица и Аистъ.

Месть равну воздавай, самъ будучи обидимъ;
А чтобъ не дѣлать зла, примѣръ мы въ притчѣ видимъ.

Аиста, говорятъ, на ужинъ позвала,
И съ хитрой выдумкой Лисица приняла,
Построивъ со стыдомъ надъ нимъ смѣшное чудо.
Поставила на столъ съ похлѣбкой жидкой блюдо,
Которой гость не могъ никакъ голодный ѣсть.
Подобную Лисѣ онъ послѣ воздалъ честь:
Взаимно пригласилъ Лисицу на пирушку,
И учинилъ надъ ней такую же игрушку;
Внесъ флягу, тюрею накрошенну сполна,
И подчуя просилъ, чтобъ кушала она.
Межъ тѣмъ свой долгой носъ впуская насыщался,
А у честной жены желудокъ поджимался,
Котора горлышко лизала лишь одно,
Какъ будтобъ ѣства та ей скучила давно.
Примѣтивъ то Аистъ, рѣчь выговорилъ къ стати:
Всякъ долженъ по себѣ о людяхъ разсуждати,
И терпѣливно то, что дѣлаетъ, сносить,
Или, чего себѣ не хочетъ, не творить.

БАСНЬ 27.

Собака, нашедшая сокровище, и Сипъ.

Никто съ богатствомъ въ свѣтъ изъ смертныхъ не родится;
Почто же въ скудости всякъ о излишнемъ тщится?

Собака, рыская, гдѣ мертвецовъ кладутъ,
И кости изъ могилъ выкапывая тутъ,
Сокровище нашла незапно подъ землею.
Усопшихъ боги душъ прогнѣванные ею,
Преступницѣ святынь мстя за отвагу злу,
Вселили страсть богатствъ къ несчетному числу.
И день и ночь она надъ деньгами карпѣла,
И ѣсть уже забывъ, отъ глада околѣла.
Тогда, какъ идетъ слухъ, надъ нею стоя Сипъ,
Достойно, говорилъ, ты алчной песъ, погибъ,
Кой на распутіи въ навозѣ зародился,
Скитался тамъ и здѣсь, навозомъ и кормился;
Да въ голову того ты выростши не взялъ,
И царскихъ вдругъ себѣ сокровищъ пожелалъ.

БАСНЬ 28.

Лисица и Орелъ.

И подлыхъ бойся, хоть цвѣтешь ты въ знатной чести;
Пронырливой легко найдетъ дорогу къ мести.

Какъ корму для дѣтей своихъ искалъ Орелъ,
Лисенковъ молодыхъ нечаянно обрѣлъ,
Схватилъ и потащилъ ихъ къ своему жилищу;
Принесши положилъ въ гнѣздѣ ту дѣтямъ пищу,

Мать бѣдна безъ души за нимъ гоняся въ слѣдъ,
Не дѣлай мнѣ толь злыхъ, Орла просила, бѣдъ.
Не преклонился онъ ни мало прозьбой тою,
Что безопасенъ былъ древины высотою.
Лисица въ крайности злосчастье предваря,
Похитила огонь отъ жертвъ и олтаря;
Все древо пламенемъ отвсюду окружила,
И горесть облегчить злодѣйской кровью мнила.
Орелъ, чтобъ могъ спасти отъ гибели дѣтей,
Лисенковъ возвратилъ съ покорностію ей.

БАСНЬ 29.

Лягушки опасающіяся сраженія быковъ.

Какъ сильные раздоръ имѣютъ межъ собою,
Наводятъ бѣднякамъ своею страхъ враждою.

За первенство быки бой подняли жестокъ;
Лягушка изъ того предвидѣла свой рокъ,
И зря на драку ихъ, пропали мы! сказала.
Почтожъ такъ говоришь, другая вопрошала?
О старшинствѣ, рекла, споръ идетъ межъ быковъ,
И хоть вдали живутъ отъ нашихъ тѣ домовъ,
И родомъ будучи и мѣстомъ отдѣленны;
Но по изгнаніи изъ лѣсу побѣжденный
Въ болотахъ кроючись, потопчетъ большу часть:
Такъ дложно будетъ намъ въ ихъ бѣшенствѣ пропасть.

БАСНЬ 30.

Коршунъ и Голубь.

Кто людямъ злымъ себя въ защиту поручаетъ,
Тотъ вмѣсто помощи погибель получаетъ.

Пребыстрой голубей спасъ многажды полетъ
Отъ хищныхъ Коршуна когтей и лютыхъ бѣдъ.

Къ лукавству обратилъ разбойникъ мысли злобны,
И лестью уловилъ родъ къ бою неспособный,
Чтобъ лучше примирясь Царемъ его нарекъ,
А нежель въ суетахъ препровождалъ свой вѣкъ.
При томъ ихъ не давать въ обиду обязался.
Хорошъ всѣмъ голубямъ царь оный показался,
И вѣря Коршуну, довольны были тѣмъ,
Въ защиту поддались, поздравили Царемъ.
Лишь только получилъ онъ власть надъ голубями,
По одиначкѣ сталъ ихъ ѣсть и рвать когтями.
Достойно страждемъ, рекъ одинъ изъ ихъ числа:
Причиной сами мы такова были зла.

КНИГА ВТОРАЯ.

Сочинитель.

Въ семъ слогѣ подаетъ Езопъ примѣры ясны;
Иногожъ ничего не заключаютъ басни,
Какъ трудъ, чтобъ премѣнить развратной нравъ людей,
И чтобъ острили умъ прилѣжностью своей.
И такъ, хотябъ въ нихъ смѣхъ, хоть правдабъ изъявлялась,
Лишь одного бы мысль намѣренья держалась,
И привлекалабъ рѣчь къ вниманію другихъ.
Не именемъ творца прилоговъ вымыселъ сихъ,
Но содержаніемъ своимъ хвалу заслужитъ.
Когда излишне что стихъ въ басняхъ обнаружитъ,
Хоть смысла старика держась не погрѣшу,
За благо то принять читателя прошу,
За тѣмъ что чувства разнь сія увеселяетъ.
А ежели за честь и краткость мнѣ признаетъ,
Которой не хочу пространно выхвалять,
И тщетныя на то слова употреблять;
То да внимаетъ онъ, разумнымъ что обычно,
Завистнымъ для чего отказывать прилично,
И для чего давать безъ прозьбы надлежитъ
Учтивость знающимъ въ прошеніяхъ и стыдъ:

БАСНЬ 1.

Молодой Быкъ, Левъ и Охотникъ.

Левъ стоя надъ быкомъ поверженнымъ трудился;
На тотъ часъ къ стати тутъ Охотникъ прилучился,
И требовалъ, чтобъ часть ему онъ удѣлилъ.
Когдабъ ты нагло брать, сказалъ Левъ, не любилъ,
Тобъ поступился я тебѣ до половины;
И такъ отвелъ ни съ чѣмъ нахала отъ скотины.
По случаю тогда прохожей мимо шелъ,
И съ простоты своей на мѣсто то набрелъ,
Гдѣ звѣря усмотрѣвъ, попятился обратно.
Не бойся, говорилъ прохожему пріятно,
И смѣло часть бери ты изъ добычи сей,
Котору заслужилъ учтивостью своей.
Потомъ Левъ раздѣливъ быка и взявши долю,
Пошелъ и приступить далъ человѣку волю.
Изряденъ и весьма похваленъ сей прилогъ;
Но зависть завсегда богата, стыдъ убогъ.

Басня 2.

Влюбившаяся Старуха и дѣвица.

Хоть любятъ щоголи, хоть щоголей красавы,
Но изъ кармана жать сокъ, женъ обычны нравы.
Влюбилась женщина въ дѣтину среднихъ лѣтъ,
Умѣвша старости не оказать примѣтъ,
За тѣмъ что гладилась, лощилась, щеголяла;
Евожъ красой своей и дѣвушка плѣняла.
Желали равныхъ лѣтъ казаться обѣ съ нимъ,
И средствомъ доказать старались то однимъ,

Начавъ изъ головы рвать волосы подруги.
Онъ мня, что кудри вьютъ и холятъ для услуги,
Безъ черныхъ и сѣдыхъ волосъ сталъ, какъ ладонь;
Тѣ старая, сіижъ рвала младая вонъ.

Басня 3.

Человѣкъ и Собака.

Бывъ нѣкто уязвленъ Собакою лихою,
Кусокъ ей хлѣба далъ помазанный рукою,
За тѣмъ что отъ людей слыхалъ онъ пожилыхъ,
Что рану заживить нѣтъ лучше средствъ другихъ.
Тогда сказалъ Езопъ: Смотри, чтобъ не видали
Другіе псы, и насъ живыхъ бы не пожрали,
Узнавъ, что такова награда имъ за зло.
Успѣхи злыхъ манятъ ихъ большее число.

Басня 4.

Орелъ, Кошка и дикая Свинья.

Орелъ гнѣздо себѣ свилъ на большой древинѣ,
А кошка родила нашедъ дупло въ срединѣ,
При корнѣ дикая Свинья имѣла плодъ;
Случился вмѣстѣ трехъ животныхъ разной родъ,
Коварное нашла и злое Кошка средство,
Чтобъ ей искоренить опасное сосѣдство.
Вскарапкавшись тотчасъ къ Орлиному гнѣзду,
Сказала, что тебѣ и мнѣ нажить бѣду:
Ты видишь, что Свинья въ глубь роется проворна,
Конечно для того, чтобъ дубъ свалить ей съ корня,
И нашихъ бы дѣтей на ровномъ мѣстѣ съѣсть.
Орелъ сталъ внѣ себя, сію услышавъ вѣсть;

А Кошка съ вышины къ Свиньѣ спустилась дикой,
И также навела ей ужасъ превеликой,
Бѣды надъ головой, сказавъ, твоей висятъ,
И если ты беречь не станешь поросятъ;
То всѣхъ отъ хищнаго Орла тотчасъ лишишься,
Какъ скоро въ стадо ты на паству отлучишься.
Потомъ опять въ своемъ запряталась дуплѣ,
А ночью рыскавъ, чуть ступала по землѣ,
И требуху свою съ дѣтьми набивъ проворно,
Весь озиралъ день, какъ въ ужасѣ, притворно.
Нещастія страшась, что дубъ падетъ, Орелъ,
На вѣтьвяхъ въ вышинѣ какъ вкопаной сидѣлъ.
Вепрь не сходилъ съ гнѣзда, хищенья опасаясь;
Погибли вдругъ съ дѣтьми, отъ глада изнуряясь,
А Кошкѣ было чѣмъ сосѣдей поминать.

Всякъ можетъ изъ сего доводъ примѣра взять,
Что двуязыной ввесть того въ бѣду умѣетъ,
Кто злобной хитрости его не разумѣетъ,
И смутнымъ вѣрить кто словамъ легко готовъ,
Не разсудивъ сперьва, что скрытъ въ нихъ ядъ и ковъ.

Басня 5.

Цесарь и Придворной.

Есть неспокойныхъ родъ головъ и запрометныхъ,
Которой въ Римъ жизнь въ трудахъ проводитъ тщетныхъ,
Изъ края мечется въ край празденъ весь въ поту,
Пыхтитъ, и за ни что вдаваясь въ суету,
Не нужными себя дѣлами отягчаетъ,
Тревожится всегда и протчимъ досаждаетъ:
Чрезъ повѣсть басенну исправитьсихъ потщусь,

Коль можно, и вотще успѣхомъ въ томъ не льщусь.
Достойно баснь сію внимать и не безплодно.

Путь было предпріять Тиверію угодно
Въ Мисенское село въ Неаполь на покой,
Построенно до толь Лукулловой рукой,
Которое съ горы на брегъ Сицильской зрѣло,
И море Тусское въ видужъ вдали имѣло.
Какъ Цесарь по садамъ зеленымъ тамъ ходилъ,
Досужливой водой Придворной сушь кропилъ,
Изъ деревяннаго сосуда поливая,
И тѣмъ пріятную услугу изъявляя;
А платье, кое съ плечъ до пояса онъ снялъ,
Пелузскимъ полотномъ повыше подвязалъ,
Лишь по пятамъ мохры тащились и обвисли.
Услугой представлялъ дурачество онъ въ мысли;
Но возбудилъ шальствомъ и гнусность вдругъ и смѣхъ.
Оттоль въ бесѣдку, пыль метя, кругомъ обѣгъ,
А Цесарь дурака узнавъ и дѣло само,
Вдругъ кликнулъ, бросился къ нему со всѣхъ ногъ прямо,
И мнилъ, что значитъ тотъ хорошее позывъ,
И конче Государь къ подаркамъ будетъ чивъ.
Но Цесарь рекъ: Труды твои пропали даромъ,
И малы столь, что жаль мнѣ заплатить ударомъ,
За тѣмъ что дороги пощочины мои,
И больше стоятъ, какъ услуги всѣ твои

Баснь 6.

Орелъ, Ворона и Черепаха.

Хотя кто огражденъ защитою природной,
Но отъ напасти онъ едва живетъ свободной;

А естьли къ силѣ злой прибавится совѣтъ,
То рушится, что мочь и дерзость потрясетъ.
Орелъ на высоту восхитилъ Черепаху,
Котора скрывшись вся внутрь черепа отъ страху,
Всѣ способы себѣ вредъ здѣлать отняла.
Ворона близъ Орла летѣвъ ему рекла:
Хорошъ кусокъ поймалъ, и можешь съѣсть съ охоткой,
Но естьли не скажу, что дѣлать съ сей находкой,
То тщетно бременемъ ты будешь утомленъ.
Частъ посулить Орелъ былъ оной принужденъ,
Чтобъ способъ изнутри достать кормъ показала.
Повыше подымись ты въ верхъ, она сказала,
И черепъ ниспустивъ, о камень имъ ударь;
Получишь въ снѣдь себѣ удобно скрыту тварь.
Послушавъ словъ ея, Орелъ повиновался,
И безобидно далъ ей часть, какъ обѣщался.
Мня подъ защитою натуры уцѣлѣть,
Погибша не могла тварь двухъ преодолѣть.

Басня 7.

Лошаки и разбойники.

Два Лошака однимъ путемъ шли, съ кладью оба;
Съ казной мѣшки везла одна изъ нихъ особа,
Другой товарища подлѣй казался быть,
И на спинѣ тащилъ велику ношу житъ.
Тотъ поднялъ шею вверхъ, гордясь богатствомъ клади,
И съ колокольчикомъ шелъ бодръ впередъ, сей съ зади
За предводителемъ, какъ вялой, въ шагъ ступалъ.
Незапно караводъ разбойниковъ напалъ:
Въ той свалкѣ Лошака кинжаломъ уязвили,

Расхитили казну, хлѣбъ ни во что вмѣнили.
Межъ тѣмъ, какъ сѣтовалъ ограбленной Лошакъ,
Я радъ, что презрили меня, сказалъ простакъ,
За тѣмъ что и бока мои и ноша цѣлы.
Кто безъ достатку свой проводитъ вѣкъ веселый,
Опасности такой незнаетъ и суетъ;
А кто богатъ, тотъ жди съ часа на часъ злыхъ бѣдъ.

Басня 8.

Олень и Быки.

Олень спасти хотя животъ отъ смерти злыя,
Дремучія лѣса оставилъ и густыя,
И отъ охотниковъ гонимъ въ село прибѣгъ,
Гдѣ было ближе, чтобъ тамъ могъ имѣть наслѣгъ.
Отчаянье и страхъ слѣпой загналъ звѣрину
Въ бычачью, кою онъ въ тотъ часъ нашелъ, хлѣвину.
Тутъ быкъ ему сказалъ: Что вздумалъ въ головѣ
Изъ доброй воли ждать убійства въ семъ хлѣвѣ?
Иль чаешь жизнь зберечь внутрь стѣнъ людскихъ, злощасной?
Укройте лишь, прошу, отъ гибели напрасной;
При случаѣ опять уйду, сказалъ Олень.
Какъ наступала ночь, и окончался день,
Принесши ввечеру быкамъ далъ скотникъ сѣна,
Однако между тѣмъ не усмотрѣлъ Оленя.
Ходили мужики потомъ впередъ и въ задъ,
Но всѣмъ имъ межъ быковъ Олень былъ не въ догадъ:
Прошелъ и староста, но не примѣтилъ звѣря.
Олень подумавъ, что ужъ нѣтъ бѣды теперя,
Благодарилъ быковъ покойныхъ онъ сто разъ,
Что сохранили жизнь его въ злощасной часъ.

Тогда одинъ сказалъ: Мы всѣ добра желаемъ,
Но буде придетъ, кто сто глазъ имѣетъ, знаемъ,
Что будетъ жизнь твоя подвержена бѣдамъ.
Межъ тѣмъ отъужинавъ пришелъ хозяинъ самъ,
Кой видя, что была быковъ часть заморенна,
И къ яслямъ подошедъ, спросилъ, что мало сѣна?
Или соломы нѣтъ? скотина что худа?
Чтобъ паутину съ стѣнъ сместь, сколько тутъ труда?
Когда такъ спрашивалъ и дѣлалъ наставленьи,
Вдругъ усмотрѣлъ рога высокіе Оленьи,
Былъ гостю радъ, и далъ тутъ карачунъ ему.
Хозяйской глазъ большимъ есть сторожемъ въ дому.

Заключеніе.

Езоповъ образъ былъ на мраморѣ поставленъ,
Чемъ отъ Аѳинянъ былъ сей рабъ заумъ прославленъ,
Чтобъ вѣдалъ всякъ, что всѣмъ путь къ славѣ есть прямой,
И что дается честь незнатности одной,
Но добродѣтелью заслуживаютъ славу.
Коль первенство другой взялъ въ родѣ семъ по праву,
И прежде, нежели я, басни сочинялъ;
То чтобъ былъ не одинъ, и я писать тожъ сталъ,
И то не съ зависти, но съ ревности единой,
Котора мнѣ была охоты сей причиной.
Когда мои труды хвалою Римъ почтитъ,
То многихъ противъ Грекъ не хуждшихъ ощутитъ.
Пусть зависть похвалы своей не удостоитъ,
Но совѣсть за сіе ее обеспокоитъ.
Какъ скоро ревность ты услышишъ и внушишь,
И басни, здѣланны со тщаньемъ, вразумишь,
То щастье пресѣчетъ къ пороченью слѣдъ всякій.
Когдажъ такіе лишъ вмѣнятъ мой трудъ за враки,

Которыхъ рокъ въ злой часъ на свѣтъ сей произвелъ,
И кои никакихъ другихъ не смыслятъ дѣлъ,
Какъ только что искать въ разумнѣйшихъ порока;
Готовъ я презирать злость, стиснувъ зубы, рока,
Доколѣ щастіе въ раскаянье впадетъ,
Когда вину свою въ досадѣ мнѣ найдетъ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Предъизвѣщеніе къ Евтиху.

Коль книжки Федровы читать тебѣ угодно,
То время ты имѣй, Евтихъ, отъ дѣлъ свободно,
Чтобъ умъ покойный смыслъ стиха возмогъ понять.
А ты мнѣ говоришь: Не можно потерять
Минуты заняту дѣлами повсечасно.
Такъ въ руки не бери, коль не пойметъ слухъ ясно.
Но скажешь можетъ быть: Часъ выдастся такой,
Въ которомъ буду я имѣть отъ дѣлъ покой;
Тогда то я примусь безпечно за науки.
Скажи же: Лучше ли читать смѣшныя штуки,
А нежель о своихъ домашнихъ промышлять,
Услуживать друзьямъ, супругѣ угождать,
Отдыхъ дать разуму, и упокоить тѣло,
Чтобъ крѣпче за свое опять приняться дѣло?
Никакъ: перемѣнить ужъ должно жизни родъ,
Когда охота есть познать ученья плодъ.
Я на Парнассѣ бывъ отъ матери рожденный,
И тѣмъ же молокомъ отъ оной воздоенный,
Какимъ Мнемозина вскормила дочерей,
Которыхъ девять дѣвъ наукъ былъ хоръ у ней,
Хоть въ самомъ почитай училище родился,
Отъ прелести богатствъ всѣмъ сердцемъ отщетился,

И славы красотой влекомъ учиться сталъ;
Однакъ съ трудомъ хоръ Музъ въ свой сонмъ меня пріялъ.
Какой, какъ чаешь ты, тотъ плодъ пріобрѣтаетъ,
Кто всѣми силами богатства собираетъ,
Дороже чтя корысть ученаго труда?
Пусть такъ, или не такъ, (Синонъ то рекъ тогда,
Какъ въ руки онъ царю Троянскому попался)
Я третью книгу пѣть Езопа басенъ взялся,
Для чести и твоихъ то дѣлая заслугъ.
Когда прочтешь ее, обрадуешь мой духъ;
А естьли нѣтъ, найдутъ потомки въ ней забаву.
Теперь что подало вину сихъ притчъ къ составу,
Намѣренъ кратко я объ ономъ предложить.
По волѣ ничего не смѣя говорить
Подвержены рабы чужой неволей власти,
Черезъ прилоги знать давали мысль отчасти,
И басни вымысливъ презорство отвели.
Потомъ по ихъ тропѣ мои стопы пошли,
А наконецъ уже дорогу разширили,
И больше думалъ я, какъ мысли рабски были,
Вдругъ примѣняючись и къ горести своей.
Когда бы не Сеянъ донесъ, но тотъ иль сей,
Когда бы обличилъ иной, и осудилъ бы,
Толикихъ бѣдъ себя достойнымъ я вмѣнилъ бы,
И сей утѣхою не облегчалъ бы зла.
Кто вздумаетъ на свой прилогъ клонить дѣла,
И о себѣ возмнить, что обще всѣмъ реченно,
Тотъ совѣсть обнажитъ безумецъ совершенно:
Однакъ прошу его, чтобъ всуе не грѣшилъ,
И чтобъ намѣренье мое тѣмъ извинилъ,
Что въ басняхъ ни кого пятнать я не желаю,

Но только жизнь людей и нравы изъявляю.
Пускай же мнятъ, что я за трудну вещь берусь;
Яжъ напротивъ того тѣмъ вящше поощрюсь,
Что ежели Езопъ и Анахарсъ издавна
Дотигли имени чрезъ разумъ свой толь славна,
Хоть тотъ во Фригіи, сей въ Скиѳіи рожденъ,
Я къ Грекамъ будучи ученымъ приближенъ,
Могуль отечество въ забвеніи оставить,
Чтобъ не умножить честь его и не прославить?
Коль знаетъ Ѳракія считать творцовъ своихъ
Какъ Лина, равно какъ Орфея обоихъ,
Которой пѣніемъ влекъ камни за собою,
Звѣрей смягчалъ, и Гебръ остановлялъ порою;
Молчи же, зависть, ты, и удались скоряй,
Затѣмъ что буду честь имѣть всегдашню, знай,
Ко чтенію, Евтихъ, симъ побудить я тщуся,
Надеждой между тѣмъ пріятною самъ льщуся,
Что конче изъявить мнѣ знакъ не преминешь,
Сколь съ истиннымъ меня усердіемъ ты чтешь.

Басня 1.

Старуха къ найденной бочкѣ.

Отъ бочки обонявъ пріятной духъ ноздрями,
Которую нашла съ Фалернскими дрожжами,
И виннымъ запахомъ до сыта насладясь,
Старуха жадная сказала въ оный часъ:
Любезная душа! о Нектаръ предражайшій!
Сколь многимъ передъ симъ до толь ты былъ сладчайшій!
Когда и самые остатки таковы!
Всякъ силу ясно зритъ сей басенной молвы

Басня 2.

Барсъ и пастухи.

Награду воздаетъ обиженный тужъ саму.
Барсъ нѣкогда упалъ неосторожно въ яму;
Примѣтивъ Пастухи всѣ бросились съ полей,
Иныя палками во врагъ метали сей,
Другіе въ бѣдняка каменьями кидали,
А нѣкоторые жалѣя разсуждали,
Что можетъ околѣть и безъ того звѣрокъ,
Которому пришелъ безъ бою смертный рокъ;
И въ мысляхъ таковыхъ ломоть въ ровъ опустили,
Чтобъ тѣмъ злощастнаго жизнь снова подкрѣпили.
Какъ наступила ночь, пошли всѣ по домамъ,
Мня мертваго найти по утру барса тамъ.
Лишь только отдохнулъ, и съ силой онъ собрался,
Проворно выскочивъ изъ рва, куда попался,
Со всѣхъ ногъ бросился въ гнѣздо свое опять,
И нѣсколько дней въ немъ онъ вздумалъ обождать,
А умыселъ къ тому употребилъ нарошный,
Чтобъ также здѣлались враги, какъ онъ, оплошны.
Потомъ вдругъ налетѣвъ, скотину сталъ терзать,
Злодѣевъ Пастуховъ свирѣпо умерщвлять,
И съ яростью громя стада безмѣрно злился.
Тогда ужъ наконецъ звѣрь лютый утолился,
Какъ начали его жалѣвшіе просить,
Дабы едину жизнь невинну пощадить.
Барсъ напротивъ того сказалъ: Я помню твердо
Кидавшихъ камнями въ меня немилосердно;

Для благодѣтельстважъ оставьте вы свой страхъ:
Обидчикамъ однимъ противникъ я и врагъ.

Баснь 3.

Пиѳикова голова.

Увидѣвъ Пиѳика у мясника прохожей,
Которой у него висѣлъ съ дурною рожей,
Между продажными товарами ево,
Спросилъ, каковъ есть вкусъ провѣснаго сего?
Тогда мясникъ шутя отвѣтствовалъ дѣтинѣ:
Каковъ является видъ оной въ образинѣ,
Таковъ же точно вкусъ и сладость такова.
Для шутки сказаны, не въ правду тѣ слова,
За тѣмъ что часто мнѣ то примѣчать случалось,
Что коихъ мнѣ лице пригожимъ быть казалось,
Въ тѣхъ нрава добраго не находилъ отнюдь,
А тотъ былъ лушій, кто являлся съ виду худъ.

Баснь 4.

Езопъ и Забіяка.

Доводитъ до бѣды щастливая удача.
Ударилъ камнемъ злой Езопа, забіяка;
Тѣмъ лучше, рекъ Езопъ, ты здѣлалъ, мой дружокъ;
Потомъ далъ грошъ за то, влѣпивъ что камень въ бокъ.
Примолвилъ сверхъ сего: Клянусь, что больше нѣту,
Но можешь ты достать по моему совѣту.
Смотри вотъ близъ тебя богатой идетъ тутъ,
Брось камнемъ, наградитъ щедряе сей за трудъ.
Послушавъ и того онъ камнемъ запятналъ;
Но схваченъ и казненъ продерской сей нахалъ.

Басня 5.

Муха и Ослица

Къ оглоблѣ прилѣпясь грозила Муха клячѣ:
Что тихо такъ ползешь? Не льзяль ступать иначе?
Не лучшель попрямить повислой шеи мнѣ;
Дамъ со сто ранъ тебѣ я жаломъ на спинѣ.
Пожалуй нестращай, Ослица отвѣчала,
Я право твоего не устрашаюсь жала,
Но тотъ лишь страшенъ, кто напереди сидитъ,
Мной правитъ, дѣлать все по волѣ мнѣ велитъ,
Держа съ вожжами бичь и къ бѣгу понуждая.
Откинь же хвастовство; вить похвальба пустая,
За тѣмъ что я могу и безъ укащицъ знать,
Гдѣ должно тише мнѣ, и гдѣ скорѣй бѣжать.
Достойно можно тѣмъ колоть глаза сей басней,
Которыхъ хвастовство смѣшняя всякихъ блазней,
За тѣмъ что силы въ нихъ противъ ребенка нѣтъ,
Однако потрясти грозятся цѣлой свѣтъ.

Басня 6.

Собака и Волкъ.

Всѣмъ вольность дорога, и всѣмъ неволя скучна!
Попалась невзначай Собака Волку тучна;
Волкъ напротивъ того иссохъ весь и исчахъ,
И съ голоду едва держался на ногахъ.

Какъ поздоровалисьони между собою,
Остановились: Волкъ завелъ рѣчь съ дорогою:
Скажи мнѣ, кумушка, какъ другу, безъ затѣй,
Съ чего ты стала такъ дородна у людей,
И чемъ ты кормишься, что тучна и дебела?
А у меня почти нѣтъ ничего и тѣла,
При томъ хотя тебя сильняе вдвое я,
Но съ голоду со всѣмъ пропаща жизнь моя.
Сабака не таясь отвѣтъ дала худому:
Тыбъ также былъ, какъ я, доволенъ по прямому,
Когдабъ хозяину служить хотѣлъ ты такъ,
Какъ я ему служу вѣрнѣй другихъ собакъ.
Что дѣлать у нево? На ту сказалъ Волкъ рѣчь.
Ты долженъ у воротъ всю ночь двора стеречь,
Чтобъ воры не пришли въ господской домъ для кражи.
Волкъ отвѣчалъ: Готовъ итти съ тобой для стражи
Чѣмъ бродя по лѣсамъ несносну жизнь имѣть,
И нужду отъ снѣговъ и стужи тамъ терпѣть.
Не лучшель жить въ теплѣ подъ кровлей, какъ подъ небомъ,
И лежа на боку питаться даромъ хлѣбомъ?
Нужь пойдемъ, молвила Собака. Вызналъ толкъ,
Какъ шею на пути увидѣлъ стерту Волкъ.
Спросилъ: что шея такъ гола, мой свѣтикъ, стала?
Бездѣлица, она товарищу сказала.
Пожалуй отъ меня, ты кумушка, не скрой.
Хозяинъ вѣдая обычай мой дурной,
И что кажусь ему безмѣрно я лихою,
Велитъ привязывать меня дневной порою,
Чтобъ днемъ покоилась, а ночью не спала,
Лишь спустятъ свечера, куда хочу пошла;
Хлѣбъ до-слова даютъ, и кости мнѣ бросаютъ,
Которые съ стола господскаго збираютъ,

При томъ сверхъ множества оставшихся кусковъ,
Похлебкой промзглою довольна отъ рабовъ:
И такъ я всѣмъ сыта, и голоду не знаю.
А вольноль отходить? спросилъ Волкъ. Я не чаю.
Довольствуйся же ты, Собака, симъ добромъ;
Я царства не хочу, чтобъ съ воли быть рабомъ.

Басня 7.

Братъ и Сестра.

Принявши сей примѣръ за правило надежно
Испытывай себя и часто и прилѣжно.

Нелѣпа дочь была безмѣрно у отца;
И у негожъ былъ сынъ прекраснаго лица.
Подѣтски братъ съ сестрой между собою играя,
Взглянули въ зеркало какъ тотъ такъ и другая,
На креслахъ матери лежавше въ пору ту.
Тотъ выхвалялъ свою безмѣрно красоту,
Сей шутки братнины казалися несносны,
И за насмѣшества тѣ почитая злосны,
Побѣгла съ жалобой къ отцу, чтобъ равно мстить,
И злобно начала на брата доносить,
Что вздумалъ присвоять женъ красоту мущина.
Обнявши ихъ отецъ, лобзалъ и дочь и сына;
И по-ровну любовь обѣимъ раздѣлилъ,
А между тѣмъ ихъ споръ сей рѣчью разрѣшилъ:
Смотритесь въ зеркало вы всякъ день забавляясь,
Чтобъ злой нравъ красоты не повредилъ вселяясь,
И что бы честностью нелѣпость наградить;
И такъ обѣимъ льзя вамъ пользу получить.

Баснь 8.

Сократово слово.

Всякъ другомъ звать готовъ, и всякъ то имя знаетъ,
Но рѣдко вѣрной другъ и искренней бываетъ.
Какъ Сократъ не большой домишко основалъ,
(Охотникъ коего я смерти жизнь скончалъ,
Лишь толькобъ пріобрѣсть толикуюжъ могъ славу,
И только бы мнѣ быть въ могилу легши праву,
А впротчемъ ненависть съ терпѣніемъ сношу,
И злобою за то взаимно не дышу)
Тогда, не знаю кто, рекъ изъ толпы народной:
Почто толикій мужъ домъ строишь незаводной?
О! Еслибъ я, сказалъ, сколь домъ мой ни убогъ;
Наполнить вѣрными друзьями оный могъ.

Баснь 9.

Быль, случившаяся при Августѣ.

Совсѣмъ невѣрнымъ быть, или быть суевѣромъ,
Сколь вредно, краткимъ мы покажемъ то примѣромъ.
Скончалъ жизнь Ипполитъ несчастной для того,
Что было мачихѣ повѣрено его;
Минулабъ пагуба Троянъ неосторожныхъ,
Когдабъ не призрили Кассандры словъ неложныхъ.
Такъ правду на передъ съ медленьемъ испытай,

А слѣпо ни о чемъ и вдругъ не разсуждай.
Но чтобы словъ моихъ бездѣлкой не почтили,
Что баснословную мы древность здѣсь включили,
Скажу, что сдѣлалось на памяти моей.
Былъ нѣкоторый мужъ горячъ къ женѣ своей,
И у себя имѣлъ на возрастѣ онъ сына.
Ужъ тщился вздѣть уборъ лѣтъ мужескихъ дѣтина;
Постигла между тѣмъ злощастная судьба,
Обманутъ былъ отецъ отъ хитраго раба,
Которой получить мня ближнее наслѣдство,
Коварное нашелъ и пагубное средство.
Отведши старика въ уединенну клѣть,
И много лжи сказавъ, готовилъ сыну сѣть,
А паче на жену взвелъ ложныя проказы,
Онъ зналъ, что злѣе нѣтъ влюбленному заразы,
Какъ естьли обнести въ невѣрности жену,
И для того сказалъ несносную вину,
Что чрезъ знакомство та съ особой неизвѣстной
Кладетъ на домъ ево худую славу честной.
Въ жестокой мужа гнѣвъ приступство привело,
И тотчасъ притворясь поѣхалъ онъ въ село.
Помѣшкавъ въ ближнемъ самъ мѣстечкѣ возвратился,
И изневѣсть вшедъ въ домъ, въ покой къ женѣ ввалился;
Гдѣ сыну взрослому заботливая мать,
Блюдя отъ нравовъ злыхъ съ собой велѣла спать.
Межъ тѣмъ, когда еще огонь былъ не засвѣченъ,
Не сбѣглися рабы, супругъ безчеловѣченъ
Отъ сильной ярости къ постели прискочилъ,
И въ темнотѣ рукой за голову схватилъ.
Острижену почувъ, пронзилъ мечемъ утробу,
И только выместить одну старался злобу,

А впротчемъ ни о чемъ не мыслилъ болѣ онъ,
Какъ скоро принесли домашніе огонь,
Супругу на одрѣ съ рожденнымъ зря единомъ,
Нечувствовавшу, что съ ея случилось сыномъ,
За тѣмъ что крѣпкимъ сномъ была отягчена,
Явилъ месть надъ собой, какъ зла сего вина,
И на желѣзо палъ, которо обнажила
Зла легковѣрности и безъ разсудка сила.
Сложили на жену доносчики бѣду,
И къ Стоначальникамъ въ Римъ отвели къ суду.
Невинну ложное губило подозрѣнье,
Что та присвоила супружнее имѣніе.
Защитники ея въ томъ дѣлѣ стороны
Старались доказать невинность сей жены;
Судьи, давъ клятву въ томъ,, что споръ рѣшить нѣтъ силы,
Въ сомнѣньи помощи у Августа просили,
Которой трудности всѣ въ тонкость разобравъ,
Кто виненъ подлинно, и кто по дѣлу правъ,
И строго истинну изслѣдовавъ прямую,
Сказалъ: Да приметъ казнь отпущенникъ презлую,
Источникъ онаго злодѣйства и глава;
Достойна милости, не казни та вдова,
Которой сынъ и мужъ погибли вдругъ злощастно.
Когда бы испыталъ супругъ вины всѣ ясно,
Когда бы самую ложь точно разсудилъ,
Тобъ дому своего въ конецъ не разорилъ.
Не должно пропущать рѣчей внушенныхъ даромъ,
И принимать съ слѣпымъ за праведныя жаромъ,
Когда и тѣ грѣшатъ, на коихъ думы нѣтъ,
И кои не грѣшатъ, не избѣгаютъ бѣдъ,
За тѣмъ что въ оныя коварство ихъ ввергаетъ.
Примѣръ сей простяковъ довольно научаетъ,

Чтобъ ничего съ людскихъ не оцѣнять рѣчей,
За тѣмъ что склонности противны суть людей,
И судитъ по тому различно всякъ несхотству,
По ненависти тотъ, а сей по доброхотству.
Знай, вызнанъ кто тобой. Сіежъ распространилъ,
Что нѣкоторымъ сталъ за краткость я постылъ.

Баснь 10

Пѣтухъ къ найденной жемчужинѣ.

Попалась Пѣтуху жемчужина драгая,
Когда въ сору искалъ онъ корму, разгребая.
Сколь драгоцѣнна вещь, да гдѣ лежишь, сказалъ!
О! еслибы тебя кто знающей сыскалъ;
Была бы въ прежней ты чести, а мнѣ не къ стати,
Кой болѣе всего пекуся кормъ достати.
Почтожъ нашелъ, коль въ томъ нѣтъ пользы и самой?
Внимай, кто силы притчъ не знаетъ сихъ прямой.

БАСНЬ 11.

Судъ между Пчелъ и Шмелей предъ Осою.

Сотъ Пчелы на дубу высокомъ составляли,
Лѣнивые жъ Шмели своимъ ево признали;
Ту распрю ихъ Оса судомъ разобрала.
Извѣстна и о тѣхъ и о другихъ была,
И для того на томъ все положила дѣло:
То правда, обоихъ видъ сходствуетъ и тѣло,
И конче есть о чѣмъ сомнѣніе имѣть;
Но чтобъ по совѣсти мнѣ право разсмотрѣть,

И противъ истинны не погрѣшить напрасно,
Во ульяхъ ячейки налейте сотомъ разно,
Покажетъ меда вкусъ и сота видъ слѣды,
Чьи были подлинно, о коихъ споръ, труды.
Угодно было то Пчеламъ, Шмелямъ не нравно;
Тогда рѣшила весь ихъ споръ Оса исправно:
Теперь я вижу, кто изъ васъ составилъ медъ,
И кто трудиться самъ въ томъ не умѣя лжетъ.
Да возмутъ Пчелы плодъ трудовъ своихъ достойно,
И будетъ между Пчелъ и межъ Шмелей спокойно.
О сей бы притчѣ я конечно умолчалъ,
Когдабъ, что тожъ шмели до днесь чинятъ, не зналъ.

БАСНЬ 12.

Играющій Езопъ.

Прохожей усмотрѣвъ Аѳинянинъ смѣялся,
Что межъ ребятъ Езопъ орѣхами четался,
И для того ево за дурака почелъ.
Когда насмѣшку ту старикъ уразумѣлъ,
То лучши самъ ему, какъ оной, вставилъ роги:
Ослабленой повергъ лукъ посреди дороги,
Сказавъ: Узнай же ты, мудрецъ, что здѣлаль я.
Збѣжалася толпа проказы зрѣть сея.
Онъ долго мучился, и знать не могъ причины,
Для коей заданъ сей вопросъ отъ дурачины,
А наконецъ со всѣмъ остался побѣжденъ.
Тогда Езопомъ такъ былъ оной разрѣшенъ:
Натянутой всегда лукъ скоро разрушится,
А естьли тетиву ослабишь, впредь годится.
Такъ должно часъ седѣ и для забавы дать,
Чтобъ мысль опять могла живяе раз суждать.

БАСНЬ 13.

Собака къ Ягненку.

Какъ лежа промежъ козъ блеялъ Ягненокъ въ стадѣ,
Собака молвила ему въ то время къ статѣ:
Вить нѣту, глупенькой, здѣсь матери твоей,
И не-для чего быть съ козами вмѣстѣ ей;
Потомъ вдали овецъ пасомыхъ показала.
На ту Овечка рѣчь Собакѣ отвѣчала:
Не той ищу теперь, котора всякой годъ,
Когда ей хочется, свой зачинаетъ плодъ,
И бремя до поры незнаемо таскаетъ,
А наконецъ ево, гдѣ прибрело, бросаетъ;
Но той, которая сосать себя даетъ,
И больше мнѣ млеко, какъ дѣтямъ, бережетъ.
Да не милѣе ли, сказалъ Песъ, мать родная?
Откуда знать могла, что черенъ я иль бѣлъ,
Когда еще и глазъ ея меня не зрѣлъ?
Пусть знала бы; но тѣмъ премного одолжила,
Что мужескъ полъ въ себѣ на то одно носила,
Что ждалъ я мясника съ часа на часъ бѣднякъ.
А та мнѣ для чего должна милѣе быть,
Которая меня печется воскормить,
И по любви одной о брошенномъ жалѣла,
Какъ та, которая въ томъ власти не имѣла,
Чтобъ не родить меня, зачавъ уже, на свѣтъ?
Короткой я на то могу сказать отвѣтъ:
Родителей любовь, не нужда учиняетъ.

Ту силу въ сихъ стихахъ творецъ ихъ заключаетъ,
Что понужденіямъ противенъ всякъ живетъ,
Заслугажъ каждаго къ любви сама влечетъ.

БАСНЬ 14.

Стрекоза и Сова.

Кто не смиряется, не зная въ людяхъ разни,
Тотъ подвергаетъ самъ себя не рѣдко казни.
Наскучилъ Стрекозы противной крикъ въ травѣ
Обыкшей пищи въ ночь себѣ искать Совѣ,
А на свѣту въ дублѣ укрывшись спать спокойно.
Просила чтобъ молчать, учтиво и пристойно,
Но пуще та кричать злодѣйка начала.
Еще просить она принуждена была,
Но Стрекоза потомъ кричала безъ умолку.
Сова примѣтивъ, что ей не добиться толку,
И что она свои теряетъ лишь слова,
Чтобъ безспокойная утихла голова,
Таковъ для Стрекозы обманъ употребила:
Когда покою ты, поя, меня лишила,
И Аполлоновой подобной цитрѣ гласъ
Не престаешь являть ниже на малой часъ;
То я имъ усладясь теперь пить нектаръ рада,
Которой въ даръ дала недавно мнѣ Паллада.
Коль не противно, то прошу притти ко мнѣ,
И станемъ вмѣстѣ пить съ тобой на единѣ.
Казалось дурѣ, что она пріятно пѣла;
Услышавъ похвалу, не медля прилетѣла,
И жажду сильную спѣшила утолить.

Но вмѣсто онаго, чтобъ гостью почестить,
Вонъ вылезть изъ дупла Сова не преминула,
Настигла пѣвчую, и голову свернула.
И такъ исполнила, лишившись жизни, то,
Что будучи жива вмѣняла ни во что.

БАСНЬ 15

Древа подъ защищеніемъ боговъ.

Въ защиту взять древа богамъ угодно было,
Которое кому изъ нихъ казалось мило:
Дубъ Юпитеръ хранить особо предпріялъ,
Лавръ Аполлону, Миртъ Венерѣ нравенъ сталъ,
Цибела сосну взять въ покровъ свой обязалась,
А Геркулесъ тополь. Минерва удивлялась,
Что вздумали древа безплодныя избрать:
Хотѣла для сего тому причину знать.
А какъ спросила, рекъ на то боговъ правитель:
Чтобъ ни единъ о насъ не думалъ ложно чтитель,
Мы будто воздаемъ плодами долгъ за честь.
Пускай же говорятъ, кому что годно плесть,
Ябъ право предпочла Оливу плодоносну,
Оставя дубъ, лавръ, миртъ, тополь и голу сосну.
Тутъ Юпитеръ сказалъ Минервѣ рѣчь сію:
Достойно всякой чтитъ, премудрость, Дщерь твою;
Безуменъ, есть ли кто снискать въ томъ славу тщится,
Въ чемъ пользы вѣкъ не зритъ, сколь много ни трудится.
Примѣръ сей учитъ тѣхъ не дѣлать дѣлъ отнюдъ,
Въ которыхъ пользы нѣтъ, а только тщетной трудъ.

БАСНЬ 16.

Павлинъ къ Юнонѣ.

Павлинъ обиженной богинею своею,
Что пѣсней не дала такихъ, какъ соловею,
Пришедъ къ Юнонѣ, въ томъ ей жалобу творилъ.
Дивятся соловью всѣ птицы, говорилъ,
Яжъ голосъ свой казать имъ долженъ лишь для смѣху.
На то она ему отвѣтъ дала въ утѣху:
Ты предпочтенъ другимъ отличной красотой,
И много превзошелъ твоей величиной;
Смарагдовой ты блескъ отъ шеи испускаешь,
И радужный поднявъ хвостъ, свѣтлость звѣздъ являешь,
Иль камнямъ дорогимъ подобные цвѣты.
На чтожъ мнѣ видъ, сказалъ, безгласной пестроты,
Коль голосомъ не льзя сравниться со другими?
Дарами птицъ судьба снабдила не одними:
Тебѣ пригожей видъ, а мочь Орлу дала,
Пѣснь Соловью, добра гаданіе и зла
Воронѣ съ Ворономъ она опредѣлила;
Но жалобъ ни одна на голосъ не чинила.
Такъ не ищижъ и ты, чего нельзя имѣть,
Чтобъ льстясь надеждою пустою не жалѣть.

БАСНЬ 17.

Езопъ къ пустомелѣ.

Езопъ одинъ слуга былъ господину вѣдомъ,

Которому велѣлъ онъ поспѣшать обѣдомъ.
Совался по дворамъ, ища огня, съ свѣчой,
И наконецъ нашедъ зажегъ и несъ домой.
Но обходить кругомъ далече надлежало;
А что бы время въ томъ напрасно не пропало,
Ближайшимъ и прямымъ чрезъ площадь шелъ путемъ.
Тутъ нѣкто изъ толпы сказалъ: Не ушто днемъ,
Какъ ты теперь, Езопъ, съ свѣчою ходятъ люди?
Да я ищу, сказалъ, самъ человѣка всюды:
Спѣшилъ межъ тѣмъ домой, чтобъ кушанье варить.
Когда сей грубіянъ могъ здраво разсудить,
То конче понялъ онъ прямую силу слова,
Что ставитъ не въ числѣ людей старикъ такова,
Которой подымать охочь тогда на смѣхъ,
Какъ долженъ человѣкъ трудиться безъ помѣхъ.

БАСНЬ 18.

Оселъ и Цибелины жрецы.

Кто не въ сорочкѣ въ свѣтъ родился, но злощастенъ,
Не только въ жизни тотъ бываетъ бѣдъ причастенъ,
Но и по смерти злой судьбиною гонимъ,

Нищетскимъ промысломъ питаяся однимъ,
Цибелины жрецы Осла съ собой водили,
Когда для милостынь по торжищамъ ходили,
Которой на спинѣ велику клать возилъ.
Какъ тяжкимъ ужъ трудомъ бѣднякъ умученъ былъ,
И наконецъ отъ ранъ издохъ, вѣкъ мыкавъ горе,
То здѣлали они изъ кожи бубны вскорѣ.

Объ ономъ знать хотя, ихъ нѣкто вопросилъ,
Что здѣлали они надъ тѣмъ, кто столь былъ милъ?
На сей вопросъ ему Жрецы въ отвѣтъ сказали:
Что мнилъ по смерти быть Оселъ безъ бѣдъ, мы знали,
И вмѣсто тѣхъ побой, которые терпѣлъ,
Для мертваго нашъ умъ другіе изобрѣлъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Предъизвѣщеніе.

Шутливымъ кажется тебѣ сей слогъ, я чаю;
И правда, что труды на мѣлочь полагаю,
За тѣмъ что важнѣйшихъ я не имѣю дѣлъ.
Но естлибъ ты сіи бездѣлки разсмотрѣлъ,
И тщательнѣебъ ихъ прочесть не полѣнился,
Коликой бы обрѣлъ въ томъ плодъ, въ чемъ я трудился?
Не все, что кажется извнѣ, внутрь таковожъ.
Наружной многимъ видъ показываетъ ложь,
И рѣдкой разумъ то удобно понимаетъ,
Что внутренне въ себѣ прилѣжной трудъ скрываетъ,
А чтобъ мнѣ не терять своихъ напрасно словъ,
О ласочкѣ сказать и о мышахъ готовъ.

БАСНЬ 1.

Ласочка и Мыши.

Какъ Ласочка поживъ вѣкъ долгій одряхлѣла,
И силъ ловить Мышей проворныхъ не имѣла;
То вываляла шерсть свою она въ мукѣ,
И въ темномъ рынулась, какъ чурка, уголкѣ.
Подумавъ Мышь, что кормъ лежитъ, къ ней подскочила,

Но голову свою задавленна сложила;
Другой случилось тожъ, и третей послѣ той.
Какъ пропадали такъ одна мышь по одной,
То выдти очередь дошла грызуньѣ крысѣ,
Не попадавшей вѣкъ ни въ пасть, ни въ когти кисѣ,
Которая обманъ узрѣвъ издалека,
Рекла злодѣйкѣ: такъ и ты будь, какъ мука.

БАСНЬ 2.

Лисица и виноградная кисть.

Былъ въ брюхѣ у Лисы отъ глада зудъ жестокой,
И прыгая она на виноградъ высокой,
Всей силой ягодъ кисть старалася сорвать;
А какъ не удалось ей оную достать,
То съ грусти отходя безщастная сказала:
Возможноль, что бы ѣсть не зрѣлую я стала!
Кто за бездѣлку чтетъ, что трудно произвесть,
Тотъ долженствуетъ сей прилогъ къ себѣ причесть.

БАСНЬ 3.

Конь и Вепрь.

Валяясь Вепрь въ ручьѣ, взмутилъ его однажды,
Изъ коего пивалъ до толѣ Конь отъ жажды.
Поссорились они за то между собой.
Конь помощи просилъ, на звѣря злясь, людской,
И на спинѣ помчалъ онъ всадника къ злодѣю,
Котораго пронзивъ стрѣлою тотъ своею,
Убилъ, и такову примолвилъ къ статѣ рѣчь;

Я радъ, что мнѣ тебя случилося сберечь,
За тѣмъ что, получивъ добычу, вызналъ точно,
Сколь мнѣ держать тебя полезно есть и прочно.
Накинулъ вдругъ узду неволей на коня.
Тогда въ тоскѣ онъ рекъ: глупѣе нѣтъ меня;
Искалъ защиты я безумной въ маломъ дѣлѣ,
А тѣмъ въ неволю впалъ, свободенъ бывъ доселѣ.
Кто сердцемъ крутъ, такой не мстя сноси напасть;
То лучше, какъ терпѣть другихъ подъ игомъ власть.

БАСНЬ 4.

Езопъ толкователь духовной.

Изъ краткой повѣсти потомство да познаетъ,
Что часто множества одинъ умнѣй бываетъ.
Оставилъ нѣкто трехъ по смерти дочерей:
Прельщала молодыхъ красой одна людей,
И взглядомъ ихъ къ себѣ пріятнымъ привлекала;
Другая добрыхъ свойствъ, шерсть, какъ крестьянка, пряла,
А третья видомъ всѣмъ весьма гнусна была,
И въ пьянствѣ гадко жизнь безпрокую вела.
Наслѣдство по отцѣ съ тѣмъ мать ихъ получила,
Дабы всѣ животы тремъ равно раздѣлила,
Но такъ, чтобъ ни одна владѣть тѣмъ не могла,
Что изъ имѣнія на часть свою взяла;
Какъ скоро выдетъ все изъ рукъ, что получили,
Чтобъ по сту матери сестерцій заплатили.
Прошелъ о дѣлѣ семъ по всѣмъ Аѳинамъ слухъ:
Заботливая мать пошла къ юристамъ вдругъ,

Но толку дать они отнюдь въ томъ не умѣли,
Какъ потерять моглибъ то, чѣмъ уже владѣли;
Или, что въ ихъ рукахъ, не пользоваться тѣмъ;
При томъ же будучи безденежны со всѣмъ,
Какъ матери платить могли бы безобидно.
Тянулось долго то, а было все не видно
Толикой трудности желаннаго конца,
Чтобъ силу разумѣть духовной ихъ отца:
На честную за тѣмъ мать совѣсть отдалася,
И о раздѣлѣ ужъ по праву не пеклася.
Евнуховъ, платье, весь уборъ дѣвицъ драгой,
И умывальники серебряные той,
Которая красой своей прельщать умѣла;
Прядильщицѣ поля, скотъ, мызу дать хотѣла,
Крестьянъ, воловъ съ коньми и збрую поселянъ;
Пьянюгѣ погребъ винъ старинныхъ обѣщанъ,
Притомъ изрядной домъ съ прекрасными садами.
Хотѣла сдѣлать такъ раздѣлъ межъ дочерями,
И какъ ихъ вѣдавшій народъ согласенъ былъ;
Вдругъ ставъ Езопъ среди толпы заговорилъ:
О естьли бы отецъ могъ чувствовать въ могилѣ,
Тобъ конче снесть сію досаду былъ не въ силѣ,
Что толку дать не могъ духовной ни единъ!
Езопъ изъ головы всѣхъ выбилъ оный клинъ,
Погрѣшность показалъ, и далъ отвѣтъ имъ ясный:
Уборы пышны, домъ, гульбища всѣ прекрасны,
И вина старыя прядильщицѣ простой;
Слугъ, платье съ камнями драгими дайте той,
Котора въ роскоши жизнь гадкую проводитъ;
А той, за коей тьма гулякъ прельщенныхъ ходитъ,
Доставьте скотъ, поля и пастуховъ съ селомъ.

Не будетъ ни одна толь терпѣлива въ томъ,
Чтобъ тѣмъ владѣть, съ ея что нравами не сходно.
Нелѣпая продастъ уборъ; вино ей годно;
Красавица поля всѣ броситъ за пометъ,
И лучше ихъ нарядъ богатой наживетъ;
А любящая шерсть прясть и водить скотину
Роскошной домъ отдастъ цѣны за половину.
И такъ владѣть своимъ не будутъ никогда,
А должныя сберетъ мать деньги безъ труда
Изъ суммы проданныхъ имѣній дочерями.
Льзябъ было многихъ то удобнѣе умами,
Что непонятно всѣмъ казалось, изъяснить,
Но острый трудность всю одинъ могъ разрѣшить.

БАСНЬ 5.

Бой у Мышей съ Ласочками.

Какъ Ласочки разбивъ полки Мышей прогнали,
Которыхъ въ лавкахъ бой весь въ лицахъ мы видали,
То побѣжденные стѣснясь у норъ своихъ,
Спѣшили съ робостью скорѣй убраться въ нихъ,
И съ нуждою вмѣстясь, отъ гибели спаслися:
Вождижъ ихъ съ прочими внутрь норъ не вобралися,
Имѣя въ головахъ привязанны рога,
Дабы за знакомъ симъ шло войско на врага.
И такъ противникъ ихъ поймавъ при входѣ въ нору,
И лютыми пожравъ зубами въ ту же пору,
Въ несытомъ чревѣ злыхъ начальниковъ вмѣстилъ,
И тѣмъ продерскую отважность усмирилъ.
Гдѣ терпитъ зло народъ отъ случаевъ нещастныхъ,
Тамъ бѣдствуетъ всегда Особъ великость властныхъ;

Не знатнаяжъ земля, гдѣ случаевъ злыхъ нѣтъ,
Подъ малою безъ бѣдъ защитою живетъ.

Баснь 6.

Стихотворецъ.

Знатокъ, которому труды мои не вкусны,
И шутки кажутся сіи, чтобъ честь ихъ, гнусны,
Прошу на малой часъ сей книшкѣ дать отдыхъ,
Пока тщусь, что бы твой свирѣпой нравъ былъ тихъ,
И трагикомъ Езопъ выходитъ необычно,
Внушая то тебѣ, что важно и прилично.
О! Естьлибъ не-были посѣчены сперва
Растущія въ лѣсахъ Пелійскихъ дерева,
И для отважнагобъ пути на рокъ готовой
Не здѣланъ Аргусомъ тогда корабль былъ новой,
Которой помощью Паллады сорудилъ,
И въ непроходной понтъ путь первой отворилъ
На люты Варварамъ и Грекамъ обще бѣды.
Ужъ страждетъ гордаго злощастной домъ Эеты,
Уже Пеліева пресѣклась царска власть
Чрезъ злобу хитрыя Медеи и напасть,
Котора всячески тиранску злость таила,
И къ бѣгству путь себѣ чрезъ братню кровь открыла,
Пеліевъ осквернивъ отцеубійствомъ родъ.
Какъ мнишь о семъ? и то вмѣняешь ты за збродъ?
И что я ложь сказалъ, твердишь, по той причинѣ,
Что по Эгейской флотъ свой Миносъ велъ пучинѣ,
Кой въ древнѣйши лѣта разбойниковъ смирилъ,
И казнью праведной ихъ наглость отвратилъ.

Чтожъ дѣлать мнѣ съ тобой, съ Катономъ критикъ сходный,
Когда ни повѣсти ни басни не угодны?
Престань жестокость ты къ ученію являть,
Чтобъ ваще не могли науки досаждать.
Сію рѣчь о себѣ да внемлетъ безразсудный,
Кой всѣмъ гнушается, хотя умомъ самъ скудный,
И чтобъ всякъ чтилъ его за факелъ мудрецовъ,
Не только хулитъ онъ людей, но и Боговъ.

Басня 7.

Змѣя и Пила.

Кто злобнымъ языкомъ язвитъ лютѣйшу злобу,
Увидитъ здѣсь свою описанну Особу.
Заползши въ кузницу, искала тутъ змѣя,
Не найдетсяль чего съѣстнова для нея,
И не сыскавъ пилу голодна укусила,
Но черствъ былъ оной хлѣбъ; Пила ей говорила:
Что, глупая, меня ты зубомъ хочешь взять,
Обыкшу всякое желѣзо претирать?

Басня 8.

Лисица и Козелъ.

Какъ скоро человѣкъ впадетъ въ несчастье злое,
То ищетъ, чтобъ спастись чрезъ бѣдствіе чужое,
Въ колодезъ вдругъ Лиза, впавъ, добрая жена,
Гдѣ высотой краевъ была окружена,
Не знала, какъ изъ той тюрьмы ей свободиться.
По случаю козелъ тудажъ пришелъ напитъся,

И какъ спросилъ у ней, довольноли воды,
И вкусомъ какова? Сойди, мой другъ, сюды;
Столь хороша, что вѣкъ толь сладкой не пивала,
Ковъ строя, и маня Козла, Лиса сказала.
На мягкія слова Лисицы положась,
Спустился бородачъ въ колодезь въ тотъ же часъ.
Вдругъ на высоки ставъ рога душа правдива
Проворна столь была, сколь до того учтива,
И вылетѣла такъ, какъ птица изъ гнѣзда,
Оставивъ въ заперти безумнаго тогда.

Баснь 9.

О порокахъ человѣческихъ.

Двумя насъ Юпитеръ отяготилъ сумами:
Съ пороками у всѣхъ своими за плечами,
А на грудяхъ виситъ съ погрѣшностьми другихъ.
За тѣмъ своихъ не зримъ дѣлъ злыхъ, кромѣ людскихъ.

Баснь 10.

Святотатецъ.

Отъ Іовишева взявъ огнь олтаря священный,
При свѣтѣ томъ обкралъ его воръ дерзновенный;
И какъ отягощенъ добычей отходилъ,
Незапно страшный гласъ отъ божества внушилъ:
Хотя отъ злыхъ сіи мнѣ дары столь суть мерзки,
Что воръ меня татьбой не раздражаетъ дерзкій;
Но если придетъ день назначенный судьбой,

Погибнешь ты, злодѣй, скончавъ жизнь казнью злой,
А чтобъ не освѣщалъ нашъ огнь злодѣевъ ввѣки,
Которымъ чтутъ боговъ усердно человѣки,
Никто къ нему съ сего не прикасайся дня.
И такъ нельзя вжигать отъ олтаря огня,
Ни къ жертвѣ съ той поры простымъ огнемъ касаться.
Не можетъ изъяснить другой и догадаться,
Кромѣ того, сію кто причту изобрѣлъ,
Сколь много оная полезныхъ кроетъ дѣлъ.
Вопервыхъ знай, что тѣ враги бываютъ болѣ,
Которымъ ты любовь оказывалъ до толѣ:
Второе, что за зло не гнѣвны Боги мстятъ,
Но въ волѣ казни всѣ судьбины состоятъ,
И время точно имъ она опредѣляетъ:
А третье наконецъ, сія баснь запрещаетъ,
Чтобъ добродѣтельной не сообщался съ злымъ,
И въ дѣлобъ не хотѣлъ отнюдь вязаться съ нимъ.

БАСНЬ 11.

Геркулесъ и Плутусъ.

Въ комъ благородной духъ, богатствомъ тотъ не льстится,
Боясь отъ тьмы богатствъ прямой хвалы лишиться.
Когда за храбрость взятъ въ жилище былъ небесъ,
Поздравившихъ почтилъ боговъ сонмъ Геркулесъ;
А какъ вшелъ Плутусъ, сынъ Фортуны отвратился.
Причины Юпитеръ спросилъ; онъ извинился,
Сказавъ: Я не люблю его, что добръ до злыхъ,
И превращаетъ все для прибылей своихъ.

БАСНЬ 12.

Левъ царствующій.

Полезнѣе всего языкъ и сердце право;
И правда: Хвалитъ всякъ за слово не лукаво,
Но силой искренность ввергается въ напасть.
Какъ Царску получилъ Левъ надъ звѣрями власть,
И правосудіемъ достигнуть тщился славы,
То премѣнивъ свои старинные онъ нравы,
Доволенъ малою межъ ними пищей былъ,
И безъ похлѣбства судъ всѣмъ праведный творилъ.
(А послѣ мыслями вдругъ началъ колебаться,
И склонности не могъ природной противляться.
Обманывать звѣрей вдругъ способъ изыскалъ,
И тайно, нѣкоихъ отведши, вопрошалъ:
Смердитъ ли у него ротъ? кои отвѣчали,
Что запахъ есть худой, и кои отрицали,
Тѣхъ и другихъ терзалъ и насыщался мясъ.
По многихъ призвалъ онъ и Пиѳика тотчасъ,
И чувствуетъ ли духъ, спросилъ, изъ рта противный?
Учтивой Пиѳикъ далъ отвѣтъ Царю, но льстивной,
Что пахнетъ изо рта пріятнѣй всѣхъ духовъ,
И восходящее отъ олтарей боговъ
Куреніе не столь бываетъ благовонно.
Зардѣвшись отъ похвалъ, не тронулъ безрезонно,
Но хитрость предпріялъ звѣриный Царь тогда,
Чтобъ погубить его, не потерявъ стыда.
Вдругъ дряхлымъ притворясь, ослабли будто силы,

Велѣлъ призвать врачей, которы щупавъ жилы,
Сказали Льву, что въ немъ слѣда болѣзни нѣтъ,
И подали межъ тѣмъ таковъ ему совѣтъ,
Чтобъ скучны яствы онъ обычныя оставилъ,
И лучшеюбъ себя впредъ пищею забавилъ.
А Левъ, я ничего такъ не хочу, прирекъ,
Какъ мяса Пиѳика, не кушаннаго вѣкъ;
Но выпустить мнѣ стыдъ изъ слова запрещаетъ
И Царь обязанъ то творить, что обѣщаетъ.
На волѣ Царской все, чтобъ ни задумалъ онъ,
Такъ какъ и всякой Царь есть самъ себѣ законъ,
И должны мы, рекли врачи, за скорбь едину,
А нежели за жизнь твою, принять кончину.
Не медля повелѣлъ Левъ Пиѳика привесть,
Котораго хотѣлъ онъ по рецепту съѣсть.
Тогда то наконецъ увидѣлъ Пиѳикъ бѣдный,
Сколь смѣлой предъ Царемъ языкъ бываетъ вредный,
И сколь въ опасности великой состоитъ,
Кто устрашась предъ нимъ, какъ дерево, молчитъ).

БАСНЬ 13.

Козы и Козлы.

Какъ бороды козамъ далъ Юпитеръ, въ печали
Козлы о томъ роптать завистливые стали,
Что честью женской полъ равнялся ужъ съ мужскимъ.
Оставьте съ щегольствомъ, рекъ, тщетну славу имъ;
Пусть знаки вашего достоинства имъ нравны,
Лишь не былибъ они вамъ храбростію равны.

Сноси, кто щегольствомъ равняется съ тобой,
Коль добродѣтели не видишь въ немъ такой.

Басня 14.

Кормчей и Матрозы.

Нещастной сѣтовалъ, что нѣтъ ни въ чемъ успѣху,
Которому Езопъ баснь вымыслилъ въ утѣху.
Жестокою корабль терзаемъ бурей былъ,
И плачущихъ пловцовъ въ отчаяньи носилъ.
Какъ тихой вѣтръ подулъ, и небо стало ясно,
Щастливо по морю онъ плылъ и безопасно.
Обрадовались всѣ Матрозы въ оной часъ,
Которымъ Кормчей рекъ, отъ бѣдъ сихъ научась:
Не должно радости при ведрѣ быть безмѣрной,
Ниже отчаянью, какъ день пастанетъ черной,
За тѣмъ что смертныхъ жизнь премѣнамъ подлежитъ,
И то печаль, то вдругъ насъ радость обдержитъ.

Басня 15.

Послы отъ Собакъ къ Юпитеру.

Съ прошеньемъ къ іовешу послали Псы посольство,
Чтобъ лучшій даровалъ имъ жребій въ удовольство,
И отъ поноснагобъ житья ихъ свободилъ,
Что люди имъ даютъ мякинной хлѣбъ да илъ,
Которымъ томной гладъ на силу утоляютъ.
Отправлены послы въ пути не поспѣшаютъ,
Но нюхая навозъ, пытаютъ корму въ немъ,
И отъ задору зву не могутъ внять межъ тѣмъ.
А наконецъ едва Меркурію попались,

И сильно въ торопяхъ бывъ взяты испугались.
Лишь только грозной видъ узрѣли Псы божка,
Вдругъ смрадной вытрясся ихъ нутръ, какъ изъ мѣшка,
Всѣ были прогнаны дубьемъ за срамъ толикій,
Но удержать велѣлъ ихъ Юпитеръ великій.
Дивясь, что долго нѣтъ пословъ, Собакъ орда,
Догадывалась, что конечно есть бѣда,
И нарядить другихъ въ прибавокъ присудила.
Межъ тѣмъ о прежнихъ вѣсть худую получила;
А чтобъ подобно зло не сталось и опять,
Духами вздумали нутръ хлипкой умащать,
Которыхъ подъ хвосты посламъ напхали много.
Отправили, о всемъ имъ наказавши строго.
Прибывъ просили, чтобъ ихъ выслушать резонъ,
И тотъ часъ введены предъ Юпитеровъ тронъ.
Вдругъ страшну молнію блеснулъ онъ съ сильнымъ громомъ;
Подвиглася вся тварь; собаки всѣмъ содомомъ
Встревожась, чистоту загадили палатъ,
И вмѣстѣ съ мерзостью извергли ароматъ.
Чтобъ за преступство мстить, всѣ возопили паки;
Тутъ прежде, нежели наказаны Собаки,
Собранью Юпитеръ рекъ приговоръ таковъ:
Не свойственно Царямъ задерживать пословъ,
И хоть не трудно имъ карать невѣжъ продерскихъ,
Но первыхъ жалую свободой тварей мерскихъ;
Послѣдніяжъ всегдада мучатся алчбой,
Чтобъ крѣпче содержать могли желудокъ свой.
Таковъ отнынѣ штрафъ на васъ гнилыхъ пребуди;
Пославшимижъ васъ ввѣкъ ругаются пусть люди.
За тѣмъ то и до днесь пословъ потомки ждутъ,
И нюхаются, гдѣ другъ друга Псы найдутъ.

Баснь 16.

Человѣкъ и Змѣя.

Кто помогаетъ злымъ, тотъ послѣ сожалѣетъ.

Увидѣвъ нѣкто, что Змѣя въ морозъ колѣетъ,
За пазуху ее, чтобъ отогрѣть, вложилъ,
И милость на свою погибель ей явилъ.
А какъ проклятой гадъ почувствовалъ отраду,
Смертельно уязвилъ жалѣвшаго въ награду,
Другой Змеѣ открылъ причину зла сего,
Чтобъ въ пользу злымъ никто ни дѣлалъ ничего.

БАСНЬ 17.

Лисица и Драконъ.

Копая въ нѣкую Лисица землю пору,
Готовила себѣ далече въ оной нору,
И многи ходы внутрь подѣлавъ изовнѣ,
Драконову нашла пещеру въ глубинѣ,
Гдѣ надъ сокровищемъ корпѣлъ онъ денноночно.
Узрѣвъ его, рекла: Прости, что не нарочно
Обезпокоила тебя я съ простоты,
Тѣмъ паче, что и самъ, какъ чаю, знаешь ты,
Сколь не прилично мнѣ богатство и не нужно:
А сверхъ сего прошу мнѣ изъясниться дружно,
Какой плодъ отъ сего имѣешь ты труда,
Или бываетъ ли за то какая мзда,

Что провождаешь жизнь безъ сна во тмѣ толикой?
Такъ, отвѣчалъ, судилъ мнѣ Юпитеръ великой,
А впротчемъ никакой награды нѣтъ за трудъ.
По сказкамъ ничего ни люди не берутъ,
Ни самъ ты, молвила Лиса, и бдишь безплодно.
Судьбинѣ было такъ, сказалъ Драконъ, угодно:
Не гнѣвайсяжъ, рекла, на смѣлу рѣчь мою:
Рожденъ въ худой часъ, кто имѣетъ жизнь твою.

Коль тамъ же и тебѣ, гдѣ предки, быть конечно;
Почто томишь свой духъ, глупецъ, безчеловѣчно?
Тебѣ я говорю, завистлива душа,
Въ утѣху кой себя наслѣдниковъ круша,
Съ прижимкой тратишь коштъ для жертвъ и для желудка,
Музыка коему не сладка и не чутка,
Котораго сушитъ пріятной гуслей звонъ,
Кой жалкой отъ драгихъ яствъ испущаешь стонъ,
Кой изъ полушки радъ землей и небомъ клясться,
Лишь толькобъ въ руки какъ твои могла попасться,
Кой скупо схоронить велитъ себя затѣмъ,
Чтобъ Либитина тутъ не поживилась чѣмъ.

БАСНЬ 18.

Федръ.

Пусть притворяется и дышетъ зависть злобно,
Но понимаю я мысль оную удобно,
Что думаетъ теперь о басняхъ разсуждать.
Не преминетъ все то Езопу приписать,
Что найдетъ похвалы и памяти достойно;

А что покажется не нравно и не стройно,
То всячески почесть за выдумку мою,
Хоть прозакладуетъ въ томъ голову свою.
Яжъ постыжу ее отвѣтомъ симъ печальнымъ:
Хотя негоднымъ трудъ сей почитай, хоть хвальнымъ,
Но я то совершилъ, что изобрѣлъ другой.
И такъ мы продолжимъ порядокъ начатой.

БАСНЬ 19.

Потопленіе Симонидово.

Прямыхъ богатствъ никто во вѣкъ не похищаетъ,
Которыя въ себѣ ученой заключаетъ.
Симонидъ, кой стихи изрядные слагалъ,
И ѣздя по градамъ Азійскимъ воспѣвалъ
Героевъ славныя дѣла и подвигъ чудной,
Чтобъ платою за то помочь могъ жизни скудной.
Какъ промысломъ такимъ себя обогатилъ,
Въ отечество морскимъ путемъ обратно плылъ.
Изъ Цеи, говорятъ, былъ острова природой.
Корабль, кой ветхъ ужъ былъ, ужасною погодой
Разбило посреди пучины межъ валовъ.
Иные черезы хватали изъ пловцовъ,
Другіе дорогихъ вещей своихъ жалѣли,
Чтобъ разоренье чѣмъ впредь облегчить имѣли,
А нѣкто изо всѣхъ на выскачку спросилъ:
Тебѣ, Симонидъ, что пожитокъ твой постылъ?
Все, что мое, сказалъ, имѣю я съ собою.
Не многіе спаслись отъ смерти той порою,
За тѣмъ, что большая отъ нощъ погибла часть.
Случилось на живыхъ разбойникамъ напасть,

Которые у нихъ пограбивъ и последки,
Оставили ихъ въ томъ, въ чемъ въ свѣтъ родятся дѣтки.
По счастію вблизи старинный городъ былъ,
Кой Клазоменами въ тогдашне время слылъ,
И въ коемъ обрѣли убѣжище злощастны.
Тутъ нѣкто до наукъ охотникъ былъ ужасный,
Кой много разъ стихъ Симонидовы челъ,
И не видавъ въ большой чести всегда имѣлъ,
А по рѣчамъ узнавъ, въ домъ принялъ доброрадно,
Одеждой, деньгами, людьми снабдилъ изрядно.
Другіе же на дскѣ изображенный рокъ
Нося, просили, чтобъ кто хлѣба далъ кусокъ.
Незапно встрѣтившись Симонидъ съ бѣдняками,
Не правду ли, сказалъ имъ, говорилъ я съ вами,
Что все мое добро имѣю я съ собой;
А вы хоть соблюли свой скарбъ, да столъ чужой.

БАСНЬ 20.

Гора мучащаяся родами.

Передъ родами стонъ ужасной испущала,
И нѣчто тѣмъ гора велико предвѣщала,
А выскочила мышь. Таковъ тотъ, кто сулитъ
Златыя горы, самъ вѣкъ въ словѣ не стоитъ.

БАСНЬ 21.

Муравей и Муха.

У Мухи съ Муравьемъ случился спора и злоба,
Которая изъ нихъ честняе есть особа.
Вoперьвыхъ начала такъ Муха говорить:
Ты можешь ли себя со мною въ чѣмъ сравнить?
Я напередъ отъ жертвъ боговъ сама вкушаю,

На все зрю, какъ въ мѣстахъ священныхъ обитаю,
На царскую главу сажусь, когда хочу,
Женъ знатнѣйшихъ уста лобзая щекочу,
Довольна лучшимъ всѣмъ безъ всей заботы лежа.
Случалось ли тебѣ подобно что, невѣжа?
Бозспорно обще жить съ богами славно есть,
Но дѣлаетъ сіе тому велику честь,
Кто званной благости бываетъ ихъ прикосенъ,
А не такому, кто приходитъ имъ несносенъ.
Чтожъ вспоминаешь ты царей, лобзанье женъ,
Тѣмъ хвастаешь, съ чѣмъ стыдъ быть долженъ сопряженъ;
И что на языкѣ держать учтивость судитъ;
Доступна къ олтарямъ, но прочь летѣть всякъ нудитъ;
Хотя заботы нѣтъ, однакъ ты не бѣдна;
Да въ нужномъ случаѣ нища и голодна.
А я какъ на-зиму по зернышку таскаю,
Кормящуюсь тебя вкругъ стѣнъ дермомъ видаю.
Лишь лѣтомъ ты жужжишь, а какъ пришла зима,
То съ стужи околѣвъ, бываешь вдругъ нѣма.
Яжъ въ теплой хижинѣ покоясь вижу панство.
И такъ зажми свой ротъ, пустое брося чванство.
Тщеславныхъ похвальба и обычайна спесь,
А слава истинна всѣхъ честныхъ зрится здѣсь.

БАСНЬ 22.

Симонидъ богами избавленный.

Колико у людей науки суть почтенны,
Являетъ то примѣръ мной выше приведенный,
Коликую же честь хранятъ и боги къ нимъ,

Потомкамъ изъясню повѣствованьемъ симъ.

Симонидъ оный, кой описанъ въ притчахъ мною,
Договорился пѣть, извѣстной льстясь цѣною,
Похвальные стихи въ честь храбраго бойца.
Какъ въ тѣсныхъ заключенъ краяхъ былъ умъ творца,
И слабый духъ въ письмѣ не могъ распространяться,
За вольность вздумалъ онъ обычную приняться.
Въ стихъ кстати Поллукса и Кастора включилъ,
И съ славой ихъ дѣла сего бойца сравнилъ,
Чѣмъ самымъ доказалъ достойнымъ трудъ награды,
Но третью получилъ часть той противу ряды.
Когда и прочихъ двухъ доль требовалъ цѣны;
Отъ оныхъ будутъ, рекъ, тебѣ возвращены,
Которыхъ въ пѣсни ты похвалъ двѣ части вставилъ.
А чтобъ не мнилъ ты, что сердясь цѣны я збавилъ,
Прошу пожаловать откушать у меня,
За тѣмъ что звать друзей сего намѣренъ дня,
Въ которыхъ и тебя въ числѣ считаю вѣрно.
Хотя обиженъ былъ обманомъ онъ безмѣрно,
Но чтобъ отъ дружества не отступить заразъ,
Далъ слово, и пришелъ во уреченной часъ.
Межъ тѣмъ какъ за столомъ веселы пировали,
За коимъ свѣтлые стаканы вкругъ блистали,
И отъ богатыхъ звукъ приборовъ слышанъ былъ,
Вдругъ двое юношей, на коихъ зрѣлась пыль,
Которыхъ члены всѣ потъ обливалъ великій,
И смертныхъ красоту превосходили лики,
Велѣли на-скоро Піита вызвать вонъ,
Чтобъ пользы не терялъ своимъ медленьемъ онъ.
Какъ скоро здѣлалъ рабъ Симониду тревогу,
И съ мѣста онъ вскоча на шагъ отнесъ чуть ногу,
Обрушась въ тотъ моментъ сводъ протчихъ задавилъ,

У двери жъ юношей никто не ощутилъ.
Увѣрился народъ разнесшеюсь молвою,
Что боги сами той присудствуя порою,
Во мзду потерянной цѣны, убытокъ тотъ
Симъ наградили, что спасли творца животъ.

Заключеніе къ Евтиху.

Хотя для басенъ есть матеріи довольно,
Но чтобъ сложеньемъ ихъ тебѣ не скучить, полно,
Кой отъ различныхъ дѣлъ подъемлешь тяжкой трудъ,
При томъ чтобъ и другимъ оставить что нибудь,
Когда кто вздумаетъ за тоже дѣло взяться;
Хоть столько вымысловъ возможетъ тутъ сыскаться,
Что развѣ для сего труда не станетъ рукъ,
А не труда для нихъ охочимъ до наукъ.
Прошужъ воздать мнѣ мзду за краткость обѣщанну,
И господиномъ быть мнѣ въ ономъ слову данну.
Коль ближе всякой день къ исходу жизнь летитъ,
То тѣмъ твой меньше даръ меня увеселитъ,
Чѣмъ въ отлагательствѣ продлится время болѣ.
Заранѣе начавъ, имъ наслаждусь я долѣ,
И долговременнѣй полезенъ можетъ быть,
Когда не медля все потщиться совершить.
Пока остатки есть слабѣющаго вѣка,
До тѣхъ и помощь поръ нужна для человѣка.
Какъ старость поздая послѣднихъ силъ лишитъ,
То тщетно помогать твой щедрой духъ возмнитъ,
За тѣмъ что пользы нѣтъ тогда искать покрова,
Когда востребуетъ ужъ долгу смерть сурова:
Да и безумно, мню, скучать твоимъ ушамъ,

Когда ты къ милости безъ прозьбы склоненъ самъ.
Былъ милованъ не разъ преступникъ, хоть и важенъ;
Коль справедливѣй бы невинной былъ пощаженъ?
Вопервыхъ покаж и сему ты образецъ;
Послѣдуютъ тебѣ другіе наконецъ,
Какъ придетъ очередь до нихъ и время годно.
Твори, что съ святостью и вѣрностію сходно,
Чтобъ могъ хвалиться, ставъ тобою правъ въ винѣ.
Умѣренность хранить пристойнобъ было мнѣ,
Но правой духъ держать въ своихъ предѣлахъ трудно,
Злыхъ коего тѣснитъ неистовство безстудно,
Хоть въ чистой совѣсти нравъ непорочной скрытъ.
Ктожъ зло, вопросишь ты, неистовство творитъ?
Когда нибудь враги откроются конечно.
Пока умъ въ головѣ цѣлъ, помнить буду вѣчно,
Что въ юныхъ лѣтахъ мнѣ случилося читать:
«Опасно съ простоты въявь всячину болтать».

КНИГА ПЯТАЯ.

Предъизвѣщеніе къ Партикулону.

Когда окончить трудъ за тѣмъ мнѣ было нравно,
Чтобъ въ вымыслахъ имѣть другимъ довольство равно,
Раздумавъ, премѣнилъ ту мысль я наконецъ.
Пусть сыщется другой кто басенной писецъ,
Какимъ же духомъ онъ познаетъ, что оставилъ,
Чтобъ недостатокъ сей такой знатокъ добавилъ,
Всякъ собственнымъ умомъ и мысльми одаренъ,
И съ особливою способностью рожденъ.
Такъ по сему пишу не безразсудно басни,
Но основательный мой трудъ и не напрасный.
А по елику ты слогъ басней возлюбилъ,
Въ угодность я твою ихъ больше сочинилъ,
Езопіанскими назвавъ, кой издалъ мало;
Езоповымижъ звать за тѣмъ мнѣ не пристало,,
Что только древность я въ примѣръ употреблялъ,
А вещи новыя, гдѣ надобно, мѣшалъ.
Когдажъ, Партикулонъ, читать начнешь свободный,
А ненависть межъ тѣмъ вмѣнитъ ихъ за негодны;
То смѣйся, естьли ей не можно рта зажать,

Лишь не умѣла бы сама мнѣ подражать.
Довольно мнѣ похвалъ, что ты и всякъ искустный,
Вносяя въ тетради, ихъ не ставите за гнусны,
Но судите, что ихъ достойно вѣчно блюсть.
Не нужны въ протчемъ мнѣ хвалы отъ грубыхъ устъ.

Тотъ же Стихотворецъ.

Езопа имя гдѣ вмѣститъ мой слогъ шутливый,
Которому давно долгъ воздалъ справедливый,
Для уваженья, знай, труда сего, прирекъ,
Такъ какъ обычно есть художникамъ въ нашъ вѣкъ,
Подъ имемъ мраморъ свой Праксителевымъ славить,
Чтобъ новымъ болѣе цѣны вещамъ прибавить,
Не стертомъ серебрѣ класть подпись подъ рѣзбой;
Что Мироновой та содѣлана рукой.
Выходятъ басни пусть съ прикрасою подобной,
За тѣмъ что зависти миляй старинка злобной,
А нежель новизна, на кою не глядитъ,
Какъ слѣдующей мой прилогъ то подтвердитъ.

БАСНЬ 1.

Димитрій и Менандръ.

Димитрій, кой имѣлъ прозванье Фалерейскимъ,
Неправдой овладѣлъ народомъ Аѳинейскимъ,
Которой свалкой всей стекался, какъ обыкъ,
И виватъ падняли, желая щастья, крикъ:

Градоначальники ту руку цѣловали,
Которою они задавлены быть стали,
Крушася внутренне о бѣдствіи своемъ.
Напослѣди и тѣ, которые житьемъ
Безъ всѣхъ градскихъ суетъ спокойнымъ наслаждались,
Разваливаясь такъ, какъ сонные, збирались,
Отсудства чтобъ тираннъ въ вину имъ не причелъ.
Межъ ними и Менандръ, преславной Комикъ шелъ,
Димитрій коего читалъ, и веселился,
И разуму, не знавъ еще творца, дивился.
Узрѣвъ, что позади всѣхъ нѣжно выступалъ,
И умащенный весь видъ щоголя казалъ,
Имѣя по пятамъ влекущуся одежду,
Какого вижу, рекъ, безстыднаго невѣжду?
Сказали ближніе, что то Менандръ Піитъ.
„Призвавъ и за руку взявъ, склонной принялъ видъ.

БАСНЬ 2.

Дорожные и Разбойникъ.

(Случилось черезъ лѣсъ дорога двумъ прохожимъ.
Одинъ изъ нихъ сказалъ товарищу: Положимъ,
Что нападетъ на насъ разбойниковъ орда,
Что станемъ дѣлать мы безсильные тогда?
Не бойся, братъ, сказалъ; рукою сею
Не разъ себя ворамъ далъ знать, и не робѣю;
Одинъ бы я тебя въ пути оборонилъ,
А тыбъ лишь посмотрѣлъ моихъ ребячьихъ силъ.

Какъ идутъ, съ стороны Разбойникъ выбѣгаетъ,
И обнажа кинжалъ незапно нападаетъ.
Хвастунъ, товарища оставя, побѣжалъ,
И смотря, чья возметъ въ бою; далече сталъ).
Другой наѣзднику отпоръ далъ, не робѣя,
И храбро отвратилъ напасть, убивъ злодѣя.
Трусливой прибѣжавъ товарищъ, вынялъ мечь,
И тотчасъ сбросивши дорожно платье съ плечъ,
Подай ево, сказалъ, подай скорѣй, увидитъ,
Какъ смѣетъ нападать злой, и кого обидитъ.
Тогда убившій рекъ: Ябъ и тому радъ былъ:
Когдабъ хоть словомъ тѣмъ въ сей часъ мнѣ пособилъ;
За правду бы вмѣнивъ я былъ бодряе вдвое:
Теперь оставь твой мечь и хвастовство пустое,
Чтобъ могъ обманывать незнающихъ людей.
Яжъ испытавъ, что нѣтъ бѣжать тебя сильнѣй,
И научась впередъ стеречься отъ обману,
На крѣпость силъ твоихъ надѣяться не стану.
Сію баснь надлежитъ такому приписать,
Кто въ щастьѣ храбръ чрезъ чуръ, въ бѣдѣжъ готовъ бѣжать.

БАСНЬ 3.

Плѣшивой и Муха.

Плѣшивой далъ себѣ жестоку апляуху,
На лысинѣ убить хотѣвъ куснувшу Муху.
Тогда смѣясь рекла: Желалъ судьбы моей,

Что бѣдна лысинѣ коснулась тварь твоей.
Тыжъ наругавшись самъ себѣ сверхъ той досады,
Достоинъ ли, глупецъ, за то какой пощады,
И какъ себѣ отмстишь? Плѣшивой отвѣчалъ:
Я съ умыслу себя ударить не искалъ,
И для того мирюсь съ собою я охотно;
Тебяжъ, презрѣнное и гнусное животно,
За то, что кровь людей охотница сосать,
Желалъ бы умертвить, хоть большійбъ вредъ принять.
Кто случаемъ грѣшитъ, прощается тотъ болѣ;
А нежели кто вредъ творитъ съ ума по волѣ,
Которой всякую заслуживаетъ казнь.
Сіе ученіе въ себѣ содержитъ басню.

БАСНЬ 4.

Человѣкъ и Оселъ.

Какъ нѣкій человѣкъ обѣтомъ обязался,
Чтобъ здравіе его блюсть Геркулесъ старался,
На жертву борова сему божку заклалъ,
Оставшейсяжъ ячмень Ослу дать приказалъ.
Презрѣвъ сей кормъ, сказалъ хозяину Ослина:
Я радъ бы ѣсть ячмень, да та претитъ причина,
Что тотъ, кто разжирѣлъ съ нево, убитъ тобой.
Взявъ въ толкъ и устрашась отъ басни я такой,
Съ опасностью искать прибытковъ вѣкъ не тщился.
И хищнымъ кто добромъ, ты говоришь, нажился,
Въ рукахъ то у него. Коликоежъ число

Погибшихъ отъ богатствъ и претерпѣвшихъ зло?
Конечно больша часть наказанныхъ злощасно.
Всякъ можетъ изъ сего примѣра видѣть ясно,
Что рѣдко пользуетъ отважность смѣльчакамъ,
А болѣе живетъ причиною бѣдамъ.

БАСНЬ 5.

Шутъ и Мужикъ.

Отъ самолюбія родъ смертныхъ заблуждаетъ,
Хотя о чемъ нибудь не право разсуждаетъ;
Ошибкужъ признаетъ свою тогда уже,
Какъ очевидно онъ изобличится въ лжѣ,
Крѣпясь въ погрѣшностяхъ, пока не будутъ явны.
Представить захотѣвъ богатой игры славны
И награжденье дать опредѣливъ тому,
Кто штуку новую представитъ тутъ ему,
Всѣхъ созвалъ; спорники сошлися объ удачѣ.
Былъ съ ними вмѣстѣ шутъ, извѣстный наипаче
Тѣмъ, что шутить умѣлъ искусно и подъстать,
Кой новость обѣщалъ такую показать,
Какой никто еще не представлялъ публично.
Въ то время городъ весь поднялся необычно,
Какъ скоро до ушей дошелъ народныхъ слухъ,
И всѣ мѣста людьми наполнилися вдругъ.
Одинъ вшелъ на театръ, безъ всѣхъ приготовленій,
И не—было другихъ лицъ съ нимъ для вспоможеній:

Всѣ въ ожиданіи умолкли въ оный часъ.
Шутъ въ пазуху свою скрылъ голову заразъ,
И поросячей визгъ изобразилъ столь живо,
Что споря зрители вмѣнили за не лживо,
И мня, что порося прямое у него,
Велѣли епанчу встряхнути для сего.
По семъ, какъ не нашлось свиненка, въ тужъ минуту
Велики похвалы всѣ приписали Шуту,
И удовольствіе явили плескомъ рукъ.
Мужикъ, которой тѣхъ смотрѣлъ въ тожъ время штукъ,
Я право верьхъ возму, сказалъ, и спорю смѣло,
Что на другой день тожъ представлю лучше дѣло.
Ужъ большею толпой смотрители сошлись;
Но къ Шуту мыслями и склонностьми влеклись,
И только для того сидѣли, чтобъ смѣяться,
А не затѣмъ, чтобъ имъ смотрѣньемъ забавляться.
Тотъ вышелъ и другой; Шутъ прежде завижжалъ,
Причемъ вопя народъ руками восплескалъ.
Потомъ Мужикъ являлъ смотрящимъ видъ притворно,
Что прячетъ подъ кафтанъ свиненка онъ проворно,
А самъ и дѣлалъ то, да не въ примѣту всѣмъ,
За тѣмъ что первой былъ обысканной ни съ чемъ.
Какъ спрятавъ за-ухо щипать сталъ по маленьку,
Пришло ужъ не-хотя вижжать тутъ поросенку,
Сходнѣе Шутъ вижжитъ, народъ тогда вопѣлъ,
И въ шею вытолкать крестьянина велѣлъ.
Но изъ подъ пазухи въ тотъ часъ онъ вынялъ свинку,
И заслѣпившую глаза всѣмъ снялъ личинку.
Примолвилъ сверьхъ того: Вотъ поросенокъ сей
Въ разсудкѣ, кажется, гораздо васъ умнѣй.

Стихотворецъ.

Довольно бы я могъ еще шутить стихами.
Обильность зря вещей различныхъ предъ очами;
Но шутки веселятъ умѣренныя слухъ,
Излишніяжъ всегда приводятъ въ скуку духъ.
За тѣмъ, Партикулонъ, котораго усердно
Я буду имя чтить въ стихахъ во вѣкъ безсмертно,
Пока пребудетъ честь ученію Латинъ,
За бл го пріими мой краткой слогъ единъ,
Коль скудость разума явится неугодна.
И краткость напротивъ того столь превосходна,
Что справедливѣй тѣмъ заслуживаетъ честь,
Чѣмъ плодовитой слогъ стиховъ скучняе есть.

Басня 6.

Двое плѣшивыхъ.

Плѣшивой идучи дорогой поднялъ гребень,
Которому со всѣмъ былъ оной непотребенъ;
Другой Лызгачь тогдажъ тутъ къ статѣ подоспѣлъ,
И до-слова вскричалъ: Чуръ вмѣстѣ, что нашелъ.
Находку показавъ ему, сказалъ Плѣшивый:
Судьба до насъ лиха, хоть боги къ намъ и чивы;
Не кладъ, да уголь мы нашли, какъ говорятъ.
Лишась надежды всѣ тѣжъ жалобы творятъ.

Баснь 7.

Принцъ и Музыкантъ.

Когда безпутной умъ, гордяся необычно,
Мечтаетъ о себѣ, хотябъ что не прилично,
И утверждается на почестяхъ пустыхъ;
Въ презорство и посмѣхъ бываетъ у простыхъ.
Познатнѣй шута былъ игрокъ, кой Принцомъ звался,
Которой въ дѣйствіи съ батилломъ обращался,
И между тѣмъ какъ тотъ въ комедіи плясалъ,
Прислуживая сей на флейтѣ Принцъ игралъ.
Случилось при играхъ (когда, не помню прямо),
Что берцо лѣвое сломилъ, въ то время само
Упавъ по своему несчастію въ расплохъ,
И получивъ ударъ жестокой скоморохъ,
Какъ къ верьху поднялась воздушная машина.
Лишиться лучшебъ радъ обѣихъ флейтъ дѣтина,
На коихъ онъ игралъ, сложивъ одну съ другой.
Съ стенаньемъ поднятъ былъ и отнесенъ домой.
Чрезъ многи мѣсяцы Принцъ пользовался славный,
А зрители, какъ ихъ обычно родъ забавный,
Лишалися такой музыки между тѣмъ,
Котора плясунамъ давала бодрость всѣмъ.
Намѣренъ нѣкто былъ представить игры знатной,
А въ тѣ-поры ходить ужъ сталъ Принцъ, всѣмъ пріятной.
Прошеньемъ онаго и деньгами склонилъ,
Дабы хоть въ самой день игоръ себя явилъ.
Какъ скоро онъ пришелъ, слухъ по театру мчался,

Тѣ говорили такъ, что Музыкантъ скончался;
Иныежъ спорили, что выздоровѣлъ онъ,
И скоро выступитъ забавникъ на амвонъ.
Какъ спущенъ занавѣсъ, громъ грянулъ преужастно,
И такъ, какъ прежде, гласъ боговъ былъ слышанъ ястно;
Тогда лишь Принцъ введенъ, хоръ дивну пѣснь воспѣлъ,
Которою глупца въ обманъ удобно ввелъ,
И коей смыслъ былъ всѣмъ присудствовавшимъ явный:
,,Ликуй Римъ, здраствуетъ твой нынѣ Принцъ преславный.
Являли радость всѣ плесканьемъ рукъ, вставъ съ мѣстъ.
Подумавъ Музыкантъ, что для него та честь,
И то вмѣнивъ за знакъ усердныхъ всѣхъ желаній,
Отъ устъ по стронамъ казалъ простерты длани.
Шляхетство усмотрѣвъ беспутство тѣхъ проказъ,
Смѣялось, и пропѣть въ другой велѣло разъ.
Запѣли снова тожъ; мой Принцъ развеличался;
И нѣжась тѣломъ всѣмъ на хорахъ растягался.
Всплескало все глумя шляхетство надъ глупцомъ:
Народъ мнилъ, что предъ нимъ взять верхъ желаетъ тѣмъ
И большу похвалу имѣть или награду.
А какъ то дѣло всѣмъ извѣстно стало сряду,
То бѣлую обвивъ Принцъ ленту вкругъ ноги,
Одежду бѣлу вздѣвъ и бѣлы сапоги,
Несвойственнымъ себѣ величествомъ гордился,
И почестью, домамъ Князей приличной, льстился;
Но вмѣсто мнимаго почтенья былъ въ посмѣхъ,
И по затейкѣ вонъ былъ вытолканъ отъ всѣхъ.

Басня 8.

Изображеніе случая.

По бритвѣ бѣгаетъ на цыпкахъ лысой спѣшно,
Но чуть касается онъ къ ней, ступая нѣжно.
Одинъ лишь на челѣ виситъ густой хохолъ,
А впрочемъ съ головы до ногъ всѣмъ тѣломъ голъ.
Схвати, держи; когдажъ хоть разъ то не удастся,
То впредь и Ювишу не можетъ онъ попасться.
У древнихъ скораго былъ времени сей знакъ,
Чтобъ успѣвалъ въ дѣлахъ безъ медленности всякъ.

Басня 9.

Быкъ и Теленокъ.

Не могши въ хлѣвъ войти, ломился быкъ рогами,
За тѣмъ что тѣсной былъ проходъ въ него дверями.
Теленокъ подошедъ сталъ наставлять на путь,
Какъ надобно ему поворотится тутъ.
Молчи, молокососъ, сказалъ быкъ; прежде знаю,
Пока еще ты въ свѣтъ былъ не рожденъ, какъ чаю.

Не къ стати яицамъ да курицу учить,
То есть указщикомъ разумнѣйшему быть.

Басня 10.

Охотникъ и Собака.

Казала съ молоду удачу на охотѣ,
И настигая всѣхъ звѣрей Сабака въ потѣ
Хозяину всегда полезною была;
При старостижъ слабѣть ужъ въ силахъ начала.
Какъ нѣкогда ее пустилъ противъ кабана,
Схватила за-ухо, бывъ такъ какъ прежде рьяна,
Но немогла за тѣмъ добычи удержать,
Что стертыихъ зубовъ осталось шесть иль съ пять.
Съ досады поносилъ ее Охотникъ ярой,
Которому сказалъ тогда въ отвѣтъ Песъ старой:
Что худо я тебя въ семъ случаѣ служилъ,
Не мысль моя тому виной, но слабость силъ.
Чѣмъ прежде я бывалъ, то ты и похваляешь,
А чѣмъ ужъ здѣлался теперь, то охуждаешь.
Кому приличенъ сей Пса стараго отвѣтъ,
Хоть я не говорю, ты видишь самъ, Филетъ.

КОНЕЦЪ БАСЕНЪ.

Діонисія Катона

ДВУСТРОЧНЫЕ СТИХИ О БЛАГОНРАВІИ КЪ СЫНУ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КАКЪ НАИПАЧЕ ПОЧИТАТЬ БОГА.

1. Когда богъ, какъ стихи вѣщаютъ намъ, духъ истой,
То тщися паче чтить его душею чистой.

УБѢГАТЬ СОНЛИВОСТИ.

2. Будь больше бодръ всегда, чтобъ сномъ не отягчаться;
Излишній сонъ даетъ порокамъ вкореняться.

ВОЗДЕРЖИВАТЬ ЯЗЫКЪ.

3. Честь главна, ротъ держать во обузданьи строгомъ;
Съ разсудкомъ кто молчитъ, живетъ въ союзѣ съ богомъ.

САМОМУ СЪ СОБОЮ СОГЛАСНУ БЫТЬ.

4. Противнымъ самъ себѣ не будь, держа мысль разну;
Раздумчивому быть ни съ кѣмъ нельзя согласну.

НИКОГО НЕ ВИНИТЬ БЕЗРАЗСУДНО.

5. Когда разсмотришь жизнь людей и купно нравы,
То хоть винишь другихъ, но обще всѣ не правы.

ПОЛЬЗУ БОГАТСВУ ПРЕДПОЧИТАТЬ.

6. Откинь, что можетъ вретъ нанесь, хотя любезно;
Дороже иногда сокровищъ, что полезно.

ПРИМѢНЯТЬСЯ КО ВРЕМЕНИ.

7. Твердъ и премѣненъ будь, какъ требуетъ дѣлъ мужа;
Нравъ примѣнять къ порѣ разумнаго есть нужа.

НА ЖЕНУ НЕ ВСЕГДА ПОЛАГАТЬСЯ.

8. Не вдругъ вѣрь клеветѣ на слугъ твоихъ супруги;
Постылъ ей часто, кто милъ мужу за услуги.

ПЕЩИСЬ ВСЕМѢРНО О ИСПРАВЛЕНІИ ДРУГА.

9. Коль благъ совѣтъ даешь кому, а тотъ развратенъ,
Тщись крайнѣ увѣщать, когда тебѣ пріятенъ.

СЪ ДУРАКАМИ И БОГЪ НЕ ВОЛЕНЪ.

10. Съ вралями словъ не трать, коль ихъ по вѣтру вѣютъ;
Рѣчь всѣ, а свѣтъ ума не многіе имѣютъ.

ВСЯКЪ СЕБѢ ПЕРВОЙ ПРІЯТЕЛЬ.

11. Въ любви себѣ давай всѣхъ болѣе оброку,
И къ добрымъ такъ будь добръ, чтобъ зло не льнуло съ боку.

НЕ РАССѢВАТЬ СЛУХОВЪ.

12. Бѣги вѣстей, почтутъ ихъ за твои затѣи;
Всѣмъ скромнымъ не вредятъ, но болтунамъ злодѣи.

НЕ ОБѢЩАТЬСЯ ПО НАДЕЖДѢ НА ДРУГОВА.

13. Надѣясь на другихъ, не обѣщайся вѣрно,
Что въ многихъ случаяхъ лгутъ многи лицемѣрно.

ВСЯКЪ САМЪ О СЕБѢ СУДИ.

14. Хвалимый отъ другихъ судьей себѣ самъ буди,
И больше въ ономъ вѣрь себѣ, что хвалятъ люди.

ДОЛГЪ БЛАГОДѢНІЯ.

15. Благотворившаго дай многимъ знать услугу,
А о себѣ молчи, добро содѣлавъ другу.

ВЪ СТАРОСТИ РАЗСКАЗЫВАТЬ ДОБРЫЯ ДѢЛА.

16. Другихъ дѣла съ рѣчьми вѣщая престарѣлый,
На память приводи, что сдѣлалъ самъ не зрѣлый.

ПОРОКЪ ПОДОЗРѢВАНІЯ.

17. Кто шепчетъ, не бреги; всякъ въ совѣсти не правый
Мнитъ, что у всѣхъ о немъ есть разговоръ лукавый.

ВЪ БЛАГОПОЛУЧІИ ПОМЫШЛЯТЬ О НЕЩАСТІИ.

18. Когда щастливо жить случится, бойся бѣдства;
Начало благо льститъ, но злы родятся слѣдства:

НЕ УПОВАТЬ ЧУЖОЙ СМЕРТИ.

19. Не думай, что другой въ могилу ляжетъ прежде;
Жизнь всѣхъ хлипка, и вся въ сомнительной надеждѣ.

ПОДАРОКЪ ОЦѢНЯТЬ УСЕРДІЕМЪ.

20. Когда тебѣ даетъ даръ малый другъ убогій,
Съ пріятностью принявъ, хвалы воздай премноги.

СНОСИТЬ НИЩЕТУ.

21. Когда отъ матерней нагой ты шелъ утробы,
Сноси убожество безъ ропоту и злобы.

НЕ БОЯТЬСЯ СМЕРТИ.

22. Смерть жизни есть конецъ, которой кто трепещетъ,
Тотъ чрезъ унылость даръ сей, что онъ живъ, отмещетъ.

УБѢГАТЬ НЕ БЛАГОДАРНОСТИ ДРУГОВЪ.

23. Коль люди въ честь заслугъ твоихъ не ставятъ глупо,
На бога не ропщи; благотворижъ впредь скупо.

УМѢРЕННОСТЬ ВЪ СОДЕРЖАНІИ.

24. Чтобъ могъ безъ нужды жить, не трать добра беспутно,
А чтобъ его зберечь, что нѣтъ, мни всеминутно.

ПОВТОРЕННОЕ ОБѢЩАНІЕ СКУЧНО.

25. Двукратно не сули, что въ силахъ здѣлать махомъ;
Чтобъ вмѣсто добраго не слылъ ты вертопрахомъ.

РОГА ПРОТИВЪ РОГЪ СТАВИТЬ.

26. Когда невѣрной другъ рѣчьми ласкаетъ дружно,
Обманъ употреблять противъ обмана нужно.

ЛАСКАТЕЛЬНЫЯ СЛОВА ПОДОЗРИТЕЛЬНЫ.

27. Не оцѣняй людей по ласковому слову;
Обманывать легко птицъ дудкой птицелову.

ДѢТЕЙ НАУКАМЪ ОБУЧАТЬ.

28. Тщись обучать дѣтей, коль жизнь ведешь убогу;
Ученіе подастъ имъ въ бѣдности подмогу.

КАКЪ ОЦѢНЯТЬ ВЕЩИ.

29. Чти малое большимъ и малымъ чти большое,
Не будешь алчнымъ слыть и падкимъ на чужое.

НЕ ДѢЛАТЬ ОПОРОЧИВАЕМЫХЪ ДѢЛЪ.

30. Что ты обыкъ винить, тому не будь прикосенъ;
Коль самъ виновенъ въ чемъ наставникъ, то поносенъ.

ПРОСИТЬ ВОЗМОЖНАГО.

31. Проси, что праведно и что пристойно, смѣло;
А споримыхъ услугъ просить, безумныхъ дѣло.

ИЗВѢСТНОЕ ЛУЧШЕ НЕИЗВѢСТНАГО.

32. Глупъ, кто извѣстное предъ неизвѣстнымъ низитъ;
То судитъ умъ, сіежъ отъ случая зависитъ.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПОЧИТАТЬ ПОСЛѢДНИМЪ.

33. Когда въ невѣдомыхъ бѣдахъ къ концу жизнь мчится,
Тотъ всякъ день за барышъ да чтетъ, кто въ ней печется.

ПОВИНОВАТЬСЯ ДРУЗЬЯМЪ.

34. Хоть въ силахъ побѣдить; но не противься другу,
За тѣмъ что дружество крѣпится чрезъ услугу.

ВЗАИМНЫЯ ДОЛЖНОСТИ ДРУЖЕСТВА.

35. И малымъ долгъ большой возмездіемъ наводятъ,
А способомъ такимъ въ союзъ друзья приходятъ.

ДРУЖЕСТВУ РАЗДОРЪ ПРОТИВЕНЪ.

36. Съ пріятелемъ вражды не дѣлай ни единой;
Согласіе любви, гнѣвъ злобы есть причиной.

НАКАЗАНІЕ БЕЗЪ ГНѢВА.

37. Когда явятъ рабы продерзостьми досаду,
То умѣряй свой гнѣвъ, чтобъ сдѣлать могъ пощаду,

ПОБѢЖДАТЬ ТЕРПѢНІЕМЪ.

38. Обиды слабымъ ты сноси порой безъ мести;
Терпѣньс въ нравахъ есть достойно первой чести.

ПРІОБРѢТЕННОЕ БЛЮСТИ.

39. Тщись паче соблюдать стязанное трудами,
Какъ награждать ущербъ свой съ большими голями.

САМОМУ О СЕБѢ ПРОМЫШЛЯТЬ ВОПЕРВЫХЪ.

40. Снабжай порой друговъ, знакомыхъ, кровныхъ племя,
Къ себѣжъ всѣхъ ближе будь всегда въ щастливо время.

КНИГА ВТОРАЯ.

1. Когда ты поселянъ знать хочешъ упражненье,
Виргилій о трудахъ дастъ сельскихъ наставленье;
А естьли силу травъ желаешь испытать,
То Макровы стихи не полѣнись читать,
Чтобъ всяки врачевать болѣзни могъ и раны.
Коль любопытствуешь знать междусобны брани,
И кои Римска внѣ республика вела,
Луканъ тѣ воспѣвалъ военныя дѣла.
Любитьсяль склоненъ кто, иль какъ любить, учиться,
Взять предводителемъ Назона въ томъ да тщится.
Когдажъ премудро жить стараешься, внемли,
Что мудрость, и прожить какъ свято на земли.

Всякому услуги оказывать.

2. И къ незнакомымъ добръ тщись быть изъ благодарства;
Услугами снискать друговъ полезнѣй царства.

Не испытывать таинъ Божіихъ.

3. Знать тайны божески, и твердь ты не трудися,
Но смертенъ будучи, о смертномъ и пекися.

Страхъ смерти отъемлетъ увеселеніе жизни.

4. Страхъ смерти отложи; безуменъ тотъ конечно,
Кто жизни сладость, той боясь, теряетъ вѣчно.

Убѣгать гнѣвливости.

5. Не зная дѣла въ точь, не спорь съ великимъ жаромъ;
Не можетъ истинны зрѣть умъ во гнѣвѣ яромъ.

Располагать расходъ смотря по нуждѣ.

6. При нужномъ случаѣ жалѣть не должно траты,
Но умѣряй расходъ по времени и къ стати.

Посредственное состояніе безопаснѣе.

7. Доволенъ малымъ будь; излишнеежъ все вредно:
На не большой рѣкѣ ладья плыветъ безбѣдно.

Потаенныхъ пороковъ не объявлять.

8. Не открывать другимъ, что стыдно и безчестно,
Чтобъ многимъ не винить, что одному извѣстно.

Тайныя дѣла наконецъ выходятъ наружу.

9. Не мни, чтобъ утаить пороки могъ злонравный;
Бываютъ до поры тѣ скрыты, послѣжъ явны.

Тѣлесная слабость душевнымъ дарованіемъ награждается.

10. Не презирай ты силъ того, кто тѣломъ скуденъ;
Кому силъ не дала природа, тотъ разсуденъ.

Сильнѣйшему уступать до времени.

11. До времени терпи, коль въ силахъ съ кѣмъ не равенъ:
Надъ сильнымъ немощной живетъ побѣдой славенъ.

Съ пріятелями не ссориться.

12. Къ знакомымъ не входи ты прекословя въ споры;
Родятся отъ пустыхъ словъ сильные раздоры.

Что Богъ опредѣлилъ, того жребіемъ не испытывать.

13. По жребію не тщись знать божескую волю;
Какую дать тебѣ, онъ безъ тебя вѣстъ, долю.

Отъ роскоши зависть раждается.

14. Чрезмѣрну роскошь брось; родится зависть злосна,
Которая хотя не вредна, но несносна.

Не малодушствовать для неправаго суда.

15. Не унывай чрезъ судъ обиженный неправой;
Неправдою живетъ не долго шпынь лукавой.

Старыхъ ссоръ снова не затѣвать.

16. Брань ссоры поминать прошедшей не прилично,
За тѣмъ что примирясь сердиться злымъ обычно.

Самаго себя ни хвали, ни хуль.

17. Не дожно ни хвалить себя ни хулить явно;
Уничижаются безумные тщеславно.

Бережливость имѣть.

18. Трать скопленно добро, коль есть, не таровато;
Въ день истощится все, что въ цѣлой годъ достато.

Иногда не быть высокомѣрну.

19. По нуждѣ простячкомъ и времени ты буди,
Какъ притворяются подъ часъ разумны люди.

Не быть ни мотомъ ни скупымъ.

20. Роскошно жить блюдись, или съ достаткомъ скупо;
То и другое столь бесчестно, сколь и глупо.

Болтливому мало вѣрить

21. Не за-все принимай разсказы за правдивы;
Не много вѣрятъ тѣмъ, которые болтливы.

Пьяницѣ вино винить недолжно.

22. Не извиняй себя ты пьянствомъ, преступая;
Вить не вино винитъ, но страсть къ нему презлая.

Друзьямъ сообщать намѣренія.

23. Мысль тайну ты ввѣряй пріятелю надежну,
А здравіе врачу и вѣрну и прилѣжну.

На удачу злыхъ смотрѣть спокойно.

24. Безъ огорченья злыхъ моги успѣхи видѣть;
Имъ щастье для того льститъ, чтобъ сильняй обидѣть.

Предъусматривать будущіе случаи.

25. Тѣ, кои долженъ ты сносить, размысли слѣдства;
Не столь чуствительны предъусмотренны бѣдства.

Въ нещастіи ободряться надеждою.

26. Въ нещастіи крѣпись и лучшей жди премѣны;
Надеждой льститься всякъ и къ смерти приближенный.

Благовременнаго случая не упускать.

27. Не упускай, когда полезно быть что чаешь;
Съ глазъ случай не схвативъ, ужъ съ тылу не поймаешь.

По прошедшему о будущемъ разсуждать.

28. Зрѣвъ съ зади холмъ, смотри, не ощутятсяль горы;
Какъ въ обѣ стороны Янъ простираетъ взоры.

*

Наблюдать порядокъ въ жизни.

29. Чтобъ поздоровѣй жить, порою будь воздерженъ:
Тѣмъ слабѣе, сластямъ чѣмъ больше кто подверженъ.

Уступать множеству.

30. Не презирай отнюдь одинъ народно мнѣнье;
Постылъ самъ будешь всѣмъ ко многимъ за презрѣнье.

Здравіе хранить.

31. Пекись во первыхъ, чтобъ соблюсть здоровье цѣло;
Не время, самъ виной ты, что слабѣетъ тѣло.

Сновъ не примѣчать.

32. Сны за ничто вмѣняй, когда то видимъ спящи,
Чего желаетъ мысль, и чѣмъ мы льстимся бдящи.

КНИГА ТРЕТІЯ.

1. Коль силу знать стиховъ читатель хочетъ внятный,
Дающихъ правила, какъ жить, благопріятны;
Великой найдетъ плодъ. Когдажъ въ ничто почтетъ,
То не меня, но самъ себя пренебрежетъ.

2. Учися вѣкъ, и въ умъ вперяй ты наставленья;
Жизнь смерти образъ есть наукъ безъ просвѣщенья.

3. Чѣмъ щастье не снабдитъ, тѣмъ ты доволенъ буди;
Не за богатство чтутъ, за честны нравы люди.

Добродѣтельной людскихъ рѣчей не боится.

4. Коль честно жизнь ведешь злыхъ презирай навѣты:
Кто что ни говоритъ, нѣтъ никому запреты.

Скрывать погрѣшности друга.

5. Свидѣтельствуя, крой вину друговъ, сколь можно,
Но честь и стыдъ при томъ храни ты осторожно.

Ласкательныя рѣчи подозрительны.

6. Блюдися мягкихъ словъ, и кои слаще меда;
Знакъ правды простота, притворнажъ льсти бесѣда.

Не вдаваться въ лѣность.

7. Не будь лѣнивъ, такой о жизни не радѣетъ;
Когда духъ нѣжится, то тѣло съ нимъ слабѣетъ.

Утружденному духу покой давать.

8. Со скукой иногда мѣшай житье весело,
Чтобъ могъ ты предпріять охотнѣй всяко дѣло.

Ни кого не охуждать съ злымъ намѣреніемъ

9. Другаго не порочь за дѣло или слово,
Чтобъ равно онъ съ тобой не поступилъ сурово.

Умножать наслѣдство.

10. Наслѣдну потерять часть ты имѣй опаску,
Но получивъ множь, чтобъ себя не дать въ огласку.

При старости быть щедрымъ.

11. Разбогатѣвъ будь щедръ при старости глубокой,
И не являй друзьямъ ты скупости безпрокой.

Не смотрѣть на состояніе, но на рѣчи говорящаго.

12. Не презирай, что рабъ внушаетъ, коль полезно;
Рѣчь благу всякаго внимати не бесчестно.

Настоящимъ щастіемъ довольну быть.

13. Когда достатокъ твой сталъ прежняго поменѣ,
Живи, смотря по той ты времени премѣнѣ.

Не жиниться для богатаго приданова,

14. Что возмешь за женой приданое большое,
Не льстись; а злу жену откинь, чтобъ жить въ покоѣ

Научаться примѣромъ другихъ.

15. Послѣдовать чему, иль отбѣгать, въ томъ люди
Примѣръ тебѣ дадутъ, ихъ правиломъ жизнь буди.

Всякой трудъ избирать по силѣ.

16. Пріемлися за то, что въ силахъ ты исправить,
Чтобъ тяжкаго труда по нуждѣ не оставить.

Молчаніе-знакъ согласія.

17. Худое дѣло зря, не дѣлай не извѣстнымъ,
Чтобъ злыхъ не слыть, смолчавъ, сообщникомъ безчест-
нымъ.

Строгость умѣрять снисхожденіемъ.

18. Коль строгъ законъ, проси о помощи судъ главный;
Разборомъ правымъ дѣлъ законы суть исправны.

Терпи, чему ты самъ виною.

19. Что заслужилъ, сноси то само терпѣливо;
Сама себя раба бьетъ, есть́ли жнетъ лѣниво.

Читай много, но съ разсужденіемъ.

20. Чти много, и марай чтя многожъ равномѣрно;
Хоть дивно; но не все въ стихахъ есть имовѣрно.

При пирушкѣ учтиво говорить.

21. Тщись забавлять гостей учтивымъ разговоромъ,
Чтобъ не почли твоихъ словъ вмѣсто шутокъ вздоромъ.

Не бойся гнѣва женъ.

22. Не бойся пылкихъ словъ жены, когда наскачетъ,
За тѣмъ что строитъ ковъ, какъ неутѣшно плачетъ.

Пріобрѣтенное въ пользу, а не возло употреблять.

23. На пользу обращай добро, не тратя даромъ;
Прохолодѣвъ чужимъ мотъ станетъ грѣться жаромъ.

Не бояться смерти.

24. Имѣй то въ головѣ, чтобъ смерти не бояться;
Хотя она горька, но бѣдства прекратятся.

Болтливая, но благонравная жена сносна.

25. Сноси языкъ жены честнаго поведенья;
Порочно не молчать и не имѣть терпѣнья.

Любовь къ родителямъ.

26, Родителей люби, чтя оныхъ съ должнымъ чиномъ,
И не гнѣви мать, тщась отцу быть милымъ сыномъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Кто хочетъ проводить покойный вѣкъ и правый,
И сердце чистое имѣть съ благими нравы,
Тотъ правила сіи прочитывай всегда;
Обрящетъ много, имъ послѣдуя, плода.

Презирать богатство.

2. Чтобъ духъ спокойный былъ, богатства презри многи;
Ктожъ за велико чтетъ ихъ, тотъ всегда убогій.

Жить такъ, какъ велитъ натура, весьма изрядно.

3. Не оскудѣешь въ вѣкъ натуры ты въ выгодахъ,
Когда при нужномъ всемъ не тужишь о доходахъ.

Дѣла разумомъ управлять.

4. Коль безразсуденъ ты и нерадивъ собою,
Фортуны, коей нѣтъ, не называй слѣпою.

Любить деньги для потребы.

5. Люби ты деньги съ тѣмъ, была чтобъ въ нуждѣ трата:
Всѣмъ честнымъ милы тѣ не для сребра и злата.

Не жалѣть богатства въ немощи.

6. Богатой здравость тщись блюсть тѣла вселюбезну;
Не любитъ самъ себя большой богачъ, но безну.

Сносить родительское наказаніе.

7. Когда участь терпѣлъ отъ мастера удары,
Сносиӂъ разумнаго отца съ журьбой гнѣвъ ярый.

Дѣлать извѣстное и полезное.

8. Полезное твори; а въ чемъ льзя обмануться,
И въ чемъ надежды нѣтъ, не долженъ ты коснуться.

Охотно дарить.

9. Что можешь подарить, отдай безъ купли другу;
И то барышъ, когда благимъ явишь услугу.

Подозрительное не медля испытывать.

10. Сомнительное все изслѣдуй тотъчасъ строго;
Вредитъ, въ чѣмъ зла сперва нечаялъ никакого.

Сластолюбіе отвращать воздержаніемъ

11. Коль страсть любви тебя неистова тревожитъ,
Мамонѣ не служи, котора похоть множитъ.

Злой человѣкъ самый лютый звѣрь.

12. Когда всякъ звѣрь тебѣ опаснымъ мнитса дикой,
То паче человѣкъ другому врагъ великой.

Мудрость предпочитать храбрости.

13. Имѣя крѣпость силъ и мужество ужасно,
будь мудръ; захраброго вмѣнишься не напрасно.

Другъ–врачь сердца.

14. У ближнихъ ты проси пособія въ болѣзни;
Нѣтъ лучшаго врача, какъ только другъ любезный.

Жертва духъ сокрушенный.

15. Почто, когда ты самъ виновенъ, жертва страждетъ?
Безуменъ, кто спастись чужою смертью жаждетъ.

Друга избирать по нравамъ.

16. Когда товарищъ, иль пріятель вѣрной нуженъ,
Будь не для знати съ нимъ, для честной жизни друженъ.

Не быть скупымъ

17. Богатства не жалѣй, чтобъ не прослылъ скупягой:
Что въ немъ, коль съ нищимъ ты равняешься бродягой?

Роскошь опровергаетъ добрую славу.

18. Коль хочешь сохранить во всю жизнь имя честно,
Изъ сердца истреби роскошество прелестно.

Стараго, хотя и безумнаго, не осмѣевай.

19. Когда твой разумъ зрѣлъ, не смѣйся, кто старъ лѣты,
За тѣмъ, что въ старыхъ смыслъ ребячей и примѣты.

Богатство временно, а ученіе вѣчно.

20. Учись чему нибудь; какъ щастье отщетится,
Наука во всю жизнь съ тобой не разлучится.

Познавать обычаи изъ рѣчей.

21. Съ молчаніемъ внимай ты всѣ людскія рѣчи;
Являеть рѣчъ, и тажъ таитъ нравъ человѣчій.

Науку подкрѣплять упражненіемъ.

22. Хоть обучился ты, но продолжай науки:
Въ наукѣ тщаніе, въ искусствѣ нужны руки.

Презрѣніе жизни.

23. О будущемъ концѣ твой духъ да не крушится;
Кто презираетъ жизнь, тотъ смерти не страшится.

Учиться и учить.

24. Учись у мудрыхъ, самъ учи необученныхъ:
Распространять есть долгъ плоды наукъ почтенныхъ.

Пить умѣренно.

25. По силѣ пей, когда соблюсть жизнь хочешь здраву;
Излишняжъ прихоть вредъ приноситъ, не забаву.

Хваленаго не охуждать.

26. Что явно ни хвалилъ, хорошимъ что ни ставилъ,
Не хуль, чтобъ вѣтреннымъ себѣ ты не ославилъ.

Въ щастіи и нещастіи быть осторожну.

27, Какъ въ щастіи цвѣтешь, страшись, чтобъ не увянуть;
Въ ненастье уповай, что ясны дни настанутъ.

Мудрость прилежаніемъ умножается.

28. Учись не престая; острится умъ раченьемъ:
Получишъ рѣдкой даръ должайшимъ упражненьемъ.

Не много хвалить.

29. Хвали, но мало; тотъ кого возносишь много,
Покажетъ вдругъ себя противъ похвалъ иного.

Учиться не стыдясь.

30. Не зная, отъ другихъ брать не стыдись науку:
Знать, похвала; порокъ, имѣть въ ученьи скуку.

При слабостяхъ наблюдать скромность.

31. Приманчивы любовь и хмель, но хлопотливы;
Любижъ, что веселитъ духъ, но не будь сварливый.

Печальнымъ и задумчивымъ не вѣрить.

32. Отъ нелюдимокъ ты молчащихъ бойся лиха,
За тѣмъ что глубже та рѣка, котора тиха.

Одно состояніе примѣнять къ другому.

33. Сравнивъ съ другимъ себя, когда свой жребій скученъ,
Найдешъ, чѣмъ болѣ ты предъ нимъ благополученъ.

Ни за что не приниматься свыше силъ.

34. По силѣ избирай трудъ; плавать возлѣ брега
Есть безопаснѣе морскаго судну бѣга.

Съ справедливымъ коварно раздору не затѣвать.

35. Съ правдивымъ не вступай въ здоръ съ умысломъ лукавымъ;
Противъ неправды самъ богъ есть защитникъ правымъ.

Щастіе и нещастіе равно почитать.

36. Богатство потерявъ, не плачь и не крушися;
А естьли наживешь, то паче веселися.

Отъ друга что сносить.

37. Напрасная вещей чувствительна есть трата;
Иноежъ долженъ снесть отъ друга ты и брата.

Не надѣятся на время.

38. Не обѣщай себѣ ты жизни долги лѣта;
Смерть всюду за тобой течетъ, какъ тѣнь отъ свѣта.

Чѣмъ умилостивлять Бога.

39. Жги ладонъ богу въ честь, тельца оставь для пашни;
Тѣмъ не спасешься, что заколешь скотъ домашній.

Не оказывать обидъ, претерпѣваемыхъ отъ сильныхъ.

40. Отъ сильныхъ будучи гонимъ, не дѣлай виду:
Полезенъ будетъ въ часъ, кто сдѣлать могъ обиду.

Самаго себя наказывать.

41. За свой грѣхъ тотчасъ самъ себя да наказуешь;
Отъ боли боль цѣлитъ, какъ раны ты врачуешь.

Премѣнившагося друга не порицать.

42. Какъ нравъ премѣнитъ, съкѣмъ дружился ты издавна;
Для прежней дружбы съ нимъ не дѣлай въ томъ безславна.

Учиненныя благодѣянія чувствовать.

43. Милъ будешь, какъ тобой услугъ долгъ будетъ плаченъ;
Иначежъ скажетъ всякъ: Кормъ не въ коня потраченъ.

Не быть подозрѣвающимъ.

44. Тщись мнительнымъ не быть, страшливы всякъ часъ;
бѣдны;
Приличнѣе всего такимъ конецъ послѣдній.

Снисходить рабамъ.

45. Какъ наживешь, купивъ слугъ, имя господина,
Рабами чти, но знай, чтолюди, не скотина.

Благовременнаго случая не упускай.

46. Коль нервый случай есть, не упускай ты просто,
Чтобъ не искать того, что пренебрегъ, лѣтъ со сто.

Не радоваться о незапной смерти злыхъ.

47. Не радуйся ты злыхъ нечаянной кончинѣ;
Такой же добрые подвержены судбинѣ.

Убогой съ притворнымъ другомъ не знакомся.

48. Когда есть у тебя. убогаго, супруга,
Чтобъ славы не нажить худой, живи безъ друга.

Ученіе вѣчно.

49. Чѣмъ больше будешь знать посредствомъ ты науки,
Тѣмъ болѣе учись, и не имѣй въ томъ скуки.

Краткое тверже помнится.

50. Дивишься, что простой я слогъ употребляю;
Тѣмъ краткость съ ясностью въ стихахъ совокупляю.

Конецъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

